

2025 | Том 17 | № 4

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

2025
Т. 17
№ 4

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ГЕОЭКОНОМИКА

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНИЛА КАНТА

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2025 || Том 17 || № 4

КАЛИНИНГРАД

Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта

2025

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2025
Том 17
№ 4

Калининград :
Издательство БФУ
им. И. Канта, 2025.
188 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru>

© **Оформление,**
БФУ им. И. Канта, 2025

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Т. Ю. Кузнецова**, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); **В. В. Воинов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО МИД России (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худолей**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия). **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 25.12.2025 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Геополитика и международные отношения

Сутырин В. В. Геополитика малых шагов: германские политические фонды в Белоруссии в 2014—2020 годы4

Стрюковатый В. В., Межевич Н. М., Зверев Ю. М. Балтийский регион как «серая зона»: балансирование на грани вооруженного конфликта26

Павлова М. С., Тимофеев П. П. Франко-польский договор в НАНСИ: дружба без обязательств?49

Попов Д. И. Образ России в исторической политике Финляндии в контексте вступления в НАТО: на примере речей президента С. Ниинистё.....68

Геоэкономика

Изотов Д. А. Внешняя торговля России сырьевыми и промышленными товарами: влияние интеграционных соглашений и санкций84

Новикова А. А., Ажинов Д. Г. Устойчивая типология регионов России по уровню научно-технологического развития за 2012—2024 годы107

Развитие приграничных регионов

Никонова Г. Н. Изменения территориальной структуры сельскохозяйственного землепользования в Ленинградской области136

Лялина А. В., Митрофанова А. В., Кропинова Е. Г., Плотникова А. П. Рынок труда в сфере туризма Калининградской области: пространственные особенности160

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

FESCAP

ГЕОПОЛИТИКА МАЛЫХ ШАГОВ: ГЕРМАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОНДЫ В БЕЛОРУССИИ В 2014–2020 ГОДЫ

В. В. Сутырин

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

Поступила в редакцию 14.08.2025 г.
Принята к публикации 15.10.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-1
© Сутырин В. В., 2025

Статья посвящена анализу деятельности германских политических фондов в Белоруссии в период 2014–2020 гг. на примере Фонда имени Ф. Эберта и Фонда имени К. Аденауэра. Исследование основано на неоклассическом реализме и рассматривает фонды как акторов, действующих автономно, но в русле внешней политики Германии. Проанализированы мероприятия и аналитические документы фондов, их контакты с белорусским обществом и властью в контексте приближения к политическому кризису 2020 г. Фонд Эберта делал акцент на социально-экономических реформах, подчеркивая «устарелость» белорусской экономической модели, что создавало почву для запроса на западную поддержку. Фонд Аденауэра фокусировался на вопросах безопасности. Сделан вывод, что лишь часть усилий фондов была направлена на внутреннюю трансформацию белорусского режима. На практике на первый план вышла геополитическая логика действий фондов в стремлении повлиять на региональный порядок, добившись через пропаганду «нейтралитета» Белоруссии ослабления военно-политических позиций России в Балтийском регионе, в том числе в контексте Калининградского эксклава. Исследование не выявило достаточных публичных признаков решающего воздействия фондов на развитие внутрибелорусских оппозиционных организационных центров в контексте кризиса 2020 г. Вместо этого приоритет зачастую отдавался формированию транснациональных экспертных сетей, нацеленных на продвижение прозападных геополитических нарративов в Белоруссии. Полученный вывод ставит под вопрос распространенное мнение о немецких политических фондах как акторах «демократизации», отягощенных идеологическими шаблонами, представляя их как подвижных и прагматичных операторов, действующих в геополитической логике.

Ключевые слова:

Белоруссия, гуманитарное влияние, германские политические фонды, Фонд имени Ф. Эберта, Фонд имени К. Аденауэра, геополитика, нейтралитет

Для цитирования: Сутырин В. В. Геополитика малых шагов: германские политические фонды в Белоруссии в 2014–2020 годы // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 4. С. 4–25. doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-1

В условиях конфронтации России и НАТО обстановка в Белоруссии оказывает важное влияние на геостратегический баланс в Балтийском регионе. На фоне эскалации украинского кризиса в 2014 г. Минск пытался капитализировать роль переговорной площадки в интересах укрепления своего международного статуса и диверсификации внешних связей. В ситуации инерции позиции Евросоюза, сотрудничество с которым было заморожено после завершения предыдущего цикла «оттепели» между Белоруссией и Западом в 2010 г., заметную роль сыграли германские околопартийные политические фонды. Крупнейшие из них — фонды имени К. Аденауэра и Ф. Эберта — стали заметными акторами на новом витке сближения Минска с ФРГ и Евросоюзом, завершившимся в 2020 г. крупнейшим политическим кризисом в Белоруссии.

Белорусская власть сделала свои выводы о причинах кризиса 2020 г. В частности, в 2021 г. президент Белоруссии А. Лукашенко заявил о том, что были найдены доказательства финансирования Фондом имени Ф. Эберта «независимых профсоюзов и деструктивных негосударственных организаций», и призвал представителей власти «фиксировать, где под видом добрых дел расшатывают общество»¹.

В республике в 2021—2022 гг. была проведена «зачистка» инфраструктуры западного влияния, но расположенность к налаживанию связей с Западом в Минске сохраняется. Наблюдаются и неофициальные сигналы со стороны Запада о возможности отказа от политики изоляции Белоруссии для возобновления игры на ее «вовлечение»² [1]. Лишившись официальных контактов в Минске, германские фонды активно работают с белорусской оппозицией, поддерживая эмигрантские политические центры. Работа нацелена на долгосрочную перспективу в рамках влияния непрямыми методами, в том числе в контексте продвижения среди целевых групп в белорусском обществе нарративов о Белоруссии как части «европейской семьи», которая исторически якобы подвергалась притеснению со стороны России. Данные тезисы были вновь озвучены в статье директора по Белоруссии Фонда имени К. Аденауэра Я. Валленштейна в 2023 г. [2].

В целом события и публикации 2014—2020 гг. представляют важный публичный материал для анализа методов работы немецких фондов в Белоруссии, их взаимодействия с местными властями, а также участия в формировании и реализации внешней политики ФРГ. Настоящая статья нацелена на анализ обозначенных проблем, осуществляя вклад в дискуссию об эффективности работы фондов, их взаимной синхронизации, а также обогащение представлений о методах непрямого политического влияния в международных отношениях. Основная исследовательская проблема связана с вопросом о том, являются ли германские околопартийные политические фонды преимущественно идеологическими акторами «демократизации», или они действуют в геополитической логике.

Эмпирический материал статьи составили официальные публикации белорусских и германских органов власти, отчеты и аналитические документы немецких политических фондов имени Ф. Эберта и К. Аденауэра, а также публикации СМИ и публичные заявления представителей фондов и официальных лиц.

¹ Встреча с активом местной вертикали по актуальным вопросам общественно-политической обстановки, 2021, *Президент Республики Беларусь*, URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-aktivom-mestnoy-vertikali-po-aktualnym-voprosam-obshchestvenno-politicheskoy-obstanovki> (дата обращения: 20.05.2025).

² О контактах с США см.: Higgins, A., Dapkus, T. 2025, A Quick, Quiet Trip to Belarus Signals a Turn in U. S. Policy, *The New York Times*, 15.02.2025, URL: <https://www.nytimes.com/2025/02/15/world/europe/belarus-us-prisoners-diplomacy.html> (дата обращения: 20.05.2025).

Анализ эмпирического материала осуществлен при помощи нескольких методов. Ивент-анализ использован для выстраивания мероприятий фондов в хронологической последовательности на фоне международно-политического событийного ряда. Дискурс-анализ применялся для изучения публикаций и выступлений представителей фондов, а также официальных лиц Республики Беларусь (РБ). Сравнительный метод использован для выявления особенностей работы фондов в Белоруссии.

Теоретические основания изучения фондов

Причины кризиса в Белоруссии в 2020 г. стали предметом исследований [3]¹, но проблематика конкретных акторов, влиявших на политический процесс в республике в предшествовавшие кризису годы, а также конституировавшие их факторы изучены недостаточно. При этом германские политические фонды в контексте внешней политики ФРГ давно в фокусе исследовательского внимания — как в историко-политическом [4; 5], так и в сравнительном ракурсе [6]. Сложился корпус литературы, посвященной анализу регионального присутствия фондов как основных акторов «мягкой силы» ФРГ в Прибалтике [7], участников процессов «демократизации» и драйверов германских интересов в Латинской Америке [8], Средиземноморье и Греции в контексте кризиса еврозоны [9], а также в Северной Африке, прежде всего в Тунисе на фоне «арабской весны» [10]. На примере Украины исследования показали, что фонды в долгосрочной перспективе способствуют трансформации политической системы в качестве агентов социализации и инструментов продвижения норм [11]. Одно из немногих исследований белорусского кейса в деятельности германских фондов выявило сходство в подходах немецких фондов и американских НПО при работе в РБ [12].

Востребовано изучение инструментария фондов как средства продвижения геэкономических интересов ФРГ, особенно в части перехода на возобновляемую энергетику [13; 14]. Значительный корпус литературы сосредоточен на анализе достижений и неудач фондов в части «демократизации» зарубежных стран [15; 16]. Однако геополитическое измерение работы фондов изучено недостаточно. Ряд исследований, в том числе свежих, исходит из традиционной посылки о том, что германские фонды не могут полноценно работать в геополитической логике, так как ограничены идеологически и вынуждены подстраиваться под свои «материнские» партии в ФРГ и местных партнеров [17]. Периферийность геополитического ракурса характерна и для изучения фондов в целом. Фонды рассматривались как инструмент развития обществ и стран [18], конструкторы гегемонии [19], акторы производства знаний и управления дискурсом [20].

Преодоление лакуны ставит вопрос об изучении фондов как инструмента политического освоения и контроля пространств невоенными методами, в том числе в контексте дискурсивного и междержавного соперничества. Белоруссия, не имеющая выхода к морю, обладает тем не менее важным геостратегическим положением для Балтийского региона. Учитывая близость к Калининградской области, а также протяженную границу с Украиной, Польшей и странами Прибалтики, можно утверждать, что «белорусский балкон» серьезно влияет на стратегические расчеты в регионе. Экономически Белоруссия до 2020 г. была глубоко вовлечена в торговлю в акватории Балтийского моря, используя сухопутный транзит через Польшу и морские порты в странах Прибалтики для экспорта своей продукции.

¹ Сутырин, В.В. 2020, Перестройка по-белорусски: логика системного кризиса, РСМД, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perestroyka-po-belorusski-logika-sistemnogo-krizisa/> (дата обращения: 17.09.2020).

При этом развитие политического процесса в республике оставалось консервативным, демонстрируя преемственность курсу на взаимодействие с Россией и сохранение советского наследия в политике и культуре, особенно на фоне ближайших западных соседей.

Противопоставление демократизаторских и геополитических обертонов в работе германских фондов в Белоруссии представляется эвристически малопродуктивным. Нет оснований отвергать тезис о том, что «демократизация» в политике Евросоюза предполагала расширение влияния, в том числе геополитического, ее заказчиков, что удачно схвачено в концептуализации ЕС как империи [21; 22]. Привычная оптика рассмотрения ЕС и ФРГ как ценностных или гражданских акторов [23] не предлагает достаточной аргументации для исключения геополитической мотивировки из теории анализа.

В этих условиях целесообразно наряду с преобладавшими левыми трактовками деятельности германских фондов как либеральных модернизаторов или империалистических конструкторов гегемонии (в зависимости от позиции наблюдателя) посмотреть на фонды сквозь реалистическую призму в рамках неоклассического реализма [24; 25]. В этой связи теоретическая фабула анализа выглядит следующим образом. Государства остаются основными действующими лицами международных отношений в условиях, близких к анархическим. Однако их действия определяются не только системными («объективными») факторами, такими как соотношение сил на международной арене, размер и ресурсная обеспеченность вооруженных сил, экономическая мощь, военные расходы, но также геополитическими факторами пространственного положения и субъективными факторами восприятия элитами угроз, системой принятия решений и расстановкой политических сил внутри государства.

Интерпретация национальных интересов и внешнеполитической ситуации осуществляется политико-формирующими кругами, находящимися в определенной политической, социально-культурной и информационно-психологической среде. Внешнее воздействие на эту среду, которое автор определяет как культурно-гуманитарное влияние [26], может косвенным образом корректировать внутри- и внешнеполитический курс государства. В этой связи неправительственные организации, прежде всего политические фонды, способны оказывать влияние на политику посредством выстраивания и режиссирования межэлитных контактов, продвижения нарративов и социализации элит. Говоря о механизмах такого влияния, следует отметить, что важнейшую роль в конструировании политического дискурса, в том числе дискурса об угрозах, а также идентичности лиц, принимающих решения, играют эпистемические сообщества и транснациональные экспертные сети [27; 28]. Германские фонды зачастую предпочитают работать именно с этой аудиторией, уделяя меньше внимания массовым группам, и Белоруссия не исключение.

Вместе с тем принимая оптику неоклассического реализма на теоретическом уровне, следует разрешить противоречие. В литературе достаточно распространены попытки противопоставления фондов и государства (не только «целевого» как объекта влияния, но и «материнского»), выводимые из идеи о том, что фонды играют на поле «гражданского общества». Особенно популярны такие концепции были в предыдущие два десятилетия: на фонды примерялись роли акторов «глобального гражданского общества» [29] или конструкторов «глобальной агоры» [30].

Однако эмпирические исследования показывают, что германские фонды могут отклоняться от официальной линии государства на тактическом уровне, но стратегически ей соответствуют [31]. Фонды финансируются из федерального

бюджета и играют системную роль во внешней политике ФРГ, дополняя официальную дипломатию. Это становится возможным именно благодаря формально негосударственному, «гражданскому» юридическому статусу фондов. В результате возрастает их толерантность к рискам вмешательства в чувствительные сферы зарубежных государств, что позволяет фондам действовать гибче и быстрее, чем государственная бюрократия. Эти институты формируют специфические кадры, которые обладают психологией посредников и идеологов, чувствуя себя более свободно, чем официальные чиновники. Поэтому фонды способны сотрудничать с разными сегментами элит и оппозиционными группами, работать в странах с ограниченным дипломатическим присутствием, создавая группы давления и каналы сбора информации.

Корни сложившейся системы работы уходят к денацификации Западной Германии. Околопартийные политические фонды создавались для политического образования с целью демократизации в условиях «полусуверенного государства» [32]. Зарубежная работа фондов началась уже в 1950-е гг. и была связана с антикоммунистической повесткой в Латинской Америке [33], позднее — с «демократизацией» на Иберийском полуострове.

На фоне распада СССР фонды начали осваивать постсоветское пространство, прежде всего Балтийский регион. Однако экспансия не ограничилась историческим ареалом германского присутствия на берегах Балтийского моря и быстро начала распространяться вглубь материка на Украину и Белоруссию — традиционные пограничные территории между германской и российской геополитическими платформами.

Несмотря на это, исследователи продолжали рассматривать фонды преимущественно сквозь призму «демократизации», следуя господствовавшей интеллектуальной моде. Предметные исследования геополитического сдвига в деятельности германских фондов стали появляться лишь недавно. Например, по итогам опросов сотрудников фондов была зафиксирована их геополитическая мотивировка [17]. Вместе с тем взгляда «изнутри» недостаточно — важен взгляд «со стороны» на основе анализа основных публичных тезисов и мероприятий фондов.

Фонд имени Фридриха Эберта

В первой половине 1990-х гг. в Белоруссии начали деятельность многочисленные германские агентства и НПО — ДААД, фонды имени Александра Гумбольдта, Конрада Аденауэра, Роберта Боша, Карла Дуйсберга, Институт Макса Планка и др. [34, с. 126]. Фонд имени Фридриха Эберта (далее — ФФЭ) работает на белорусском направлении с 1993 г. В 2011 г., на фоне очередного кризиса в отношениях Минска с ЕС, белорусская сторона не продлила регистрацию представительства фонда в республике — он продолжил работу в Белоруссии из своего бюро в Киеве.

Основными приоритетами ФФЭ в Белоруссии заявлены демократия и верховенство права, права рабочих, профсоюзы, экономическая модель Белоруссии, политический диалог с Германией и другими европейскими странами на основе европейских ценностей демократии и прав человека, а также укрепление мира и безопасности в регионе¹.

¹ Friedrich-Ebert-Stiftung Belarus, 2025, URL: <https://belarus.fes.de/ru/index.html> (дата обращения: 20.05.2025).

В октябре 2014 г. глава МИД Белоруссии принял члена правления ФФЭ, с которым в частности обсуждались вопросы региональной безопасности¹. В этом же году Фонд выпустил доклад за авторством двух экспертов, представляющих Белоруссию и Украину [35]. Подобное «многоязычие» является типичным для мероприятий и публикаций ФФЭ по Белоруссии. Подбор экспертов, определение повестки мероприятий и редакция публикаций остается за сотрудниками Фонда, что позволяет режиссировать публичный дискурс, но избегать обвинений в пропаганде или вмешательстве во внутренние дела. Идеология заключалась в том, чтобы предоставить площадку для разных точек зрения, закрепив за Фондом роль модератора дискурса и рамок дозволенного. Так, позиции обоих соавторов доклада по чувствительным вопросам, например Крыма, оказались общими, вписывающимися в западную систему координат. В докладе утверждалось, что «российский фактор всегда отягощал нормальный политический диалог» между Украиной и Белоруссией [35, с. 13]. Оба автора обсуждали тему «Восточного партнерства» как платформы для диалога между Белоруссией и Украиной. Была выдвинута идея Украины как «адвоката Белоруссии» в отношениях с Западом, а Белоруссии как «посредника в украинско-российском диалоге» [35, с. 38].

ФФЭ в Белоруссии уделял большое внимание тематике Евразийского экономического союза (ЕАЭС), прежде всего особенностям восприятия и опасениям относительно Союза в белорусских политико-формирующих кругах. В 2015 г. Фонд опубликовал доклад, посвященный внутренним противоречиям в Союзе [36]. Авторы отметили разночтения между российским взглядом на будущее ЕАЭС как якобы «геополитического проекта» и взглядом Белоруссии и Казахстана, нацеленным на извлечение конкретных экономических выгод. В разделе, написанном белорусским соавтором, утверждалось, что российские идеи «политической интеграции» воспринимаются в Белоруссии и Казахстане как «прямая угроза национальному суверенитету», но в будущем «Кремль вновь займется идеей срочной политической интеграции в ЕАЭС» [36, р. 16—17]. При этом в случае отказа от дальнейшей интеграции автор прогнозировал «опасность дестабилизации Белоруссии из-за давления России, как на Украине» [Ibid.].

ФФЭ в сотрудничестве с Центром изучения внешней политики и безопасности поддержал проведение в марте 2015 г. в Белорусском госуниверситете международного семинара «Украинский кризис — вызов системе европейской безопасности». В ходе мероприятия белорусские эксперты озвучили тезисы о том, что переговорная площадка в Минске является заслугой белорусской дипломатии, а также о выгодности нейтральной позиции Белоруссии к Западу и Востоку².

Второго февраля 2016 г. глава МИД РБ В. Макей встретился с руководителем регионального представительства ФФЭ в Киеве Ш. Мойзером и послом ФРГ в Белоруссии П. Деттмаром³. В этом же месяце Фонд выпустил доклад [37], соавтором которого стал Мойзер, сформулировавший своеобразную программу дея-

¹ Аб сустрэчы Міністра замежных спраў Беларусі У. Макея з былым Старшынёй Сацыял-дэмакратычнай партыі Германіі, былым Прэм'ер-міністрам федэральнай зямлі Брандэнбург, М. Платцэкам Крыніца, 2024, *Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь*, 03.10.2024, URL: https://mfa.gov.by/be/press/news_mfa/ad0c1907d1218cee.html (дата обращения: 20.05.2025).

² Украинский кризис как угроза национальной безопасности Республики Беларусь, 2015, *РИСИ*, 20.03.2015, URL: <https://www.riss.ru/analitica/ukrainskiy-krizis-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.05.2025).

³ Аб сустрэчы Міністра замежных спраў У.Макея з Ш.Мойзерам і П.Дэтмарам Крыніца, 2016, *Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь*, 02.02.2016, URL: https://mfa.gov.by/be/press/news_mfa/b3b140e62c94398b.html (дата обращения: 20.05.2025).

тельности Фонда на белорусском направлении вплоть до кризиса 2020 г. В докладе было признано, что белорусское общество демонстрирует «скромный энтузиазм к европейским экспериментам с неопределенным исходом», но региональные процессы и экономические интересы Минска делают возможным и целесообразным переход ЕС к политике малых шагов. Вместо максималистских ставок на смену режима было предложено выстраивать «стабильную инфраструктуру диалога с Белоруссией» при активном вовлечении гражданского общества, в том числе по отдельным вопросам в сфере экономики, верховенства права, социальных гарантий, образования, а также диалога по линии ЕС — ЕАЭС.

Анализ включал ряд достаточно проницательных наблюдений, например о том, что «поиск материальной выгоды от международного сотрудничества» является центральной идеей внешней политики Белоруссии. Доклад содержал предостережение от сверхамбициозной политики ЕС в отношении Белоруссии, которая «пробудит невыполнимые надежды в прогрессивной части белорусского общества» (речь, очевидно, идет о евроинтеграции Белоруссии, которую ФРГ не поддерживала в отличие от интенций Польши в рамках Восточного партнерства [38]).

Авторы в духе прагматизма, переходящего в цинизм, свойственный скорее непубличному политическому анализу, констатировали, что Белоруссии «не хватает критической массы и внутреннего давления для возникновения революционной ситуации» [37, р. 5]. Поэтому было предложено идти по более умеренному пути создания условий для увеличения вероятности «позитивных» социальных и экономических трансформаций в направлении демократизации.

Была сформулирована задача убедить Минск, что Запад не является врагом, а представители гражданского общества не являются агентами подрывной деятельности, но выступают партнером государства [37, р. 6]¹. В частности, было предложено наладить диалог с отдельными сегментами белорусского госаппарата вокруг темы модернизации белорусской экономики, так как белорусская экономическая модель якобы «отработала свое». Авторы рекомендовали также поддерживать диалог между ЕС и ЕАЭС, отмечая потенциал объединения как средства ограничения способности России к односторонним действиям. Была высказана идея содействовать переводу диалога между Минском и Москвой в формат диалога по линии ЕС — ЕАЭС с тем, чтобы получить возможности укреплять позицию Минска в той части, где она совпадает с интересами ЕС/ФРГ.

В то же время ФФЭ в 2015—2020 гг. привлекал к сотрудничеству экспертов и поддерживал мероприятия Центра стратегических и внешнеполитических исследований, одного из своих основных контрагентов в Белоруссии, известного радикальными антироссийскими эскападами. Доклады, выполненные под зонтиком центра и презентованные в Минске при поддержке ФФЭ, были нацелены на мушкетирование темы якобы имевшей место «российской военной угрозы» для Белоруссии, а также дискредитацию евразийской интеграции как невыгодной и опасной с точки зрения интересов Минска².

¹ Учитывая, что значительная часть организаций белорусского гражданского общества либо получали регулярные гранты от западных фондов, либо действовали в Белоруссии с территории стран Прибалтики, Польши, Чехии, подобная задача означала создание новых точек входа в белорусский госаппарат для иностранных интересов и нарративов.

² Презентация доклада «Беларусь в ЕАЭС: год спустя», 2016, *Центр стратегических и внешнеполитических исследований*, 21.03.2016, URL: <https://www.forstrategy.org/ru/events/20160321> (дата обращения: 20.05.2025); Презентация докладов «ЕС и Восток в 2030 году» и «Новая геостратегия России», 2015, *Центр стратегических и внешнеполитических исследований*, 24.11.2015, URL: <https://www.forstrategy.org/ru/events/20151124> (дата обращения: 20.05.2025).

ФФЭ в 2017 г. опубликовал доклад Центра стратегических и внешнеполитических исследований об экономических реформах Белоруссии, в котором утверждалось, что «рецессия и валютные шоки в российской экономике и их последствия для Беларуси актуализировали потребности диверсификации торговых и экономических связей». Доклад был пронизан ссылками на «российское давление», которое якобы требовало от Минска мер по защите — либерализации экономики, приватизации предприятий госсектора, что невозможно без западной кредитной и технической поддержки [39, с. 4].

В апреле 2017 г. ФФЭ совместно с другим белорусским партнером — Центром изучения внешней политики и безопасности — провел международную конференцию по случаю 25-летия восстановления дипотношений между РБ и ФРГ. В ходе мероприятия с германской стороны акцентировалась принадлежность Беларуси к Европе и ее потенциал стать «мостиком» для взаимодействия между ЕАЭС и Германией¹. В октябре Фонд совместно с Центром организовал конференцию «Евразийский экономический союз: опыт и перспективы региональной интеграции», в рамках которой вновь обсуждались вопросы взаимодействия по линии ЕС — ЕАЭС².

Встречи белорусских дипломатов с ФФЭ стали фактически неотъемлемой частью межмидовских контактов и межпарламентского диалога между РБ и ФРГ. В феврале 2017 г. состоялся рабочий визит заместителя министра иностранных дел Белоруссии О. Кравченко в ФРГ в рамках белорусско-немецких межмидовских консультаций. Состоялась встреча с членом правления ФФЭ М. Платцеком. Стороны рассмотрели возможности расширения взаимодействия Белоруссии с фондом, в том числе в экономической и социальной сферах³.

В марте 2018 г. в Академии национальной обороны Австрии прошла конференция «Кризис европейской системы безопасности и роль ОБСЕ», организованная Академией и рядом австрийских аналитических центров при поддержке ФФЭ. Посол Беларуси в Австрии Е. Купчина выступила одним из основных докладчиков⁴. В сентябре 2018 г. в программе визита замглавы МИД РБ О. Кравченко в Берлин в рамках белорусско-германских межмидовских консультаций вновь была предусмотрена встреча с председателем ФФЭ К. Беком⁵.

Глава МИД РБ В. Макей в августе 2019 г. принял членов парламентской делегации ФРГ в рамках визита в Белоруссию, организованного германским фондом им.

¹ Беларусь является перспективной площадкой для переговоров нового формата общеевропейского сотрудничества — Линднер, 2017, *БЕЛТА*, 24.04.2017, URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-javljaetsja-perspektivnoj-ploschadkoj-dlja-peregovorov-novogo-formata-obscheevropejskogo-244254-2017/> (дата обращения: 20.05.2025).

² Перспективы развития евразийской интеграции рассмотрены на международной конференции в Минске, 2017, *БЕЛТА*, 24.10.2017, URL: <https://belta.by/politics/view/perspektivy-razvitiya-evrazijskoj-integratsii-rassmotreny-na-mezhdunarodnoj-konferentsii-v-minske-272872-2017/> (дата обращения: 20.05.2025).

³ О визите заместителя Министра иностранных дел Беларуси О. Кравченко в Германию, 2017, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, 24.02.2017, URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b8746b9711031d6a.html (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Об участии Посла Беларуси Е. Купчиной в дискуссии в рамках конференции «Кризис европейской системы безопасности и роль ОБСЕ», 2018, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, 07.03.2018, URL: https://mfa.gov.by/em_news/a686b3c245e07ef15.html (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ О визите заместителя Министра иностранных дел Беларуси О. Кравченко в Германию, 2018, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, 07.03.2018, URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e3d5a86c17a51153.html (дата обращения: 20.05.2025).

Ф. Эберта¹. В ходе встречи стороны обсудили состояние и перспективы развития белорусско-германского сотрудничества, включая его парламентское измерение, тематику взаимодействия Белоруссия — ЕС, а также актуальные вопросы региональной повестки дня. В октябре 2019 г. ФФЭ провел с Центром изучения внешней политики и безопасности конференцию «Евразийский экономический союз в контексте процессов региональной интеграции: новые вызовы и возможности». Представитель Фонда М. Литвин отметила важность ежегодной площадки для обсуждения темы евразийской интеграции, в том числе вызовов, которые стоят перед ЕАЭС².

Таким образом, основная публичная деятельность ФФЭ в Белоруссии была преимущественно сосредоточена на экспертной сфере и направлена на влияние на повестку участия Белоруссии в союзных с Россией инициативах, параллельно муслировались экономические и даже военные «угрозы» со стороны России. Это не мешало контактам с белорусскими властями, ставшим в рассмотренный период системными и регулярными. Тематика основных мероприятий фонда была связана с социально-экономическими проблемами согласно профилю деятельности ФФЭ, но геополитический подтекст отношений с Москвой и роли России в регионе неизменно акцентировался.

Фонд имени Конрада Аденауэра

Официальными целями Фонда имени К. Аденауэра в Белоруссии были провозглашены укрепление отношений с Германией и ЕС и вовлечение Белоруссии в европейское сообщество. Фонд информировал целевые группы в белорусском обществе и обеспечивал аналитикой европейские центры принятия решений. В качестве адресных аудиторий работа велась с парламентариями, чиновниками, предпринимателями, экспертным сообществом и молодежью.

Фонд имени К. Аденауэра (далее — ФКА) безуспешно пытался зарегистрировать свою представительство в Белоруссии с 2004 г.³, но в отличие от Фонда имени Ф. Эберта не добился даже временного успеха. Контакты официальных лиц Белоруссии с ФКА активизировались в феврале 2016 г., опередив на одну неделю решение ЕС о снятии значительной части санкций с Белоруссии, обнародованное 15 февраля. Восьмого февраля глава МИД РБ В. Макей принял руководителя регионального представительства Фонда имени Конрада Аденауэра (г. Вильнюс) В. Зендера⁴. Одиннадцатого февраля, выступая на конференции в

¹ О встрече Министра иностранных дел Беларуси В. Макея с членами германской парламентской делегации, 2018, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, 07.03.2018, URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e9b74fe6bb0ae3fd.html (дата обращения: 20.05.2025).

² Беларусь как председатель в ЕАЭС будет добиваться создания полноформатного экономического союза — МИД, 2019, *Белта*, 17.10.2019, URL: <https://belta.by/economics/view/belarus-kak-predsedatel-v-eaes-budet-dobivatsja-sozdaniya-polnoformatnogo-ekonomicheskogo-sojuza-mid-366038-2019/> (дата обращения: 20.05.2025).

³ Фонд Аденауэра опровергает обвинения Минска, 2005, *DW* (включена Министерством юстиции в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента), 24.02.2005, URL: <https://www.dw.com/ru/a-1500190> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ О встрече Министра иностранных дел Беларуси В.Макея с руководителем регионального представительства Фонда имени Конрада Аденауэра, 2016, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, 08.02.2016, URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/c6cf72b8035ab5ed.html (дата обращения: 20.05.2025).

Минске, В. Зендер охарактеризовал Белоруссию как «нейтральную территорию, умеющую общаться как с Западом, так и с Востоком», призвав белорусские власти выступить в качестве «модератора переговоров» по Украине, что сулило Минску роль «новой Вены, Женевы или Хельсинки»¹. В конференции, организованной при поддержке ФКА и инициативы «Минский диалог», принял участие глава МИД Белоруссии В. Макей и спецпредставитель председателя ОБСЕ в трехсторонней контактной группе по реализации мирного плана на востоке Украины М. Сайдик². Тем самым инициативе, поддержанной ФКА, на старте был обеспечен высокий уровень, что свидетельствовало о наличии общей повестки между германской и белорусской сторонами.

Аргументы и метафоры из выступления В. Зендера фактически сформировали основу стратегии аргументации, которую реализовывал ФКА в Белоруссии в последующие пять лет. Фонд имени Ф. Эберта поддерживал ряд крупных мероприятий экспертной площадки «Минский диалог», популяризовавших концепцию «нейтралитета» Белоруссии. Руководство ФКА небезосновательно полагало, что белорусские власти были заинтересованы именно в таком «нейтральном позиционировании». Так, глава белорусской дипломатии В. Макей не раз заявлял о стремлении превратить Белоруссию в «Швейцарию Восточной Европы»³.

Проблематика безопасности стала отправной точкой и лейтмотивом наиболее заметных мероприятий ФКА в РБ. В период с 2015 по 2018 г. в сотрудничестве с Департаментом публичной дипломатии НАТО и Центром изучения внешней политики и безопасности Фонд поддерживал ежегодные международные семинары «Международная безопасность и НАТО»⁴.

ФКА продолжил тесное взаимодействие с МИД Белоруссии. Девятого марта 2016 г. В. Макей встретился в Минске с председателем ФКА г. Петтерингом⁵. В апреле Фонд организовал рабочий визит в Брюссель белорусской делегации, в состав которой вошли эксперты МИД, секретариата Совета безопасности, Минобороны и Белгосуниверситета⁶. В сентябре чиновники и представители бело-

¹ Беларусь могла бы стать модератором диалога по Украине — немецкий эксперт, 2016, *БЕЛТА*, 11.02.2016, URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-mogla-by-stat-moderatorom-dialoga-po-ukraine-nemetskiy-ekspert-181188-2016/> (дата обращения: 20.05.2025).

² Об участии Министра иностранных дел Беларуси В. Макея в конференции «Минские соглашения год спустя: достижения, вызовы, уроки», 2016, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, 08.02.2016, URL: https://mfa.gov.by/print/press/news_mfa/bae3960df32eb1ca.html (дата обращения: 20.05.2025).

³ Макей мечтает видеть Беларусь Швейцарией Восточной Европы, 2019, *Sputnik*, 13.11.2019, URL: <https://sputnik.by/20191113/Makey-mechtaet-videt-Belarus-Shveysariye-Vostochnoy-Evropy-1043225111.html> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ НАТО и Беларусь ведут диалог и обмениваются видением проблем безопасности, 2018, *БЕЛТА*, 13.12.2018, URL: <https://belta.by/politics/view/nato-i-belarus-vedut-dialog-i-obmeniva-jutsja-videniem-problem-bezopasnosti-329218-2018/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ О встрече Министра иностранных дел Беларуси В. Макея с председателем фонда им. Конрада Аденауэра, 2016, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, 08.02.2016, URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e12821b40e597043.html (дата обращения: 20.05.2025).

⁶ Региональная и военно-политическая безопасность обсуждалась с белорусскими экспертами в Брюсселе, 2016, *Белта*, 22.04.2016, URL: <https://belta.by/society/view/regionalnaja-i-voenno-politicheskaja-bezopasnost-obsuzhdalas-s-belorusskimi-ekspertami-v-brjussele-190672-2016/> (дата обращения: 20.05.2025).

русских НПО при поддержке ФКА посетили органы государственной власти ФРГ¹. Также осуществлялись визиты делегаций молодежных отделений политических партий ФРГ в Белоруссию, налаживались контакты между Молодежным союзом Германии и Белорусским республиканским союзом молодежи², стимулировался диалог по линии бизнеса³.

ФКА в своих публикациях по Белоруссии продолжал уделять приоритетное внимание России. В феврале 2017 г. в аналитическом докладе Фонда было отмечено, что Москва якобы препятствует планам Минска по превращению в хаб между Западом и Востоком, а Минск утрачивает доверие к Москве [40]. Отмечалось, что жесты Минска навстречу Западу не встречают должной реакции, а либеральным белорусским элитным группам необходимо привлечь инвестиции в страну, чтобы получить аргументы в пользу прозападного курса. Рекомендовалось усилить работу по обучению белорусских управленцев, укрепить роль Белоруссии как площадки по переговорам о региональных конфликтах, а также активизировать германо-белорусские отношения на высоком уровне. Выступая на конференции фонда 7 сентября 2017 г., заместитель министра иностранных дел РБ О. Кравченко призвал оставить в прошлом блоковый менталитет и сделать западную границу Белоруссии «линией встречи ЕС и ЕАЭС»⁴.

Вскоре началось повышение уровня политических контактов. В ноябре 2017 г. Минск впервые с 2010 г. посетил глава МИД ФРГ З. Габриэль для участия в XV Минском форуме на тему «Беларусь, Германия и ЕС: «Восточное партнерство», гражданское общество и экономические отношения». Мероприятие было организовано при поддержке ФКА и ФФЭ совместно с Посольством ФРГ в Белоруссии.

В очередном докладе ФКА, опубликованном спустя месяц в декабре 2017 г., был отмечен положительный сдвиг в отношении к Белоруссии со стороны ЕС (рост внимания) и вновь высказан призыв к расширению контактов на высоком уровне, а также к повышению узнаваемости ЕС в белорусском обществе [41]. Отмечался успех по включению оппозиционных групп через НПО в Координационную группу ЕС — Беларусь при нехватке каналов коммуникации между ЕС и Белоруссией. Положительно характеризовалось подписание Минском декларации саммита Восточного партнерства в 2017 г., было отмечено заявление главы МИД РБ о том, что Белоруссия — это «Европа и географически, и политически»⁵.

¹ Трансфер технологий перспективен в качестве направления сотрудничества Беларуси и Саксонии — член ландтага, *БЕЛТА*, 19.09.2016. URL: <https://belta.by/politics/view/transfer-tehnologij-perspektiven-v-kachestve-napravlenija-sotrudnichestva-belarusi-i-saksonii-chlen-210939-2016/> (дата обращения: 20.05.2025).

² Там же ; Молодежные организации Беларуси и Германии в ближайшее время реализуют ряд совместных проектов, *БЕЛТА*, 19.02.2017, URL: <https://belta.by/society/view/molodezhnye-organizatsii-belarusi-i-germanii-v-blizhajshee-vremja-realizujut-rjad-sovmestnyh-proektov-233862-2017/> (дата обращения: 20.05.2025).

³ Беларусь рассматривает Германию как одного из важнейших экономических партнеров — посол, 2017, *БЕЛТА*, 27.10.2017, URL: <https://belta.by/economics/view/belarus-rassmatrivaet-germaniju-kak-odnogo-iz-vazhnejshih-ekonomicheskikh-partnerov-posol-273525-2017/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Беларусь видит свою западную границу линией встречи ЕАЭС и ЕС — Кравченко, 2017, *БЕЛТА*, 07.09.2017, URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-vidit-svoju-zapadnuju-granitsu-liniej-vstrechi-eaes-i-es-kravchenko-265351-2017/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Макей: Неўзабаве ўдзел прэзыдэнта ў мерапрыемствах па лініі Эўразьвязу будзе звычайнай справай, 2017, *Радыё Свабода*, 08.12.2017, URL: <https://www.svaboda.org/a/28905463.html> (дата обращения: 20.05.2025).

ФКА продвигал тематику нейтралитета Белоруссии, Восточного партнерства и замороженных конфликтов, поддерживая мероприятия по линии экспертной инициативы «Минский диалог»¹. Также ФКА финансировал экспертные мероприятия с участием представителей НАТО в Белоруссии².

В мае 2018 г. представитель ФКА В. Зендер выступил на центральном телеканале «Беларусь-1» с аргументом о том, что «Восточное партнерство» не направлено против России, а призвано способствовать повышению уровня жизни в Белоруссии. Интервью было дано в ходе форума «Восточная Европа: в поисках безопасности для всех», организованного при поддержке ФКА с участием президента РБ Александра Лукашенко. Таким образом, за три года инициатива была выведена на ежегодный президентский уровень. В 2018 г. в Форуме приняло участие, по официальной информации, около 350 экспертов, в 2019 г. масштаб форума и его медийного освещения расширился — организаторы заявили об участии более 500 экспертов.

В докладе ФКА за июнь 2018 г. утверждалось, что российская сторона якобы не испытывала энтузиазма в связи с выдвиганием Минском инициативы о новом европейском соглашении «Хельсинки-2» [42]. Доклад немецкого фонда рекомендовал усилить военно-политические контакты Запада с Белоруссией с тем, чтобы препятствовать возможному использованию территории РБ российскими силами для обороны Калининграда. В этом случае доклад предрекал Белоруссии «утрату суверенитета». Автор сетовал, что голоса в госаппарате Белоруссии, выступавшие за развитие связей с Западом, не получали достаточной поддержки в ЕС. Кроме того, была отмечена недостаточность личных контактов, которые можно было бы задействовать в случае конфликта в регионе. Предлагалось расширить диалоговые программы с Белоруссией по вопросам безопасности, а также создать Информационный офис НАТО в Белоруссии. Отдельно подчеркивалось, что данные мероприятия должны проводиться под лозунгом снижения напряженности в регионе с тем, чтобы не напугать Россию.

Многочисленные публикации поддерживаемых ФКА инициатив развивали эту аргументацию, адаптируя к белорусской аудитории. В научный и экспертный оборот активно внедрялись такие понятия, как «нейтральное позиционирование» или «ситуационный нейтралитет» [43]. Дискуссии о нейтралитете способствовали размыванию восприятия роли Белоруссии как союзника России с военно-политическими обязательствами и позволяли вписать республику в европейский контекст.

ФКА с самых ранних этапов наращивания активности в Белоруссии после 2016 г. оказался организатором крупных экспертно-политических форумов с участием политических фигур высшего уровня. В отличие от тематики Фонда им. Ф. Эберта ФКА публично проявлял мало внимания к социально-экономическому положению Белоруссии, публично акцентируя геополитические факторы, в том числе связанные с Калининградской областью. ФФЭ периодически обсуждал в своих докладах и мероприятиях проблематику «демократизации» и экономических реформ в Белоруссии, двигаясь от внутренней проблематики к геополитической конфигурации в регионе. ФКА выстраивал свою деятельность зачастую ортогонально, отталкиваясь от вопросов региональной безопасности и геополитики и вписывая в этот

¹ Будущее инициативы «Восточное партнерство» обсудят в Минске международные эксперты 7 сентября, 2017, *БЕЛТА*, 06.09.2017, URL: <https://belta.by/society/view/buduschee-initsiativy-vostochnoe-partnerstvo-obsudjat-v-minske-mezhdunarodnye-eksperty-7-sentjabrja-265169-2017/> (дата обращения: 20.05.2025).

² Беларусь выступает за урегулирование спорных вопросов только путем переговоров, 2018, *БЕЛТА*, 3.12.2018, URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-vystupaet-za-uregulirovanie-spornyh-voprosov-tolko-putem-peregovorov-329169-2018/> (дата обращения: 20.05.2025).

контекст Белоруссию. Тем не менее оба фонда демонстрировали устойчивую солидарность в вопросе продвижения идей «нейтрализации» Белоруссии, означавшей расшатывание союзнических обязательств перед Москвой.

Состыковка приоритетов белорусских властей и фондов

Германский МИД продолжал продвигать вопрос об открытии офисов фондов на территории Белоруссии вплоть до очередного кризиса в отношениях 2020 г.¹ Белорусская власть, несмотря на активное взаимодействие с фондами после 2014 г., не удовлетворила этот запрос². Не имея бюро на территории Белоруссии, фонды проводили мероприятия совместно с белорусскими партнерскими организациями, что облегчало контроль и ограничивало свободу фондов внутри страны. Руководитель отделения ФКА по Белоруссии В. Зендер де-юре работал из отделения в Вильнюсе, но де-факто часто находился на территории Белоруссии, активно контактируя с экспертным сообществом и чиновниками верхнего эшелона³.

Белорусские власти активно вовлекались в диалог с фондами, участвовали в их инициативах для расширения связей на западном направлении. Интересы власти частично совпали с интересами фондов — обе стороны хотели поддерживать и развивать в Минске переговорную площадку. Для белорусских властей это давало положительную повестку в контактах с ЕС и возможности для «многовекторной» политики.

Решая задачу укрепления контактов на западном управлении, МИД Белоруссии имел ограниченный арсенал официальных средств, на которые власти в ЕС не всегда могли реагировать достаточно гибко. Фонды играли свою привычную роль — посредников и модераторов новых связей для местных элит. В официальном обзоре деятельности МИД Белоруссии за 2017 г. отмечался «заметный рост интереса» к стране со стороны внешних экспертов, которые участвовали в мероприятиях на базе неправительственной экспертно-дискуссионной площадки «Минский диалог»⁴, получавшей поддержку германских фондов.

В обзоре за 2018 г. МИД РБ рапортовал о том, что крупные международные мероприятия, включая форум «Минского диалога» на тему «Восточная Европа: в поисках безопасности для всех», обеспечили «экспертное наполнение белорусской идеи неконфронтационного сотрудничества и организации широкоформатного международного диалога» в Евро-Атлантике и Евразии⁵. В октябре 2019 г.

¹ Коровенкова, Т. 2019, Посол Манфред Хутерер: Германия заинтересована в сильной и независимой Беларуси, *БелаПАН*, 26.09.2019, URL: <https://minsk.diplo.de/resource/blob/2501618/54fc2731088e57c46994fe88caf2fbd0/interview-belapan-pdf-data.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

² Договоренностей об открытии фонда Аденауэра в Беларуси нет, 2016, *Sputnik Беларусь*, 11.02.2016, URL: <https://sputnik.by/20160211/1020085109.html> (дата обращения: 20.05.2025).

³ О встрече Министра иностранных дел Беларуси В.Макея с руководителем регионального представительства Фонда имени Конрада Аденауэра, 2016, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, 08.02.2016, URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/c6cf72b8035ab5ed.html (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2017 году, 2018, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, URL: <https://mfa.gov.by/publication/reports/a8a5169b6e487b3b.html> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2018 году, 2019, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, URL: <https://mfa.gov.by/publication/reports/b7fe6b330b96c9b7.html> (дата обращения: 20.05.2025).

начальник управления евразийской интеграции МИД РБ А. Александрович на конференции, организованной ФФЭ, заявил о необходимости диалога между ЕАЭС и Европейской комиссией, предположив, что «мы к этому диалогу подойдем, возможно, в период белорусского председательства в ЕАЭС с учетом потепления отношений по линии Беларусь — ЕС»¹. Тем самым были заявлены амбиции Минска выступать посредником на западном направлении для стран ЕАЭС, включая Россию.

МИД РБ рассматривал совместные инициативы с фондами как один из ключевых инструментов внешнеполитического позиционирования. В обзоре за 2019 г. второй крупный экспертный форум на платформе «Минского диалога» на тему «Европейская безопасность: отойти от края пропасти», организованный при поддержке ФКА, был назван «знаковым мероприятием», которое подтвердило статус Минска как «значимой региональной площадки для инклюзивного диалога всех заинтересованных сторон»². За четыре года активной работы ФКА вывел свои мероприятия в республике на президентский уровень. Вместе с тем в 2019 г. А. Лукашенко заявил, что оппозиция «живет на зарубежные гранты», упомянув фонды Эберта, Аденауэра и американские фонды³.

С точки зрения белорусской власти, фонды оставались инструментом отчасти полезным, но в то же время опасным. Несмотря на отсутствие постоянной «прописки» в Белоруссии, фонды работали по привычной схеме для так называемых контактов с «авторитарными правительствами»⁴: обещание бонусов частичной легитимации и расширения контактов с германскими и европейскими элитами в обмен на доступ к гражданскому обществу и местным элитам, продвижение своей повестки и нарративов. Однако основная риторика германских фондов была сосредоточена на внешнеполитическом треке, где рефреном проходил фактор России и «российской угрозы». Здесь обозначился определенный компромисс: фонды старались уйти от публичного обсуждения внутрибелорусской тематики, чтобы не критиковать местные власти, но при этом активно продвигали среди белорусской аудитории критику России и евразийского интеграционного проекта.

Белорусские профильные ведомства нуждались в демонстрации успехов на западном направлении, а для этого им нужны были восприимчивые контрагенты, которыми и стали фонды. Вместе с тем попытки сближения с Западом повышали для Минска риски ослабления связей с Россией. Аргументы о необходимости диверсификации внешних связей вместо снижения рисков привели к их существенному возрастанию, так как «нейтральное позиционирование» ставило вопросы о степени предсказуемости РБ как союзника России — гаранта безопасности и ведущего торгово-экономическим партнера Минска.

¹ Беларусь как председатель в ЕАЭС будет добиваться создания полноформатного экономического союза — МИД, 2019, *БЕЛТА*, 17.10.2019, URL: <https://belta.by/economics/view/belarus-kak-predsedatel-v-eaes-budet-dobivatsja-sozdaniya-polnoformatnogo-ekonomicheskogo-sojuza-mid-366038-2019/> (дата обращения: 20.05.2025).

² Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2019 году, 2020, *Министерство иностранных дел Республики Беларусь*, URL: <https://mfa.gov.by/publication/reports/d850d69242f0c67a.html> (дата обращения: 20.05.2020).

³ Лукашенко: я бы хотел видеть оппозицию в парламенте, но за них проголосовало только 3,5 %, 2019, *БЕЛТА*, 03.12.2019, URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-ja-by-hotel-videt-oppozitsiju-v-parlamente-no-za-nih-progolosovalo-tolko-35-371544-2019/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ См., например, широко исследованный кейс вмешательства фондов в ситуацию в Тунисе в 1990-х и 2000-х гг., в русле ставки местных элит на «апгрейд авторитаризма» за счет расширения связей с Западом: [44].

Что касается линии поведения фондов, то на первый взгляд политика малых шагов, проповедуемая ими, потерпела крах. Германия и ЕС свернули официальные контакты с Минском после 2020 г., не признали выборы и ввели санкции [45]. Инфраструктура влияния фондов в Белоруссии была в значительной степени ликвидирована, многие активисты покинули Республику. В ЕС и ФРГ возобладала политика блокового противостояния практически без полутонов в отношении Белоруссии. Вместе с тем благодаря гибкости и формальной независимости фонды смогли приобрести широкий доступ к политико-формирующим кругам Белоруссии в период 2014—2020 гг.

Германские фонды не породили причины массовых протестов 2020 г., но внесли свой вклад в публичное продвижение нарративов и сетевых структур, способствовавших формированию предпосылок политического кризиса¹. Отношения Белоруссии с Россией к 2020 г. оказались в самой низкой точке за десятилетия на фоне «многовекторной» политики Минска, которую активно поощряли фонды.

Внешнеполитическое маневрирование Минска способствовало дезориентации сторонников власти внутри страны. В этом смысле политика малых шагов в выстраивании инфраструктуры влияния в Белоруссии принесла свои плоды, хотя и недостаточные для свержения режима в 2020 г., подобно украинскому кейсу.

Вместе с тем вероятность возникновения в стране гражданского противостояния была вполне отчетливой, что подвигло белорусские власти обратиться к России в рамках союзных соглашений и получить всестороннюю поддержку для нормализации ситуации. Конечно, установить точный объем вклада фондов в формирование предпосылок для массовых протестов в Белоруссии невозможно, так как они были лишь частью разноформатного фронта неправительственных организаций в Белоруссии. Однако освещение мероприятий фондов в государственных СМИ и — главное — уровень политического участия со стороны Белоруссии обусловили их значимую, если не ведущую, роль в общественно-политической сфере РБ среди зарубежных акторов.

Фонды оказались действенным инструментом в условиях заинтересованности местных властей в улучшении своего имиджа на Западе и их согласия на доступ фондов в Белоруссию, пусть и без официально зарегистрированного в стране бюро. Процесс был обоюдным: фонды небезуспешно играли на интересах и самомнении части белорусских политико-формирующих кругов. При этом их дискурс выстраивался в русле официальной позиции ФРГ, не предполагавшей перспективу членства Белоруссии в Евросоюзе. В этих условиях фонды не имели мощных рычагов прямого воздействия на местные элиты и стремились достичь своих целей за счет выстраивания транснациональных сетей влияния. Между фондами возникло своеобразное разделение труда: они не конкурировали, а дополняли друг друга в качестве «помощников» в реализации внешнеполитических интересов Берлина. ФКА фокусировался на вопросах безопасности и отношений с Западом, ФФЭ — на вопросах социально-экономических реформ и отношений с ЕАЭС.

В основе публичных дискурсов фондов в РБ, как показало изучение их мероприятий, заявлений и аналитических публикаций, лежали два разных западноевропейских мифа. ФФЭ обосновывал свою работу «цивилизаторским» мифом на языке демократизации и прав человека (внутренняя трансформация Белоруссии в интересах ФРГ и ЕС). ФКА обращался к мифу «защиты Европы» на языке европейской безопасности (ослабление оборонного союза Белоруссии с Россией за счет «нейтрального позиционирования» Минска). ФКА культивировал площадку ди-

¹ Косвенным подтверждением этому служит быстрая «зачистка» политической инфраструктуры фондов в РБ.

пломатии «второго трека» в Минске, ФФЭ поддерживал эти усилия и встраивался в межмидовские контакты между РБ и ФРГ. У фондов сформировался круг контр-агентов в Белоруссии, которые могли пересекаться. Самостоятельная субъектность фондов проявлялась не в отклонении от официального курса ФРГ, а в возможности забегать на пару шагов вперед официальной дипломатии, выступая лоббистом в интересах расширения германского и европейского присутствия в Белоруссии.

Выводы

Возвращаясь к центральной исследовательской проблеме, следует отметить, что ряд усилий фондов (прежде всего ФФЭ) был направлен на внутреннюю трансформацию белорусского режима. Однако на практике на первый план почти сразу вышла геополитическая логика действий фондов в стремлении повлиять на региональный порядок, добившись ослабления военно-политических связей Минска с Москвой и тем самым расшатывания позиций России в Балтийском регионе. При этом сети влияния внутри Белоруссии зачастую оказывались не главным приоритетом, уступая транснациональным сетям, нацеленным на продвижение в белорусские политико-формирующие круги прозападных нарративов и оценок угроз.

Данный вывод ставит под вопрос широко распространенное мнение о функции немецких фондов как акторов «демократизации», отягощенных идеологическими шаблонами [15]. Наряду с «фоновой» работой (организация обменов, визитов, конференций, стажировок, образовательных и стипендиальных программ) фонды осуществляли целенаправленную политическую работу в интересах ФРГ, которая нашла отражение в их дискурсивной стратегии — системе тезисов и аргументов преимущественно геополитического характера, которые фонды использовали для лоббирования своих позиций как в Белоруссии, так и в ФРГ.

Как показал анализ мероприятий и публикаций, геополитический дискурс о «нейтралитете» Минска стал магистральным для обоснования участия рассматриваемых немецких фондов в белорусских делах и привлечения внимания к их инициативам в ЕС и ФРГ. Идея демократизации Белоруссии фактически стала вспомогательной для работы на изменение регионального порядка, в котором «нейтральная Белоруссия» ослабляла бы российское влияние в регионе, прежде всего в вопросе о безопасности Калининградской области.

Объяснением такой стратегии могут служить пространственные и ресурсные факторы. Близость России и историко-геополитическая значимость Калининградской области на фоне недостаточных традиционных военных средств ФРГ способствовали тому, что фонды добивались не столько «демократизации», сколько «нейтрализации» Белоруссии, используя транснациональные экспертные сети как геополитический инструмент. Фонды декларировали свою работу в обще-социальных интересах демократизации и прав человека, но фактически действовали и аналитически мотивировали свою работу в геополитической логике секьюритизации. Этот кажущийся парадокс показателен на фоне быстрого по историческим меркам пересмотра внешней политики ФРГ и ЕС в период 2022—2024 гг., а именно — свертывания повестки демократизации и «зеленой» экономики в пользу геополитики и милитаризации. Геополитический «стержень» внешней политики ФРГ вполне четко проявлялся и до 2022 г., хоть и реализовывался иными средствами.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-4810015, международный проект «Трансформация военно-политических, энергетических и социально-гуманитарных аспектов системы европейской безопасности: значение для Союзного государства».

Список литературы

1. Deen, B., Pucek, K. 2025, Belarus on Thin Ice. Future Scenarios and European Policy Dilemmas, *Clingendael Report*, URL: <https://www.clingendael.org/publication/belarus-thin-ice> (дата обращения: 20.05.2025).
2. Wöllestein, J. 2023, Durch und durch europäisch: heute ist Belarus abhängig von Moskau — die demokratische Opposition aber will das Land nach Westen führen, *Auslandsinformationen*, vol. 39, № 4, p. 50—61, URL: <https://www.kas.de/de/web/auslandsinformationen/artikel/detail/-/content/durch-und-durch-europaeisch> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Межевич, Н.М. 2020, Беларусь: политические и экономические предпосылки будущего кризиса, *ИЕ РАН. Аналитическая записка*, № 34, URL: <chrome-extension://efaidnbmn-nnibpcsjpcglclefindmkaj/https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an217.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Погорельская, С.В. 2014, «Мягкая» сила Германии: политические фонды, *Актуальные проблемы Европы*, № 3, с. 135—152, EDN: SPKMFT
5. Sieker, M. 2019, The Role of the German Political Foundations in International Relations, Baden-Baden, <https://dx.doi.org/10.5771/9783845287904>
6. Сутырин, В.В. 2022, Финансы для либерального порядка. Сравнительный анализ международной деятельности политических фондов ФРГ и филантропических фондов США, *Международные процессы*, т. 20, № 3, с. 55—79, EDN: DIIOHV, <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.5>
7. Мегем, М.Е., Максимов, И.П., Грицаенко, П.С. 2016, Ключевые акторы «мягкой силы» Германии в странах Балтии, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 65—85, <https://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-4>
8. Погорельская, С.В. 2004, Германские политические фонды в Латинской Америке, *Актуальные проблемы Европы*, № 3, с. 164—175, EDN: HKYRSX
9. Погорельская, С.В. 2014, Деятельность германских политических фондов в средиземноморских странах ЕС в период кризиса еврозоны (на примере Греции), *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 56—78, EDN: SCPCFH
10. Попова, О.П. 2020, Германская помощь Тунису после 2011 года: развитие «трансформационного партнерства», *Современная Европа*, № 3, с. 61—71, EDN: TECJQX, <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope320206171>
11. Brucker, M. 2007, Trans-national Actors in Democratizing States: The Case of German Political Foundations in Ukraine, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 23, № 2, p. 296—319, <https://dx.doi.org/10.1080/13523270701317562>
12. Babayev, A. 2013, Democracy promotion between the “political” and the “developmental” approach: US and German policies towards Belarus, *Democratization*, vol. 21, № 5, p. 937—957, <https://dx.doi.org/10.1080/13510347.2013.777430>
13. Вышегородцев, Д.Д. 2022, Немецкие политические фонды как инструмент энергетической политики ФРГ в Центрально-Восточной Европе, *Геоэкономика энергетики*, № 2, с. 80—119, EDN: VADSAD, https://dx.doi.org/10.48137/26870703_2022_18_2_80
14. Interference by German political foundations & sabotage of the French nuclear industry, 2023, *Ecole de Guerre Economique*, June 2023, URL: https://www.ege.fr/sites/ege.fr/files/media_files/German_Interference_Political_Foundations.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
15. Mohr, A. 2010, *The German Political Foundations As Actors in Democracy Assistance*, Universal-Publishers, 441 p.
16. Phillips, A. L. 1999, Exporting democracy: German political foundations in Central-East Europe, *Democratization*, vol. 6, № 2, p. 70—98, <https://dx.doi.org/10.1080/13510349908403612>
17. Zihnioğlu, Ö. 2025, German Political Foundations in an Era of Geoeconomic Transformation: Navigating Civil Society Geopolitics and Boundaries of Influence, *German Politics*, p. 1—21, <https://dx.doi.org/10.1080/09644008.2025.2497080>
18. Youde, J. 2018, The role of philanthropy in international relations, *Review of International Studies*, vol. 45, № 1, p. 39—56, <https://dx.doi.org/10.1017/s0260210518000220>
19. Roelofs, J. 2015, How Foundations Exercise Power, *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 74, № 4, p. 654—675, <https://dx.doi.org/10.1111/ajes.12112>

20. Parmar, I. 2012, *Foundations of the American Century: The Ford, Carnegie, and Rockefeller Foundations in the Rise of American Power*, New York, URL: <https://cup.columbia.edu/book/foundations-of-the-american-century/9780231146289/> (дата обращения: 20.05.2025).
21. Zielonka, J. 2011, America and Europe: two contrasting or parallel empires? *Journal of Political Power*, vol. 4, № 3, p. 337—354, <https://dx.doi.org/10.1080/2158379x.2011.628852>
22. Rozakis, D. 2025, The Idea of the European Union as a Cosmopolitan Empire: A Critical Assessment, *Studia Europejskie — Studies in European Affairs*, vol. 29, № 1, p. 55—69, <https://dx.doi.org/10.33067/se.1.2025.4>
23. Manners, I. 2002, Normative Power Europe: A Contradiction in Terms?, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 40, № 2, p. 235—258, <https://dx.doi.org/10.1111/1468-5965.00353>
24. Lobell, S.E., Ripsman, N.M., Taliaferro, J.W. (eds.). 2009, *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*, Cambridge, Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869>
25. Ripsman, N.M., Taliaferro, J.W., Lobell, S.E. 2016, *Neoclassical Realist Theory of International Politics*, Oxford, <https://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199899234.001.0001>
26. Сутырин, В.В. 2020, Гуманитарное влияние во внешней политике: ресурсы, каналы, инфраструктуры, *Общественные науки и современность*, № 5, с. 5—20, EDN: LBCXMV <https://dx.doi.org/10.31857/S086904990012324-8>
27. Haas, P. 2015, *Epistemic Communities, Constructivism, and International Environmental Politics*, London, <https://dx.doi.org/10.4324/9781315717906>
28. Виньо, А. Байков, А. 2018, Почему государства заимствуют экологические нормы: опыт России, *Международные процессы*, т. 16, № 4, с. 137—153, EDN: LZYNHT, <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.8>
29. Бек, У. 2007, *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*, Москва, Прогресс-Традиция, 2007, 464 с.
30. Stone, D. 2013, *Knowledge Actors and Transnational Governance*, London, <https://dx.doi.org/10.1057/9781137022912>
31. Погорельская, С.В. 2009, *Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германия*, Москва, 215 с.
32. Katzenstein, P. 1978, *Policy and Politics in West Germany. The growth of a Semi-Sovereign State*, Philadelphia, 434 p.
33. Pinto-Duschinsky, M. 1991, Foreign political aid: the German political foundations and their US counterparts, *International Affairs*, vol. 67, № 1, p. 33—63, <https://dx.doi.org/10.2307/2621218>
34. Русакович, А.В. 2015, *Германия во внешней политике Беларуси*, Минск, РИПО.
35. Максак, Г., Юрчак, Д. 2014, *Сотрудничество Республики Беларусь и Украины в новых геополитических условиях*, Минск, Friedrich-Ebert-Stiftung.
36. Hett, F., Szkola, S. 2015, *The Eurasian Economic Union. Analyses and Perspectives from Belarus, Kazakhstan, and Russia*, Berlin, Friedrich-Ebert-Stiftung.
37. Hett, F., Meuser, S. 2016, *The European Union and Belarus. Time for a New Policy*, Berlin, Friedrich-Ebert-Stiftung.
38. Czułno, P. 2022, The Eastern Partnership and its strategic objectives: a Polish—German compromise? *Comparative European Politics*, vol. 21, № 1, p. 23—41, EDN: GNMOUD, <https://dx.doi.org/10.1057/s41295-022-00300-w>
39. Царик, Ю. 2017, *Белорусская экономика: достижения и ограничения «молчаливых реформ» 2015—2017 гг.*, Минск, Friedrich-Ebert-Stiftung.
40. Sender, W. 2017, *Minsk Comes to an Agreement with Brussels*, Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung.
41. Sender, W. 2017, *Belarus Country Report*, Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung.
42. Sender, W. 2018, *The NATO exercise Saber Strike*, Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung.
43. Melyantsou, D. 2019, Situational Neutrality: An Attempt at Conceptualization, *Minsk dialog*, Commentary № 37, 11.12.2019, URL: <https://minskdialogue.by/en/research/opinions/situational-neutrality-a-conceptualization-attempt> (дата обращения: 20.05.2025).

44. Marzo, P. 2019, Supporting political debate while building patterns of trust: the role of the German political foundations in Tunisia (1989–2017), *Middle Eastern Studies*, vol. 55, № 4, p. 621–637, <https://dx.doi.org/10.1080/00263206.2018.1534732>

45. Соколов, А.П. 2022, Беларусь во внешней политике ФРГ после февраля 2022 г., в: *Беларусь в современном мире*, материалы XXI Международной научной конференции, посвященной 101-й годовщине образования Белорусского государственного университета, Минск, 27 октября 2022 года, с. 109–114, EDN: CBOWWB

Об авторе

Вячеслав Валерьевич Сутырин, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3884-536X>

E-mail: v.sutyurin@inno.mgimo.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

GEOPOLITICS OF SMALL STEPS: GERMAN POLITICAL FOUNDATIONS IN BELARUS IN 2014–2020

V. V. Sutyurin

MGIMO University,
76 Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454, Russia

Received 14 August 2025

Accepted 15 October 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-1

© Sutyurin, V. V. 2025

The article analyses the activities of German political foundations in Belarus between 2014 and 2020, using the Friedrich Ebert Foundation and the Konrad Adenauer Foundation as case studies. The study is grounded in the framework of neoclassical realism, which conceptualises foundations as actors capable of autonomous action while operating within the broader contours of German foreign policy. The study examines their public events, analytical publications, and interactions with Belarusian society and state institutions in the period leading up to the political crisis of 2020. The Ebert Foundation focused primarily on socio-economic reforms, emphasising what it characterised as the “obsolescence” of the Belarusian economic model, an argument that, in its view, created a basis for seeking Western support. The Adenauer Foundation, by contrast, concentrated on security issues. The study concludes that only some activities of the foundations were directed at promoting internal change within the Belarusian political regime. In practice, the geopolitical logic came to the fore, as both foundations sought to influence the regional order, most notably by promoting the notion of Belarusian ‘neutrality’, which could contribute to weakening Russia’s military and political

To cite this article: Sutyurin, V. V. 2025, Geopolitics of small steps: German political foundations in Belarus in 2014–2020, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 4–25. doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-1

position in the Baltic region, including with regard to the Kaliningrad region. The research did not reveal sufficient public evidence to suggest that the foundations played a decisive role in the development of organisational structures within the Belarusian opposition during the 2020 crisis. Instead, their priorities often lay in building transnational expert networks aimed at advancing pro-Western geopolitical narratives in Belarus. These findings call into question the widespread assumption that German political foundations function primarily as 'democratisation' actors constrained by ideological templates, suggesting instead that they operate as flexible and pragmatic actors pursuing geopolitical objectives.

Keywords:

Belarus, humanitarian influence, German political foundations, Friedrich Ebert Foundation, Konrad Adenauer Foundation, geopolitics, neutrality

Funding. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant №24-48-10015) within the international project "Transformation of Military-Political, Energy, and Socio-Humanitarian Aspects of the European Security System: Significance for the Union State."

References

1. Deen, B., Pucek, K. 2025, Belarus on Thin Ice. Future Scenarios and European Policy Dilemmas, Clingendael Report. URL: <https://www.clingendael.org/publication/belarus-thin-ice> (accessed 20.05.2025).
2. Wöllenstein, J. 2023, Durch und durch europäisch: heute ist Belarus abhängig von Moskau — die demokratische Opposition aber will das Land nach Westen führen, *Auslandsinformationen*, vol. 39, № 4, p. 50—61, URL: <https://www.kas.de/de/web/auslandsinformationen/artikel/detail/-/content/durch-und-durch-europaeisch> (accessed 20.05.2025).
3. Mezhevich, N. 2020, Belarus: political and economic preconditionsof the future crisis (in Russ.), <https://dx.doi.org/10.15211/analytics342020>
4. Pogorelskaya, S. V. 2014. "Soft" power of Germany: political foundations, *Current problems of Europe*, № 3, p. 135—152 (in Russ.).
5. Sieker, M. 2019, The Role of the German Political Foundations in International Relations, Baden-Baden, <https://dx.doi.org/10.5771/9783845287904>
6. Sutyurin, V. 2022, International activities of German political foundations and American philanthropic funds. A comparative analysis, *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 20, № 3, p. 55—79, <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.5>
7. Megem, M., Maksimov, I., Gritsaenko, P. 2016, Key actors of German 'soft power' in the Baltics, *Baltic Region*, vol. 8, № 1, p. 68—85, <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-4>
8. Pogorelskaja, S. 2004. German political foundations in Latin America, *Current problems of Europe*, № 3, p. 164—175 (in Russ.).
9. Pogorelskaya, S.V. 2014, German political party funds during global crisis at mediterranean region (the case of Greece), *Current problems of Europe*, № 2, p. 56—78 (in Russ.).
10. Popova, O. 2020, German Assistance to Tunisia after 2011: Logic of 'Transformational Partnership', *Sovremennaya Evropa*, № 3, p. 61—71.
11. Brucker, M. 2007, Trans-national Actors in Democratizing States: The Case of German Political Foundations in Ukraine, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 23, № 2, p. 296—319, <https://dx.doi.org/10.1080/13523270701317562>
12. Babayev, A. 2013, Democracy promotion between the "political" and the "developmental" approach: US and German policies towards Belarus, *Democratization*, vol. 21, № 5, p. 937—957, <https://dx.doi.org/10.1080/13510347.2013.777430>
13. Vyshegorodtsev, D.D. 2022, German political foundations as an instrument of Germany's energy policy in Central-Eastern Europe, *Geoeconomics of Energetics*, https://dx.doi.org/10.4813/726870703_2022_18_2_80

14. Interference by German political foundations & sabotage of the French nuclear industry, 2023, *Ecole de Guerre Economique*, June 2023, URL: https://www.ege.fr/sites/ege.fr/files/media_files/German_Interference_Political_Foundations.pdf (accessed 20.05.2025).
15. Mohr, A. 2010, *The German Political Foundations As Actors in Democracy Assistance*, Universal-Publishers, 441 p.
16. Phillips, A. L. 1999, Exporting democracy: German political foundations in Central-East Europe, *Democratization*, vol. 6, № 2, p. 70—98, <https://dx.doi.org/10.1080/13510349908403612>
17. Zihnioğlu, Ö. 2025, German Political Foundations in an Era of Geoeconomic Transformation: Navigating Civil Society Geopolitics and Boundaries of Influence, *German Politics*, p. 1—21, <https://dx.doi.org/10.1080/09644008.2025.2497080>
18. Youde, J. 2018, The role of philanthropy in international relations, *Review of International Studies*, vol. 45, № 1, p. 39—56, <https://dx.doi.org/10.1017/s0260210518000220>
19. Roelofs, J. 2015, How Foundations Exercise Power, *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 74, № 4, p. 654—675, <https://dx.doi.org/10.1111/ajes.12112>
20. Parmar, I. 2012, *Foundations of the American Century: The Ford, Carnegie, and Rockefeller Foundations in the Rise of American Power*, New York, URL: <https://cup.columbia.edu/book/foundations-of-the-american-century/9780231146289/> (accessed 20.05.2025).
21. Zielonka, J. 2011, America and Europe: two contrasting or parallel empires? *Journal of Political Power*, vol. 4, № 3, p. 337—354, <https://dx.doi.org/10.1080/2158379x.2011.628852>
22. Rozakis, D. 2025, The Idea of the European Union as a Cosmopolitan Empire: A Critical Assessment, *Studia Europejskie — Studies in European Affairs*, vol. 29, № 1, p. 55—69, <https://dx.doi.org/10.33067/se.1.2025.4>
23. Manners, I. 2002, Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 40, № 2, p. 235—258, <https://dx.doi.org/10.1111/1468-5965.00353>
24. Lobell, S. E., Ripsman, N. M., Taliaferro, J. W. (eds.). 2009, *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*, Cambridge, Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869>
25. Ripsman, N. M., Taliaferro, J. W., Lobell, S. E. 2016, *Neoclassical Realist Theory of International Politics*, Oxford, <https://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199899234.001.0001>
26. Sutyurin, V. 2020, Humanitarian influence in foreign policy revisited: resources, channels, infrastructures, *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, № 5, p. 5—20, <https://dx.doi.org/10.31857/S086904990012324-8>
27. Haas, P. 2015, *Epistemic Communities, Constructivism, and International Environmental Politics*, London, <https://dx.doi.org/10.4324/9781315717906>
28. Vigneau, A., Baykov, A. 2019, Transnational networks and Russia's environmental policies, *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 16, № 4, p. 137—153, <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.8>
29. Beck, U. 2022, *Macht und Gegenmacht im globalen, Zeitalter Neue weltpolitische Ökonomie*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main.
30. Stone, D. 2013, *Knowledge Actors and Transnational Governance*, London, <https://dx.doi.org/10.1057/9781137022912>
31. Pogorelskaya, S. V. 2009, *Non-governmental organizations and political foundations in the foreign policy of the Federal Republic of Germany*, Moscow, 215 p. (in Russ.).
32. Katzenstein, P. 1978, *Policy and Politics in West Germany. The growth of a Semi-Sovereign State*, Philadelphia, 434 p.
33. Pinto-Duschinsky, M. 1991, Foreign political aid: the German political foundations and their US counterparts, *International Affairs*, vol. 67, № 1, p. 33—63, <https://dx.doi.org/10.2307/2621218>
34. Rusakovich, A. V. 2015, Germany in Belarusian Foreign Policy, Minsk, RIPO (in Russ.).
35. Maksak, G., Yurchak, D. 2014, *Cooperation between the Republic of Belarus and Ukraine in the New Geopolitical Conditions*, Minsk, Friedrich-Ebert-Stiftung (in Russ.).
36. Hett, F., Szkola, S. 2015, *The Eurasian Economic Union. Analyses and Perspectives from Belarus, Kazakhstan, and Russia*, Berlin, Friedrich-Ebert-Stiftung.
37. Hett, F., Meuser, S. 2016, *The European Union and Belarus. Time for a New Policy*, Berlin, Friedrich-Ebert-Stiftung.

38. Czułno, P. 2022, The Eastern Partnership and its strategic objectives: a Polish—German compromise?, *Comparative European Politics*, vol. 21, № 1, p. 23—41, <https://dx.doi.org/10.1057/s41295-022-00300-w>
39. Tsarik, Yu. 2017, *The Belarusian Economy: Achievements and Limitations of the “Silent Reforms” of 2015—2017*, Minsk, Friedrich-Ebert-Stiftung (in Russ.).
40. Sender, W. 2017, *Minsk Comes to an Agreement with Brussels*, Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung.
41. Sender, W. 2017, *Belarus Country Report*, Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung.
42. Sender, W. 2018, *The NATO exercise Saber Strike*, Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung.
43. Melyantsov, D. 2019, Situational Neutrality: An Attempt at Conceptualization, *Minsk dialog*, Commentary № 37, 11.12.2019, URL: <https://minskdialogue.by/en/research/opinions/situational-neutrality-a-conceptualization-attempt> (accessed 20.05.2025).
44. Marzo, P. 2019, Supporting political debate while building patterns of trust: the role of the German political foundations in Tunisia (1989—2017), *Middle Eastern Studies*, vol. 55, № 4, p. 621—637, <https://dx.doi.org/10.1080/00263206.2018.1534732>
45. Sokolov, A. P. 2022, Belarus in the foreign policy of the Federal Republic of Germany after february 2022, in: *Belarus in the Modern World*, Proceedings of the 21st International Scientific Conference dedicated to the 101st anniversary of the founding of Belarusian State University, Minsk, October 27, 2022, p. 109—114 (in Russ.).

The author

Dr **Vyacheslav V. Sutyryn**, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3884-536X>

E-mail: v.sutyryn@inno.mgimo.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ДВНТНҚ

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН КАК «СЕРАЯ ЗОНА»: БАЛАНСИРОВАНИЕ НА ГРАНИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

В. В. Стрюковатый¹ **Н. М. Межевич²** **Ю. М. Зверев¹**

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11/3

Поступила в редакцию 21.04.2025 г.

Принята к публикации 10.09.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-2

© Стрюковатый В. В., Межевич Н. М.,
Зверев Ю. М., 2025

Исследуется Балтийский регион как зона повышенной конфронтации между Россией и коллективным Западом в контексте концепции «серой зоны» — пространства, где традиционные военные угрозы сочетаются с гибридными методами ведения войны. Авторы анализируют факторы эскалации напряженности в регионе, включая милитаризацию, экономические санкции, информационное давление и использование прокси-сил. Особое внимание уделяется географическим и правовым аспектам, влияющим на стратегическую нестабильность, а также историческим прецедентам, таким как опыт Второй мировой войны, для понимания современных угроз. Статья раскрывает методы, применяемые НАТО и странами Балтийского региона для создания «серой зоны», включая наращивание военного присутствия, манипуляции в правовом поле и использование невоенных средств давления. Авторы приходят к выводу, что Балтийский регион балансирует на грани открытого конфликта, а действия Запада направлены на подрыв российского суверенитета в регионе без прямого военного столкновения. В исследовании применяются методы сравнительного анализа, качественных характеристик контент-анализа используемых источников и ивент-анализа действий государств — членов ЕС и НАТО для оценки создаваемых ими угроз.

Ключевые слова:

Балтийский регион, «серая зона», вооруженный конфликт, НАТО, ЕС, конфронтация, Россия

Введение

В последние годы Балтийский регион превратился в одно из наиболее напряженных пространств в отношениях между Россией и странами Запада. Причиной этому стали как географические и геополитические факторы, так и стремление НАТО и входящих в нее государств региона, прежде всего стран Балтии и Польши, а также Швеции и Финляндии, создать для России в Балтийском регионе «зону нестабиль-

ности и неопределенности». С началом украинского кризиса в 2014 г. в Балтийском регионе начала нарастать его милитаризация и, как следствие, повышаться уровень опасений по поводу безопасности в регионе [1; 5].

По мнению Дж. Миршаймера, Запад старается сделать «токсичными» отношения сторон в конфликте России с Украиной и выступающей на ее стороне западной коалиции, чтобы не допустить возможностей для окончания вооруженного противостояния. Кроме того, по его мнению, в Восточной Европе существуют потенциальные точки напряженности: Балтика, Беларусь, Калининград, Молдавия и Черное море, которые могут «взорваться на наших глазах»¹. Три из выделенных Миршаймером потенциальных точек напряженности находятся в расширенном Балтийском регионе: Балтика, Калининград и Беларусь.

Европейский союз (ЕС), в который входят все зарубежные государства Балтийского региона, проводит в отношении России агрессивную санкционную политику, призывая к полной изоляции российской экономики и введению вторичных санкций против государств-партнеров России. С 2024 г. ЕС активизировал различные инструменты для наращивания потенциала европейского военно-промышленного комплекса, создания единой системы ПРО-ПВО и усиления координации в области обороны [2; 21]. В настоящее время страны НАТО интенсифицировали наращивание своего военного присутствия и развитие военной инфраструктуры в регионе, увеличили интенсивность и масштабы проводимых военных учений, изменив при этом их характер на явно агрессивный.

После 24 февраля 2024 г. США, НАТО и ЕС, как и отдельные государства Балтийского региона, изменили свои риторику и действия на открыто конфронтационные, в том числе заявляя о готовности разместить на своей территории ядерное оружие². Причем наиболее жесткие антироссийские призывы в НАТО и ЕС, вплоть до применения военной силы для изоляции России в Балтийском регионе, исходят главным образом от представителей государств именно Балтийского региона — Прибалтийских республик, Польши, Швеции и Финляндии. Таким образом, речь идет не только об использовании экономического и политического давления на Россию, но и военного, оказываемого с помощью не прямых военных методов и средств, направленных на причинение ей максимального ущерба, которые в теории военных концепций получили название «гибридной войны» [3, 9; 4, с. 49]. Такие асимметричные действия, проводимые как государствами, так и негосударственными акторами, оцениваются ими как «дешевая альтернатива традиционной войне» [5, с. 78].

По мнению начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации В. В. Герасимова, «применение не прямых асимметричных действий и способов ведения “гибридных войн” позволяет лишить противоборствующую сто-

¹ Prof. John Mearsheimer: No Hope For Ukraine Peace Deal? 2025, *Glenn Greenwald*, January 25, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ICeGZ5ORnyc> (дата обращения: 02.02.2025).

² Hallituksen esitys Nato-jäsenyydestä: ei rajoituksia ydinaseille Suomessa, 2022, *Lauri Nurmi, Iltalehti*, 26.10.2022. URL: <https://www.iltalehti.fi/politiikka/a/79b81501-689d-4ad8-bf69-c6aabb71985> (дата обращения: 07.04.2025); DCA-sopimus julki: Nämä 15 aluetta Suomi avaa Yhdysvaltain joukoille — puolustusministeri: “Kriisitilanteissa voidaan ryhtyä tositoimiin”, 2023, *Yle*, 14 Decembre, URL: <https://yle.fi/a/74-20065054> (дата обращения: 07.04.2025); Zapytaliśmy Andrzeja Dudę, czy Polskę czeka wojna? Wprost powiedział, co myśli o słowach Tuska, 2024, *Fakt*, 22 kwietnia, URL: <https://www.fakt.pl/polityka/amerykanie-pytali-andrzej-dude-o-nuclear-sharing-zglosilem-nasza-gotowosc/g79lhxx> (дата обращения: 07.04.2025); Nausėda branduolinio ginklo Lenkijoje idėja vadina “svarbiu atgrasymo veiksmu”, 2024, *LRT.lt*, April 26, URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/2260182/nauseda-nazyvaet-ideiu-o-iadernom-oruzhii-v-pol-she-vazhnym-faktorom-sderzhivaniia> (дата обращения: 07.04.2025).

рону фактического суверенитета без захвата территории государства военной силой» [6, 20]. Как неоднократно заявляли президент Российской Федерации В. В. Путин и представители МИД России, Соединенными Штатами и их союзниками против России ведется «гибридная война» со всеми ее составляющими — военной, экономической, культурной, медийной¹.

По нашему мнению, действия НАТО и отдельных государств-членов по ведению «гибридной войны» против России создали предпосылки для формирования в Балтийском регионе «серой зоны» (Grey Zone) как театра военных действий, где традиционная военная сила и возникающие на ее фоне военные угрозы играют роль военного прикрытия политических и экономических средств и методов оказания давления на Российскую Федерацию. Это, в свою очередь, создает непосредственные угрозы национальным интересам и безопасности Российской Федерации в регионе Балтийского моря, на которые она не может не реагировать [7, с. 10].

Важной характеристикой стратегии «серой зоны», по мнению А. Бартоша, является поэтапный подход к ее реализации, достигаемый формированием череды нарастающих по силе маломасштабных событий, которые формируют в итоге новую стратегическую реальность [8, 25]. В этих условиях, по мнению авторов, Балтийский регион балансирует на грани открытого вооруженного конфликта, что требует уточнения понятия «серая зона», анализа и оценки факторов развития напряженности в Балтийском регионе в контексте происходящих в регионе событий, связанных с нарастающей угрозой прямого вооруженного конфликта.

В данной статье авторы не ставят перед собой философскую и методологическую задачи особой сложности, пытаясь в очередной раз обсудить специфику войны и мира на современном этапе. С нашей точки зрения, само формирование «концепции «серой зоны» является указанием на то, что между войной и миром существует множество переходных состояний. Ключевым элементом операций в «серой зоне» выступает то, что они остаются ниже порога прямой вооруженной агрессии, которая могла бы повлечь за собой законный военный ответ (*jus ad bellum* — право войны, или, точнее, право на войну). Таким образом, конфликт в «серой зоне» может быть не только альтернативой прямого военного противостояния, но и способом подготовки к нему или же одной из составляющих начавшегося вооруженного противостояния. С нашей точки зрения, в Балтийском регионе возможны как первый, так и второй варианты.

В этой связи авторы подчеркивают, что Балтийский регион необходимо рассматривать как уже сформировавшуюся «серую зону» противостояния с Западом. При этом анализ его географических, исторических и стратегических особенностей лишь конкретизирует это понятие в существующем геополитическом контексте, дополняя существующие определения.

Таким образом, целью данной статьи является критическая оценка Балтийского региона как «серой зоны» в контексте развития конфронтации России с коллективным Западом. Для достижения цели исследования нами будут рассмотрены задачи, направленные на анализ подходов в академической и военно-политической среде

¹ См. напр.: МИД заявил, что против России объявлена полноценная гибридная война. Лавров: США и их сателлиты объявили России глобальную гибридную войну, 2022, *Газета.Ru*, 28 марта, URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/03/28/17487697.shtml> (дата обращения: 10.02.2025) ; «Не на жизнь, а на смерть»: Лавров о гибридной войне Запада против РФ, Интервью министра иностранных дел России С. Лаврова, 2023, *Газета.RU*, 10 марта 2023, URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/02/15/19754143.shtml?utm_source=rnews&utm_medium=exchange&utm_campaign=news (дата обращения: 10.02.2025) ; Путин заявил о гибридной войне против России // Заявление президента России В. В. Путина на заседании ШОС, 2023, *РИА*, 04.07.2023, URL: <https://ria.ru/20230704/rossiya-1882083450.html> (дата обращения: 10.02.2025).

к понятию «серая зона» и ее терминологическую неоднозначность, определение влияния географических факторов на формирование «серой зоны», анализ и оценку закономерностей, характерных для действий в «серой зоне», а также критическую оценку деятельности НАТО и ее отдельных государств-членов в Балтийском регионе, направленных на усиление конфронтации с Российской Федерацией, но не переходящей в открытое вооруженное противостояние.

Методология, использованная в данном исследовании, состоит в применении сравнительного анализа научных работ отечественных и зарубежных авторов, а контент-анализа качественных характеристик российских и зарубежных аналитических источников, а также ряда доктринальных документов НАТО, посвященных вопросам «серой зоны». Для выявления закономерностей и классификации средств и методов, используемых против Российской Федерации, использовался ивент-анализ, в ходе которого изучались, в частности, учения НАТО, проводимые в Балтийском регионе, инциденты на подводной инфраструктуре в Балтийском море и реакция на них представителей НАТО, ЕС и государств региона, а также прецеденты взаимодействия Российской Федерации с НАТО и ее государствами-членами в Балтийском регионе.

Для достижения поставленных целей в статье последовательно рассматриваются концептуальные основы «серой зоны», правовые аспекты конфликтов в «серой зоне», влияние фактора географического пространства Балтийского региона, значение географических особенностей региона в контексте исследования, а также действия государств — членов ЕС и НАТО по повышению уровня конфронтации с Российской Федерацией в Балтийском регионе.

«Серая зона» и «гибридная война»: неоднозначность определений и масштаб современных угроз в контексте их правовой неопределенности

В настоящее время термин «серая зона», также как и термины «гибридные угрозы» и «гибридная война», получил широкое распространение среди политиков и военных аналитиков как в России, так и за рубежом. Однако среди экспертов до сих пор нет однозначного подхода к определению и содержанию этих понятий несмотря на то, что их нельзя назвать новыми. Новыми скорее являются масштаб и методы использования старых инструментов.

Разумеется, гибридные угрозы могут быть использованы сторонами конфликта в любых регионах, в том числе с вполне определенным правовым режимом, исключая произвольные трактовки. Однако именно в «серых зонах» продвижение гибридных угроз упрощается, так как обращение к нормам международного права становится затруднительным.

Как правило, все три термина используются для определения действий одной из сторон конфликта по отношению к другой (или сторонами друг против друга), без перехода к открытому вооруженному столкновению.

По мнению одного из авторов концепции «гибридной войны» Ф. Хоффмана, такая тенденция «размывает» границы между известными ранее типами войн [9]. Современную концепцию «гибридных войн» принято рассматривать как адаптацию традиционных методов ведения войны к сложившейся современной мировой обстановке, которая, как и война, имеет свойство быстро адаптироваться к политическим, экономическим, технологическим и социальным изменениям [10, р. 10].

В 1948 г. «архитектор» Холодной войны Дж. Кеннан подготовил для Совета Национальной безопасности США доклад, касающийся начала «организованной политической войны», которую он определил как «все средства, имеющиеся в распоряжении государства, за исключением войны, для достижения национальных целей». В докладе он отмечал, что Соединенные Штаты не могут позволить себе в

будущем в случае более серьезных политических кризисов прибегать к импровизированным тайным операциям [11, р. 253]. То есть Дж. Кеннан фактически заложил основу для планирования Соединенными Штатами невоенных операций.

Во многих отношениях концепция Кеннана вписывается в концепцию Дж. Ная об «умной силе» (Smart Power), в соответствии с которой действия Соединенных Штатов могут варьироваться от оказания политического влияния до экономических санкций и дипломатии принуждения. Круг таких действий настолько широк, что может охватывать практически все сферы государства-мишени. При этом отличительной чертой этих действий является оказание влияния на его (государства-мишени) политическое руководство [12, р. 64].

В этой связи авторы считают актуальным высказывание начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии В. В. Герасимова, который утверждает, что с появлением новых сфер противоборства в современных конфликтах методы борьбы все чаще смещаются в сторону комплексного применения невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу [13]. Как отметил М. Галеотти, Герасимов выразил убежденность в том, что современный мир столкнулся с более сложными, политически обусловленными формами противостояния наряду с традиционными военными действиями [14, р. 27].

В обзоре НАТО по вопросам безопасности отмечено, что гибридные конфликты включают в себя многоуровневые усилия, направленные на дестабилизацию функционирования государства и поляризацию его общества, так как именно население государства является «центром тяжести» в гибридной войне. Поэтому главной целью является оказание влияния на действия политиков, принимающих ключевые решения, посредством военных и невоенных операций [15].

В этой связи авторы полагают необходимым отметить, что в 2019 г. генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в своем ежегодном докладе подтвердил, что для НАТО приоритетом является не только способность противодействовать гибридным угрозам, но и повышение способности самостоятельно проводить операции, в том числе за счет увеличения количества проводимых учений и использования групп и центров поддержки. При этом в докладе отмечается, что враждующим государствам нет необходимости выходить на поле боя, чтобы нанести ущерб своим противникам. Они могут получать политические и стратегические выгоды иными методами, такими как дезинформация, кибернападения, введение в заблуждение и диверсионная деятельность. Такие гибридные действия, или действия в «серых зонах», размывают грань между миром и войной и используются для дестабилизации и подрыва затрагиваемых стран¹. Они непосредственно ставят под угрозу способность государства-мишени осуществлять своевременные действия, направленные на раннее обнаружение и предупреждение угроз, так как большое количество действий против государства-мишени относится к сферам, которые традиционно рассматриваются вне прямого вооруженного конфликта.

Одним из главных признаков «гибридных угроз», по мнению западных аналитиков, является их применение в «серой зоне», неоднозначность стратегического замысла государства-агрессора с акцентом на непрямые методы и средства применения силы по отношению к государству-мишени².

¹ The Secretary General's Annual Report 2019, 2019, NATO, 21 April, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_174399.htm (дата обращения: 20.03.2025).

² Deterrence by Punishment as a way of Countering Hybrid Threats — Why we need to go 'beyond resilience' in the gray zone. Information Note, 2019, *Multinational Capability Development Campaign (MCDC)*, March 2019, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5c7d01abe5274a3b858207fc/20190304-MCDC_CHW_Information_note_-_Deterrence_by_Punishment.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

В официальных документах термин «серая зона» был впервые использован в Четырехгодичном обзоре Министерства обороны США за 2010 г. (QDR-2010). В этом обзоре «серая зона» описывается как преднамеренная, многофакторная и враждебная межгосударственная деятельность, которая находится ниже порога применения вооруженных сил¹. При этом сферой межгосударственных враждебных действий является экономическое, политическое, социальное, информационное, географическое пространство, а объектами воздействия — объекты политической, экономической и социальной систем, информационные, а также материальные (ресурсные, пространственно-временные) объекты [16, с. 6].

Однако «серая зона» ни как концепт современного противостояния, ни как потенциальный театр военных действий не фигурирует в официальных документах НАТО, хотя Альянс рассматривает ее в контексте гибридных угроз. При этом основным источником гибридных угроз и НАТО, и его участники видят только Россию. Поэтому основные стратегии НАТО направлены на противодействие таким методам через усиление киберзащиты и энергетической инфраструктуры, средства контрпропаганды и сдерживание невоенных угроз².

Таким образом, невоенные меры и средства по своей эффективности сравнивались с военными, если не превосходили их. Невоенными мерами и средствами стало возможным добиваться таких целей, которые раньше достигались кровопролитными войнами. Хотя крупная война по-прежнему возможна, однако теперь она сопряжена с серьезными издержками и рисками, особенно для государств, обладающих ядерным оружием, поэтому риск начала такой войны маловероятен [17, р. 56].

В отличие от традиционных форм войны в «серой зоне» реализуются агрессивные государственные стратегии с высокими ставками, в которых каждый из участников использует различные инструменты влияния и запугивания для достижения конечных целей войны с помощью скрытых или открытых средств и методов, провокаций и конфликтов [7, с. 26]. В подобной ситуации государства, не обладающие возможностями для достижения своих стратегических целей с помощью только обычных военных средств, могут прибегнуть к их достижению с помощью комбинаций невоенных методов и средств. Так же и государства, обладающие необходимыми военными средствами, могут добиваться стратегических целей с помощью использования невоенных методов. В обоих случаях использование невоенных методов связано с целью избежать прямого военного столкновения с противником. В этом случае «серая зона» наиболее соответствует достижению стратегических целей, так как цели любой военной кампании вытекают из политических интересов и задач.

¹ U. S. Department of Defense, 2010, *Quadrennial Defense Review Report*, February 2010, URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2010.pdf> (дата обращения: 29.03.2025).

² Strategic Concept, 2022, *NATO Official Website*, 29 June 2022, URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 22.07.2025); Brussels Summit Community — Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021, 2021, *NATO Official Website*, 14 June 2021, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (дата обращения: 22.07.2025); NATO Cyber Defence, 2024, *NATO Official Website*, 30 July 2024, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_78170.htm (дата обращения: 22.07.2025); NATO Countering hybrid threats, 2024, *NATO Official Website*, 07 May 2024, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (дата обращения: 22.07.2025); Russia's Information Influence Operations in the Nordic — Baltic Region, 2024, *STRATCOM*, Riga, November 2024, URL: <https://stratcomcoe.org/publications/russias-information-influence-operations-in-the-nordic-baltic-region/314> (дата обращения: 22.07.2025).

В этих условиях роль военной силы сохраняется и может даже возрасти, хотя использование невоенных средств, особенно информационно-психологического характера, будет ключевым фактором ведения войны нового типа [18, с. 44]. При этом принципы ведения боевых действий в «серой зоне» будут совершенно иными в отличие от доктрины большой войны, гласившей, что успех зависит от сосредоточенности, быстроты и решительности. Основной же целью кампаний в «серой зоне» является создание новых политических реальностей, соответствующих интересам государства-агрессора или коалиции таких государств.

Таким образом, под «серой зоной» в данном исследовании авторы понимают географическое пространство конфликта, где стороны для достижения своих политических целей используют невоенные методы, сочетая их с ограниченным применением военной силы, не переходящим в открытое противостояние между ними. При этом главное отличие «серой зоны» от «гибридной войны», по нашему мнению, состоит в том, что «серая зона» предполагает действия сторон конфликта в определенном географическом пространстве, тогда как «гибридная война» — это более общее и, как следствие, более абстрактное понятие, поскольку любая война вне зависимости от ее форм и методов предполагает противостояние сторон конфликта как состояние их отношений.

Характерной особенностью кампаний в «серой зоне», в отличие от «гибридных угроз», является правовая дилемма, так как любая операция в «серой зоне» предполагает отказ от норм международного права, которые в большей степени, чем законы военного времени, ограничивают обороняющееся государство в праве на ответное применение силы, создавая для него правовые неопределенности. Эту специфику «серой зоны» подтверждает заявление командующего силами специальных операций армии США генерала Дж. Вотеля, согласно которому «в «серой зоне» государства сталкиваются с неопределенностью в отношении характера конфликта, статуса вовлеченных в него сторон и юридической обоснованности политических претензий» [19].

В частности, закрепленная в ст. 2 (4) Устава ООН норма о запрете применения силы или угрозы ее применения государствами-членами, не содержит такой дефиниции, как «война»¹. Кроме того, термин «сила» используется для обозначения широкого круга форм конфликта, однако преобладающая трактовка сводится к «военной силе», характеризующей вооруженный конфликт. При этом императив данной статьи Устава ООН не распространяется на негосударственные субъекты, если только не существует тесной связи между государствами и негосударственными субъектами, которая сводится к поддержке негосударственного субъекта или согласия на его агрессивные действия [20, р. 53].

Каких-либо императивных норм о запрете иных форм и методов агрессивных действий (политических, экономических, информационных и др.) и получения выгоды от их применения Устав ООН не содержит. Такие формы и методы потенциально могут быть приравнены к незаконному применению силы, если они причиняют значительный вред государству-мишени или принуждают его к действиям, нарушающим его суверенитет [21, р. 73]. Однако доказать использование невоенных форм и методов в качестве «военной силы» практически невозможно. Таким образом, невозможность применения стандартов, основанных на нормах международного права, и несогласованность «серой зоны» с традиционными формами и методами конфликта и применения силы создают юридическую неопределенность в определении наличия агрессии и участия в ней конкретных государств. На меж-

¹ United Nations, 1945. Charter of the United Nations, 1 UNTS XVI, 2025, *UN Charter* | *United Nations*, URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (дата обращения: 30.03.2025).

дународном уровне это создает вводящее в заблуждение предположение о том, что государство-мишень не осведомлено или недостаточно осведомлено о действиях государства-агрессора. Однако такое предположение неверно, и государство-мишень на самом деле, как правило, знает о действиях противника, но ограничено в применении ответных мер.

Наличие правовой неопределенности позволяет противникам использовать в «серой зоне» комплексный набор методов и средств для достижения своих стратегических целей, не переходя порог открытого военного конфликта. При этом государства могут применять прокси-силы, чтобы повысить уровень собственной военной мощи, а также иметь возможность отрицать свою причастность к агрессивным действиям. То есть наличие правовой неопределенности и возможности отрицать участие в конфликте позволяет государству-агрессору (или коалиции таких государств) ограниченно использовать свои вооруженные силы для оказания давления на государство-мишень. Ограниченное использование вооруженных сил предполагает, например, их размещение вблизи территории государства-мишени, проведение крупномасштабных учений, проведение тайных военных операций (диверсий, актов саботажа и т. д.) с использованием сил специальных операций. Сам механизм использования вооруженных сил не так важен, как угроза применения военной силы, которая должна заставить руководство государства-мишени переосмыслить риск открытого вооруженного противостояния. То есть инициаторы конфликтов в «серой зоне» могут обладать военным превосходством, что иногда имеет решающее значение для сдерживания государства-мишени от ответа на провокации применением военной силы [22, р. 190].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что любые действия противоборствующих сторон в «серой зоне» сопровождаются использованием вооруженных сил (в том числе прокси) для достижения максимального эффекта от использования других, невоенных, методов и средств для реализации конечной цели, а также вразрез нормам международного права, нарушая как собственные, так и международные основополагающие документы. При этом экономические, политические, гуманитарные и другие методы и средства, применяемые в «серой зоне», невозможно реализовать с необходимым успехом без военной компоненты, так как существует риск прямого вооруженного ответа на действия, посягающие на суверенитет государства.

Фактор географического пространства в концепции «серой зоны»

Современный этап трансформации глобальной политики и экономики сопровождается пересмотром принципов регионального деления. В отличие от прежних тенденций, где ключевую роль играла геоэкономическая регионализация, сейчас формирование новых границ происходит на основе военно-политических и географических факторов [23].

Главными инструментами этого процесса становятся не экономические связи, а силовые методы и естественные географические барьеры, обеспечивающие безопасность и защищенность территорий. Таким образом, геополитика и военная стратегия вытесняют геоэкономику в качестве основного драйвера интеграции пространств. Логика экономической целесообразности, открытого рынка и свободы торговли была дезавуирована элитами тех стран, которые не без определенных оснований упрекали СССР в идеологическом монополизме и изоляционизме.

До начала открытой конфронтации России с государствами Балтийского региона создавались предпосылки для взаимовыгодного сотрудничества, хотя они и характеризовались сложной динамикой, обусловленной историческими, политическими

и экономическими факторами. Период до 2014 г. был временем трансформации, когда прежнее политическое разделение уступило место новым формам взаимодействия, главным образом экономическим, однако полная интеграция России в региональные процессы осталась незавершенной, а государства региона полностью интегрировались в западные структуры [24].

Одной из главных современных географических особенностей Балтийского региона является то, что его составляют только системно враждебные Российской Федерации государства. После окончания Холодной войны и вплоть до 2022 г. напряженность в регионе неуклонно возрастала, а буферные и нейтральные государства отказались от своего статуса [25, с. 177].

Кроме того, в период Холодной войны в регионе сохранялся баланс сил, поддерживаемый паритетом между блоком НАТО и ОВД. Однако после окончания Холодной войны и распада Организации Варшавского договора все государства региона стали членами НАТО, что в свою очередь, повлекло и изменение расстановки военно-политических сил в регионе, а также способствовало постепенному ослаблению отношений между Россией и государствами региона [7; 8; 26]. В этой связи по историческим и географическим причинам именно для Балтийского региона характерно устойчивое поддержание ситуации, которая свойственна «серым зонам» и называется ситуацией «ни мира, ни войны». В этих условиях возникает сложность и неопределенность контроля над пространством, что применимо и к территориям, и к акваториям. Как уже отмечали авторы, одной из основных характеристик «серой зоны» является именно контроль географического пространства.

Например, Дж. Б. Кларк и Ч. Пфафф, обращая внимание на географические особенности Балтийского региона, указывают на возможность концентрации сил союзников по НАТО для ослабления зоны российского военного превосходства [27, р. xiv], а по мнению Р. Кляйна и соавторов, необходимо учитывать, что половина морских грузов из России проходит через Балтийское море, обеспечивая тем самым НАТО и ее партнерам рычаги экономического давления на Россию. В этой связи НАТО, по их мнению, должно лишить Россию выхода в Северную Атлантику и далее в Баренцево море [28]. Значением этой характеристики «серой зоны» является предположение о том, что конфликты в такой зоне, как в отдельно взятом географическом пространстве, можно начинать и прекращать сравнительно легко [29].

Говоря о контроле географического пространства, необходимо отметить, что относительно небольшие территория и акватория Балтийского региона сочетаются с высоким уровнем угроз, проецируемых в случае их захвата на удаленные стратегические территории. Ярким примером такого подхода является формула «Гогланд — ключ к Котлину, Котлин — ключ к Ленинграду». Впервые с 1941 г. на Балтике противник угрожает нам военной, а не только экономической блокадой. Остров Гогланд вынужденно возвращает себе статус военного объекта, чего не было со времен хрущевской демилитаризации военных объектов в Финском заливе [30, с. 13].

По мнению авторов, при анализе современных проблем «серой зоны» на Балтике необходимо обязательно учитывать события Великой отечественной войны с учетом возможностей, средств и методов современных видов вооружения и борьбы с ними.

В частности, большие проблемы для СССР в годы войны создали минные заграждения, поставленные в Финском заливе в 1941 — 1943 гг. немцами и финнами. На траверзе у мыса Юминда Краснознаменный Балтийский флот понес самые тяжелые потери, когда немцы установили более 93 км минных заграждений вдоль южного берега залива, а северная и центральные части залива простреливались финской береговой артиллерией [31, с. 71]. Эти заграждения так и не были преодолены силами ВМФ Советского Союза в ходе войны, и их приходилось обходить через

непосредственно примыкающие к Финляндии воды. В этой ситуации Балтийский флот, существенно более сильный, чем ВМС Финляндии и немецкие корабли поддержки, реализовать свое преимущество не смог. При этом финский флот по состоянию на 22 июня 1941 г. играл роль прокси-силы для немцев, осуществляя минирование без объявления войны. Особого внимания также заслуживает вопрос об островах Финского залива, которые за исключением о. Котлин до 1940 г. принадлежали Финляндии, что обеспечивало ей контроль обширного пространства акватории Финского залива. Однако с 1940 г. ситуация изменилась и в настоящее время выдвинутые глубоко на запад острова Гогланд, Мощный, Большой и Малый Тютерс принадлежат России.

Очевидна стратегическая роль островов Финского залива, так как они фактически разделяют южный и северный фланги потенциального морского театра военных действий. Занятие этих островов противником позволит ему не только контролировать фарватер Финского залива при подходе к устью Невы, но и фактически «запереть» корабли Балтийского флота на рейде Кронштадта, что даст ему возможность контролировать воздушное пространство от Санкт-Петербурга до Калининграда [31, р. 62]. Таким образом, исторический опыт показывает, что контроль акватории Финского залива критически важен для безопасности Санкт-Петербурга. Так было сто лет назад, пока СССР в 1939 г. не решил проблему стратегической уязвимости Ленинграда.

В этой связи необходимо обратить внимание на мнение американских военных аналитиков К. Хердта и М. Зублича, которые считают, что в Балтийском регионе ВМС США и союзники по НАТО должны использовать обширные возможности Финляндии и Швеции для морского минирования в случае возможного конфликта с Россией, которое поставит под угрозу развертывание ВМС России и ее коммерческое судоходство [32, р. 5 – 7].

Не менее важное стратегическое значение имеют и главные острова Балтийского моря — Борнхольм и Готланд. Первый может быть использован в качестве барьера против России, чтобы лишить ее военные корабли и гражданские суда доступа в Датские проливы, а второй может выступать в качестве места размещения средств ведения разведки и систем ПВО или противокорабельной защиты [33].

Ярким примером географического фактора в определении границ и характеристик «серой зоны» является событие, произошедшее в Литве: затопление американской тяжелой бронемашины в болоте недалеко от белорусской границы. Машина не просто завязла в болоте, хотя и это уже невозможно в Германии, она полностью утонула так, что ее не могли найти неделю и для извлечения была создана правительственная комиссия, которая привлекла до десяти единиц тяжелой спецтехники. Это событие предшествовало развертыванию бронетанковой бригады Бундесвера именно в этом районе и в этих природных условиях. Южная и Восточная Литва, Латгалия выступают как потенциальные театры военных действий в Балтийском регионе, причем именно в контексте сюжетов, связанных с «серой зоной» и новыми рисками.

Не только политическое, но и военное руководство стран Прибалтики плохо представляет собственные страны. Картографирование и тем более топографическая съемка собственной территории на протяжении более сорока лет не являются приоритетом для правительств Эстонии, Латвии, Литвы. Впрочем, и для России и Беларуси подобные сложные, дорогостоящие и долговременные задачи не были приоритетом.

Один из авторов данной статьи был членом российской группы в рамках переговорного процесса с Эстонской Республикой по установлению на местности линии государственной границы. Эта работа осуществлялась с 1995 до конца 1997 г. В за-

дачи рабочей группы не входили политические вопросы, а только исследование, привязка существующей на карте линии границы к местности и предложения по ее корректировке. За основу принимались советские карты Генерального штаба, устаревшие на тот момент на несколько десятилетий. Проведенная работа свидетельствовала об абсолютной непригодности данных карт. Старые дороги исчезли, появились новые. На месте лесов оказались сельхозугодья, на месте сельхозугодий — леса. География береговой линии озер изменилась, как и русла рек, местоположение верховых и неземных болот также не соответствовало картам. В случае начала боевых действий имеющиеся карты были бы непригодными. Например, непроходимые в прошлом болота, практически перекрывающие подходы к высотам Синимяэ от Усть-Нарвы до Нарвы, на сегодняшний день отсутствуют. Если раньше от границы к Таллину шла одна дорога, то сейчас их три.

Аналогичная ситуация складывается на границе с Финляндией. Национальная мифология финнов, связанная с линией Маннергейма, не учитывает того обстоятельства, что сейчас такая система укреплений, стоившая Финляндии трети средневзвешенного годового бюджета [34, с. 63], не может быть построена, в том числе потому, что в настоящее время ее длина должна быть в 2,8 раза больше. Если в 1939 г. между Ладогой и Финским заливом проходили три более-менее проходимых дороги в направлении с юго-востока на северо-запад, то сейчас их не менее шести в самой узкой части.

Еще одним важным фактором является определение и юридическое закрепление государственных границ в регионе. В частности, линии государственных границ Российской Федерации с Литвой и Латвией определены как на местности, так и в государственных договорах. И напротив, с Эстонской Республикой линия государственной границы хотя и определена на местности, но не закреплена государственным договором, при этом пограничные зоны описаны слабо.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что в Балтийском регионе географическое пространство играет ключевую роль в формировании «серой зоны», когда военно-политические факторы стали преобладать над выгодами экономического сотрудничества. В условиях «серой зоны» контроль над акваториями Финского залива и Балтийского моря, а также их ключевыми островами имеет стратегическое значение, что подтверждается историческим опытом. Кроме того, современные изменения географического ландшафта и политическая неопределенность границ усложняют оценку возникающих угроз. В этой связи милитаризация региона создает риски намеренной или непреднамеренной эскалации. Таким образом, географические особенности Балтийского региона делают его уязвимым для потенциального конфликта, в котором контроль над пространством будет ключевым инструментом.

Анализ военных и невоенных действий НАТО и ЕС в Балтийском регионе

Методы и средства, применяемые НАТО, ЕС и их отдельными государствами-членами для достижения своих стратегических целей в Балтийском регионе, можно разделить на военные и невоенные (политико-дипломатические, экономические, информационно-психологические). Однако общей особенностью их использования является географическое пространство, а именно — географические особенности региона, которые, по мнению западных военных и невоенных аналитиков,

считаются «слабыми сторонами России в регионе»¹. Прежде всего это эксклавное положение Калининградской области и ее зависимость от поставок с основной территории России, узкая береговая линия в Балтийском море, а также узкие фарватерные линии в нейтральных водах Финского залива. В военно-стратегическом плане это сосредоточение кораблей и судов Балтийского флота на двух военно-морских базах в Балтийске и Кронштадте, ограниченный военный ресурс Калининградской области, а также близость ключевых регионов России к границе с государствами — членами НАТО. Учитывая данные «болевые географические точки», руководство НАТО, ЕС и государств региона планирует и проводит действия, направленные на дестабилизацию военно-политической обстановки в Балтийском регионе, зачастую оправдывая их «агрессивной политикой России».

Военные методы и средства включают в себя прежде всего милитаризацию Балтийского региона. Речь идет о расширении НАТО (принятии в Альянс в 2023—2024 гг. Финляндии и Швеции), увеличении военного присутствия в странах региона контингентов других государств НАТО (США, Германии и Великобритании) и коллективных сил Альянса, наращивании и модернизации вооруженных сил стран — членов НАТО в регионе (здесь в авангарде находятся Польша и Германия), строительстве и модернизации военной инфраструктуры.

Приведем несколько примеров военной активности НАТО и его государств-членов в Балтийском регионе за последнее время. Данные мероприятия носят явно демонстрационный, провокационный и агрессивный характер².

В частности, Соединенные Штаты сформировали на территории Германии многодоменную оперативную группу (*Multi-Domain Task Force, MDTF*), в составе которой с 2026 г. начнут проводиться эпизодические развертывания новых наземных ракетных комплексов средней и малой дальности *Typhon* с многоцелевыми ракетами *Standard SM-6* (с дальностью полета до 500 км) и *Tomahawk* (с дальностью полета до 1800 км), средней дальности *Dark Eagle* (с дальностью полета до 2700 км), с перспективными ракетами с гиперзвуковым боевым блоком в неядерном исполнении, которые входят в американскую военную доктрину «глобального обезоруживающего удара». С 2022 г. удвоилось количество военнослужащих США, находящихся в Польше, которое достигло примерно 10 тыс. чел. Соединенные Штаты создали в Польше постоянный гарнизон армии США (*USAG-P*), открыли базу ПРО (г. Редзиково) и комплекс долгосрочного хранения и обслуживания военной техники (г. Повидз). Также США начали военное присутствие на базе Рездо (Эстония), расположенной в 45 км от границы с Россией.

В г. Миккели (Финляндия) в 300 км от Санкт-Петербурга формируется штаб Многокорпусного командования сухопутных войск НАТО (*Multi-Corps Land Component Command — MCLCC*). Кроме того, Соединенные Штаты получили беспрепятственный доступ к 15 военным объектам в Финляндии, часть из которых находится в непосредственной близости от российской границы, а также к 17 объектам в Швеции.

Германия 22 мая 2025 г. впервые в истории Бундесвера начала разворачивать за рубежом воинский контингент на постоянной основе — 45-ю танковую бригаду, дислоцированную в Литве.

¹ Russia's Military Modernization: A Challenge for NATO, 2017, London, Chatham House, URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/2016-03-russia-new-tools-giles.pdf> (дата обращения: 30.03.2025); Заполняя балтийский пробел НАТО, 2016, *International Centre for Defence and Security (ICDS)*, URL: https://icds.ee/wp-content/uploads/2016/ICDS_Report-Closing_NATO_s_Baltic_Gap-RUS.pdf (дата обращения: 30.03.2025).

² См. подробнее: [2].

В июле 2025 г. Великобритания привела 4-ю бригадную боевую группу в состояние высокой боевой готовности в целях ее дальнейшего развертывания на территории Эстонии.

В июле 2024 г. Многонациональная боевая группа НАТО в Латвии, возглавляемая канадским командованием, была преобразована в Многонациональную бригаду НАТО «Латвия» с почти двукратным увеличением численности личного состава и техники.

Для управления операциями НАТО в Балтийском море в Росток (Германия) в октябре 2024 г. был создан региональный военно-морской штаб *CTF Baltic*.

В январе 2025 г. была начата операция НАТО *Baltic Sentry* для защиты критической подводной инфраструктуры Балтийского моря. Фактически данная операция проводится многонациональными силами НАТО для борьбы с российским «теневым нефтегазовым флотом» и организации возможной блокады Финского залива для российских судов.

Кроме расширения военной инфраструктуры в Балтийском регионе регулярно проводятся масштабные учения НАТО и многонациональные учения под руководством командования США в Европе, такие как *DEFENDER-Europe*, *BALTOPS*, *Steadfast Defender*, *Anakonda*, *Dragon*, *Thunder Storm*, *Brave Griffin*, *Griffin Lightning* и др. Количество и масштабы учений значительно увеличились после начала российской специальной военной операции в феврале 2022 г. При этом их число у российских границ достигло 40 в год¹, а замысел и сценарии учений носят выраженный наступательный характер вопреки заявлениям представителей НАТО об «оборонительном характере учений». В ходе учений, в частности, отрабатываются переброска на восточный фланг НАТО в Балтийском регионе дополнительных сил и средств, ведение наступательных операций, нанесение ракетно-бомбовых ударов по Калининградской области, действия по высадке воздушных и морских десантов, по морскому минированию, блокированию российского Балтийского флота и российского судоходства на Балтике и т. д.

Самолеты стран НАТО (прежде всего США, Великобритании, Германии, Франции и Швеции) активно ведут радиотехническую и радиоэлектронную разведку на Балтике, изучая потенциальные театры военных действий на территории Калининградской и Ленинградской областей и акватории Балтийского моря.

Кроме того, высокопоставленными военнослужащими стран НАТО неоднократно раздаются угрозы в отношении Калининградской области. В частности, командующий сухопутных сил Польши генерал В. Схипчак неоднократно заявлял о необходимости «вернуть Калининград силой» и «уничтожить российский форпост в Европе»². В июле 2025 г. командующий армией США в Европе и Африке генерал К. Донахью публично заявил, что армия и ее союзники теперь имеют возможность «снести его [Калининград] с лица земли в неслыханные сроки и быстрее, чем мы когда-либо могли сделать»³. Заявления представителей Прибалтийских государств

¹ Герасимов: число учений НАТО у границ РФ достигло 40 в год, 2024, ТАСС, 18 декабря 2024, URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/22703753> (дата обращения: 20.04.2025).

² Wojsko wzmacnia granice z Białorusią i Rosją. Gen. Skrzypczak: To nie ma nic wspólnego z fortyfikacją, 2024, *Rzecz Pospolita*, 06.02.2024, URL: <https://www.rp.pl/wojsko/art39791601-wojsko-wzmacnia-granice-z-bialorusia-i-rosja-gen-skrzypczak-to-nie-ma-nic-wspolnego-z-fortyfikacja> (дата обращения: 22.07.2025).

³ Judson Jen. Army Europe chief unveils NATO eastern flank defense plan, 2025, *Defense News*, Jul 17, URL: <https://www.defensenews.com/land/2025/07/16/army-europe-chief-unveils-nato-eastern-flank-defense-plan/> (дата обращения: 23.07.2025).

относительно военного решения вопроса с Калининградской областью и морским российским судоходством в Балтийском море звучат с такой периодичностью, что их упоминание в целях данной статьи авторы считают нецелесообразным.

Таким образом, авторы полагают, что со стороны коллективного Запада ведется открытая демонстрация силы, которая свидетельствует о переходе потенциально-го противника от концепции сдерживания к концепции устрашения. Фактически речь идет об ограниченном использовании вооруженных сил против интересов Российской Федерации и ее безопасности. Демонстрация силы, в свою очередь, играет роль военного прикрытия для использования против России политических и экономических средств и методов, а наличие большого количества вооруженных сил НАТО и стран НАТО в Балтийском регионе ограничивает возможность России симметрично реагировать на внешнее давление военной силой или угрозой ее применения.

Кроме военных методов западной коалицией активно используются также и политико-дипломатические методы и средства. К прямым можно отнести фактически «выдавливание» Российской Федерации из международных организаций, таких как Совет государств Балтийского моря, Северный совет, Союз балтийских городов и др., прекращение работы Совета «Россия — НАТО», попытки оспорить полномочия российской делегации в Парламентской ассамблее ОБСЕ и т. п.

Косвенные политико-дипломатические методы — это понижение уровня дипломатических отношений России с Литвой, Латвией и Эстонией, закрытие российских консульств в Германии, Польше, странах Прибалтики, высылка российских дипломатов из всех государств региона. Кроме того, Польша и страны Прибалтики с 19 сентября 2022 г. запретили въезд гражданам России с действующими шенгенскими визами, а также прекратили выдачу им виз. Финляндия с 30 сентября 2022 г. закрыла границу для российских туристов. На личных автомобилях, зарегистрированных в России, нельзя въезжать в страны Евросоюза, и даже в случае частной поездки автомобили могут быть конфискованы. Участились случаи отказа во въезде гражданам РФ на границе со странами ЕС без объяснения причин.

Кроме того, к косвенным политико-дипломатическими методам давления на Россию можно отнести усиление дискриминации русскоязычного населения в странах Прибалтики, поддержку Западом несистемной российской оппозиции, бежавшей из России (одними из ее главных центров за рубежом стали Вильнюс и Варшава), а также угрозы «закрыть» Балтийское море или Финский залив для России, звучавшие, к примеру, от президента Латвии Э. Ринкевичса¹ и командующего вооруженными силами Эстонии А. Мерило².

К экономическим методам и средствам давления на Россию можно отнести политику санкций, нацеленную на экономическую изоляцию России, создание для нее экономических проблем, которые, по замыслу авторов санкций, должны повлечь за собой политическую дестабилизацию и в идеале для них смену политической власти в России. При этом все страны Балтийского региона, входящие в Евросоюз, не только участвуют в санкциях ЕС против России, но и являются их главными инициаторами.

Кроме того, с лета 2022 г. Евросоюзом и Литвой ограничен грузовой транзит по суше с основной территории России в Калининградскую область и обратно [35,

¹ В Кремле ответили на угрозы Латвии закрыть для России Балтийское море, 2023, *РИА Новости*, 23.10.2023, URL: <https://ria.ru/20231023/more-1904635928.html> (дата обращения: 20.04.2025).

² МИД оценил возможное закрытие Финского залива для российских судов, 2024, *РБК*, 01.10.2024, URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2024/66fb7fd89a7947886759efe6> (дата обращения: 20.04.2025).

с. 47]. При этом полностью запрещены российские грузовые автомобильные перевозки в Европейский союз, вход в порты стран Евросоюза судов под российским флагом, а также судов под иностранными флагами, перевозящих российскую нефть (исключения распространяются на медицинские, продовольственные, энергетические и гуманитарные цели).

К методам прямого экономического давления на Россию в Балтийском регионе, как мы полагаем, следует отнести диверсию на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток — 2». По мнению президента России В.В. Путина, это, «скорее всего, сделали американцы или кто-то с их подачи»¹. Однако наиболее ярким примером создания экономических угроз Российской Федерации, с нашей точки зрения, являются попытки захвата нефтяных танкеров, используемых в интересах России и идущих в акватории Балтийского моря под иностранными флагами (в западной терминологии — «теневого флота России»)², а также организация против них диверсионных актов³.

Главная особенность информационно-психологических методов и средств, по нашему мнению, — их косвенное влияние на общую обстановку в регионе. Объектами этих методов выступают как российское население, которое западные средства массовой информации при непосредственном участии западных спецслужб стремятся дезинформировать и настроить против существующей власти, так и жители стран Балтийского региона, входящих в ЕС и НАТО. Во втором случае целью дезинформации и пропаганды является культивация «образа врага» в лице России и педалирование тезиса о «российской угрозе», что помогает правительствам этих государств обеспечить себе поддержку как собственной милитаризации, так и милитаризации всего Балтийского региона. Кроме того, факторы дезинформации и пропаганды об «угрозе с востока» также позволяют манипулировать гражданским обществом стран в интересах антироссийских проглобалистских элит.

В авангарде этой деятельности находятся как расположенные за пределами Балтийского региона центры информационно-психологической войны, так и центры, дислоцированные в самом регионе. Среди последних можно выделить Центр передового опыта НАТО в области совместной киберзащиты (Эстония), Центр передового опыта НАТО в области энергетической безопасности (Литва), Центр передового опыта НАТО в области стратегических коммуникаций (Латвия) и Европейский центр по противодействию гибридным угрозам (Финляндия).

Цель всех методов и средств, применяемых НАТО, ЕС и их отдельными государствами-членами в Балтийском регионе, — ослабление России в регионе в длительной перспективе, российской экономики (через Балтику проходит более половины российского морского экспорта нефти⁴), нанесение ущерба государственному имиджу Российской Федерации, создание экономических сложностей

¹ Путин допустил, что «Северные потоки» взорвали американцы, 2023, ТАСС, 14 декабря, URL: <https://tass.ru/ekonomika/19539217> (дата обращения: 20.04.2025).

² В Эстонии задержали следовавший в Россию танкер, 2025, РБК, 11.04.2025, URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/04/2025/67f900a79a7947de6c98260c> (дата обращения: 20.04.2025).

³ «Диверсия в чистом виде»: эксперты рассказали о возможных причинах ЧП на танкере Koala, 2025, Московский комсомолец, 10.02.2025, URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/02/10/diversiya-v-chistom-vidе-eksperty-rasskazali-o-vozmozhnykh-prichinakh-chp-na-tankere-koala.html> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴ Танкерам с российской нефтью хотят закрыть Балтийское море, 2025, Российская газета, 11 февраля 2025, URL: <https://rg.ru/2025/02/11/tankeram-s-rossijskoj-neftiu-hotiat-zakryt-baltijskoe-more.html> (дата обращения: 25.03.2025); Denmark could block Russian oil tankers from reaching markets, 2023, Financial Times, November 15, URL: <https://www.ft.com/content/6409ed38-73f4-46b3-b0f1-649c5e5b79db> (дата обращения: 25.03.2025).

для эксклавной Калининградской области для уменьшения ее связей с Россией. Еще одна цель – вынудить Российскую Федерацию к наращиванию и «растягиванию» Вооруженных сил России вдоль западной границы, а, по сути, к отвлечению части сил и средств в период проведения специальной военной операции.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что НАТО и Европейский союз системно используют против Российской Федерации военные и невоенные методы для создания в Балтийском регионе «серой зоны», направленной на подрыв ее экономического и политического суверенитета. При этом военные методы, такие как милитаризация региона, увеличение количества и масштабов проводимых учений, которые носят явно выраженный демонстрационный характер, сочетаются с невоенными методами, а в ряде случаев служат их основанием или дополнением.

По мнению авторов, указанные действия в отношении России в Балтийском регионе, говорят о стремлении западной коалиции вынудить Российскую Федерацию к асимметричному военному ответу на них, что, в свою очередь, позволит обвинить Российскую Федерацию в «преднамеренной агрессии», выставить ее «агрессором» в глазах мирового сообщества, а также начать применение против нее более жестких средств и методов политического и экономического давления, включая военные.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые тенденции в стратегии НАТО и ЕС в Балтийском регионе, направленной на формирование «серой зоны», то есть пространства нестабильности, в котором сочетаются военные и невоенные методы политического и экономического давления на Россию. Анализ показал, что действия НАТО, ЕС и их государств-членов носят системный и комплексный характер, включая милитаризацию региона, экономические санкции, политико-дипломатическую изоляцию и информационно-психологическое воздействие.

В настоящее время Балтийский регион превратился в один из ключевых плацдармов противостояния между Россией и коллективным Западом. Расширение НАТО за счет Финляндии и Швеции привело к изменению баланса сил в регионе и создало сплошной пояс Альянса вдоль российских границ.

В Балтийском регионе через комбинацию мер, остающихся ниже порога открытого военного конфликта, но системно подрывающих безопасность России, фактически реализуется концепция «серой зоны». Главной особенностью этой стратегии является ее этапность: наращивание военного присутствия, экономическое «удушение» и информационная война формируют новую политическую реальность, в которой Россия вынуждена действовать в условиях перманентного кризиса. При этом все указанные методы и средства реализуются в контексте нарушения или несоблюдения норм международного права.

Военная составляющая давления включает в себя не только наращивание контингентов НАТО в Польше и Прибалтике, но и регулярные учения, имитирующие наступательные операции, в том числе на Калининградскую область, и блокирование для России Балтийского моря и Финского залива.

Демонстрация силы, такая как полеты самолетов-разведчиков и стратегических бомбардировщиков В-52Н у границ России, служит инструментом устрашения, подкрепляющим невоенные методы воздействия. При этом правовая неопределенность позволяет Западу избегать прямой ответственности, сохраняя возможность отрицать агрессивные намерения.

Политико-дипломатические методы направлены на изоляцию России через ее выдавливание из региональных организаций, разрыв консульских связей, дискриминацию русскоязычного населения в Прибалтийских государствах и изменение исторической памяти.

Экономические санкции, включая блокаду калининградского транзита и диверсии против энергетической инфраструктуры, преследуют цель дестабилизировать российские регионы, усиливая социально-политическое напряжение.

Информационно-психологическая война, координируемая через центры НАТО в Эстонии, Латвии и Литве, нацелена на манипуляцию общественным сознанием как в России, так и в странах Альянса, формируя образ России как «агрессора», представляющего экзистенциальную угрозу для «цивилизованного» Запада.

При этом ключевую роль в противостоянии России и Запада играет географический фактор. В частности, контроль над островами Балтийского моря, такими как Гогланд и Готланд, короткая береговая линия России в Балтийском море и контроль Финляндией и Эстонией входа в Финский залив исторически доказали свою значимость, так как современные планы НАТО по использованию Скандинавских стран для морской блокады повторяют сценарии Второй мировой войны.

Правовая неопределенность «серой зоны» осложняет ответные действия России, поскольку традиционные нормы международного права не учитывают гибридные угрозы. Отсутствие четких критериев агрессии в киберпространстве, экономическом принуждении или информационных атаках позволяет Западу действовать безнаказанно. Однако, как показывает анализ, военная сила остается неотъемлемым элементом этой стратегии, создавая фон для невоенного давления.

Таким образом, по мнению авторов, Балтийский регион сегодня представляет собой классический пример «серой зоны», где конфликт существует в допороговом формате, но несет в себе риски эскалации. Не вызывает сомнений, что действия НАТО и ЕС направлены на долгосрочное ослабление России и их эффективность во многом зависит от способности Москвы не только адаптироваться к гибридным вызовам, но и применять асимметричные ответные меры.

Учитывая исторический опыт и текущие тенденции, можно прогнозировать дальнейшее ужесточение противостояния, в котором военно-силовые методы будут все теснее переплетаться с экономическими, политическими и информационными. В этих условиях России необходимо разрабатывать комплексные меры противодействия, сочетающие военное сдерживание, правовое противодействие и укрепление региональной устойчивости и безопасности, прежде всего Калининградской области.

Финансирование. Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта*.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»)**.

Список литературы

1. Лачининский, С. С., Сяолинь, Л. 2021, Геополитические риски и перспективы отношений России и Запада на Балтике, *Псковский регионологический журнал*, т. 17, №4, с. 3—15, EDN: GNSEBG, <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1>

2. Зверев, Ю. М., Стрюковатый, В. В. 2025, *Россия и НАТО: противостояние на Балтике*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, EDN: SCSFVL

* В. В. Стрюковатый, Ю. М. Зверев.

** Н. М. Межевич.

3. Бартош, А. А. 2023, *Вопросы теории гибридной войны*, Москва, Изд-во Горячая линия — Телеком, URL: https://www.techbook.ru/book.php?id_book=1238 (дата обращения: 05.03.2025).
4. Ксенофонов, В. А. 2022, Гибридная агрессия как тенденция социального насилия, *Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс*, № 1, с. 45—51, EDN: QVCFRS
5. Eisenstadt, M. 2021, Iran's Gray Zone Strategy: Cornerstone of its Asymmetric Way of War. *PRISM*, vol. 9, № 2, p. 76—97, URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2541911/irans-gray-zone-strategy-cornerstone-of-its-asymmetric-way-of-war/> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Герасимов, В. В. 2016, Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны, *Вестник Академии военных наук*, № 2, с. 19—23, EDN: ZMVTTPR
7. Бартош, А. А. 2022, Законы и принципы гибридной войны, *Военная мысль*, № 10, с. 6—14, EDN: VORGXZ
8. Бартош, А. А. 2021, «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны, *Военная мысль*, № 3, с. 25—37, EDN: ECQDYY
9. Hoffman, F. 2007, *Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars*, Virginia, Potomac Institute, URL: https://www.potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
10. Sinclair, N. 2016, Old Generation Warfare: The Evolution — Not Revolution — of the Russian Way of Warfare, *Military Review*, May—June, p. 8—15, URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/military-review/Archives/English/MilitaryReview_20160630_art006.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
11. Rudgers, D. F. 2000, The Origins of Covert Action, *Journal of Contemporary History*, vol. 35, № 2, p. 249—331, <https://doi.org/10.1177/002200940003500206>
12. Nye, J. S. 2011, *The Future of Power*, New York: Public Affairs, URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/19290_100511nye.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
13. Герасимов, В. В. 2019, Векторы развития военной стратегии, *Красная звезда*, 4 марта 2019, URL: <http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii/> (дата обращения: 12.02.2025).
14. Galeotti, M. 2014, The Gerasimov doctrine and Russian non-linear war, *Moscow's Shadows*, vol. 6, № 7, URL: <https://founderscode.com/wp-content/uploads/2016/07/Gerasimov-Docctrine-and-Russian-Non-Linear-War-In-Moscow-s-Shadows.pdf> (дата обращения: 29.03.2025).
15. Pindják, P. 2014, Deterring Hybrid Warfare: A Chance for NATO and the EU to Work Together?, *NATO Review*, URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/also-in-2014/Deterring-hybrid-warfare/EN/index.htm> (дата обращения: 29.03.2025).
16. Гареев, М. А., Дербин, Е. А., Турко, Н. И. 2019, Дискурс: методология и практика совершенствования стратегического руководства обороной страны с учетом характера будущих войн и вооруженных конфликтов, *Вестник Академии военных наук*, № 1, с. 4—13, EDN: ZPJATN
17. Mazarr, M. J. 2015, *Mastering the Gray Zone: Understanding a Changing Era of Conflict*, Carlisle: U. S. Army War College Press, URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/428/> (дата обращения: 29.03.2025).
18. Чекинов, С. Г., Богданов, С. А. 2015, Прогнозирование характера и содержания войн будущего: проблемы и суждения, *Военная мысль*, № 10, с. 41—49, EDN: UKKGZD
19. Votel, J. 2015, Statement of General Joseph L. Votel Before the House Armed Services Committee Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities, March 18, 2015, URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Votel_03-26-15.pdf (дата обращения: 29.03.2025).
20. Corten, O. 2021. *The Law Against War: The Prohibition on the Use of Force in Contemporary International Law*, London, Bloomsbury Publishing, <https://doi.org/10.5040/9781509949021>
21. Fortin, K. 2017. *The Accountability of Armed Groups under Human Rights Law*. Oxford, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198808381.001.0001>
22. Lanoszka, A. 2016, Russian hybrid warfare and extended deterrence in eastern Europe, *International Affairs*, vol. 92, № 1, p. 175—195, <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12509>

23. Евстафьев, Д. Г. 2025, «Серые зоны» и «дикое поле» как геополитические феномены периода кризиса глобализации, *Международная жизнь*, № 4, URL: <https://interaffairs.ru/jau-thor/material/3188> (дата обращения: 15.04.2025).
24. Kivikari, U., Antola, E. 2004. *Baltic Sea Region — A Dynamic Third of Europe*. City of Turku, URL: https://www.utu.fi/sites/default/files/media/Kivikari_Antola_72004.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
25. Худолей, К. К. 2016, Россия и Европейский союз: возможно ли сотрудничество в регионе Балтийского моря?, *Прибалтийские исследования в России: Материалы Международной научной конференции*, Калининград, EDN: XAPMCH
26. Худолей, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 7—25, EDN: VOFDRT, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>
27. Clark, J. P. (COL), Pfaff, C. 2020, *Striking the Balance: US Army Force Posture in Europe 2028*, Carlisle, US Army War College Press, URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/911/> (дата обращения: 15.04.2025).
28. Klein, R., Lundqvist, S., Sumangil, E. 2019, *Baltic Left of Bang: The Role of NATO with Partners in Denial-Based Deterrence*, National Defense University, November 2021, URL: <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-301.pdf?ver=2019-07-23-142433-990> (дата обращения: 10.02.2025).
29. Freier, N. P., Hume, R. S., Compton, C., Hankard, S. 2016, *Confronting Conflict in the «Cray Zone»*, *Breaking Defense*, June 23, 2016, URL: <https://breakingdefense.com/2016/06/confronting-conflict-in-the-gray-zone> (дата обращения: 25.03.2025).
30. Хлутков, А. Д., Межевич, Н. М. 2024, «Новая география» российского Северо-Запада — внешние вызовы для управленческих практик, *Управленческое консультирование*, № 6, с. 9—17, EDN: PZVKRE, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-6-9-17>
31. Стрюковатый, В. В. 2024, Геостратегическое положение России на Балтике как угроза морской блокады в современных условиях, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 57—75, EDN: DUXJPN, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-4>
32. Herdt, C., Zublic, M. 2022, *Baltic Conflict: Russia's Goal to Distract NATO?* Center for Strategic and International Studies, November 2022, URL: https://cesmar.it/wp-content/uploads/2023/04/221114_Herd_Baltic_Conflict_0.pdf (дата обращения: 16.02.2025).
33. Stambaugh, A., Horowitz, J., Toh, M. 2022, G7 countries agree to cap the price of Russian oil, *CNN Business*, URL: <https://edition.cnn.com/2022/09/02/business/russia-oil-price-cap-g7-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 26.03.2025).
34. Барышников, В. Н. 2014, Роль международной финансово-экономической помощи Финляндии в войне против СССР 1939—1940 гг., *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, № 3, с. 59—72, EDN: SMCFUN
35. Гуменюк, И. С. 2024, *Мониторинг и анализ обеспечения транспортной безопасности на калининградском направлении*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, EDN: AFOWFM

Об авторах

Владимир Валерьевич Стрюковатый, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0009-0006-1242-091X>

E-mail: v.v.strukovatyy@yandex.ru

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

E-mail: mez13@mail.ru

Юрий Михайлович Зверев, кандидат географических наук, доцент, Институт управления и территориального развития, директор, Центр зарубежного регионоведения и страноведения Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5048-7481>

E-mail: YZverev@kantiana.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

THE BALTIC REGION AS A 'GREY ZONE': BALANCING ON THE BRINK OF ARMED CONFLICT

V. V. Stryukovaty¹

N. M. Mezhevich²

Yu. M. Zverev¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

² Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences,
11/3 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia

Received 14 April 2025

Accepted 10 September 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-2

© Stryukovaty, V. V., Mezhevich, N. M.,
Zverev, Yu. M., 2025

The article analyses the Baltic region as an arena of intensified Russia—West confrontation, applying the 'grey zone' concept understood as a domain where traditional military threats intersect with hybrid forms of influence. The authors examine the factors contributing to the escalation of tension in the region, including militarisation, economic sanctions, information pressure, and the use of proxy instruments. Particular attention is given to the geographical and legal conditions shaping strategic instability, as well as to historical precedents, most notably World War II, which, in the authors' view, helps contextualise contemporary risks. The article outlines the methods used by NATO and the Baltic States in constructing the 'grey zone', including the expansion of military presence, the manipulation of legal frameworks, and the deployment of non-military instruments of pressure. The authors conclude that the Baltic region is approaching the threshold of open conflict, and Western policies are interpreted as efforts to constrain Russian influence without resorting to direct military engagement. The study employs comparative analysis, qualitative content analysis of key sources, and event analysis of the actions of EU and NATO member states to assess perceived threats and the dynamics of regional instability.

Keywords:

Baltic region, 'grey zone', armed conflict, NATO, EU, confrontation

To cite this article: Stryukovaty, V. V., Mezhevich, N. M., Zverev, Yu. M. 2025, The Baltic region as a 'grey zone': balancing on the brink of armed conflict, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 26–48. doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-2

Funding. This research was supported by the Russian Federal Academic Leadership Programme Priority 2030 at Immanuel Kant Baltic Federal University.*

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (research project № FMZS-2024-0013 “System analysis of economic and political risks and opportunities of the Baltic-Scandinavian macro-region”).**

References:

1. Lachininskii, S., Xiaoling, L. 2021, The geopolitical risks and prospects for Russia-Western relations in the Baltic region, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, №4, p. 3—15 (in Russ.), <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1>
2. Zverev, Yu. M., Stryukovaty, V. V. 2025, *Russia and NATO: Confrontation in the Baltic*, Kaliningrad (in Russ.).
3. Bartosh, A. A. 2023, *Issues of Hybrid Warfare Theory*, Moscow, Hotline — Telecom Publishing House (in Russ.), URL: https://www.techbook.ru/book.php?id_book=1238 (accessed 05.03.2025).
4. Ksenofontov, V. A. 2022, Hybrid aggression as a trend in social violence, *Higher School: Scientific, Methodological, and Public Journal*, № 1, p. 45—51 (in Russ.).
5. Eisenstadt, M. 2021, Iran's Gray Zone Strategy: Cornerstone of its Asymmetric Way of War. *PRISM*, vol. 9, №2, p. 76—97, URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2541911/irans-gray-zone-strategy-cornerstone-of-its-asymmetric-way-of-war/> (accessed 05.03.2025).
6. Gerasimov, V. V. 2016, The Russian Federation defense organization in the conditions of the enemy application the traditional and “hybrid” methods of the war fighting, *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, №2, p. 19—23 (in Russ.).
7. Bartosh, A. 2022, The laws and principles of hybrid warfare, *Military thought*, №10, p. 6—14 (in Russ.).
8. Bartosh, A. 2021, “Grey areas” as the key element of today's operational space of hybrid warfare, *Military thought*, №3, p. 25—37 (in Russ.).
9. Hoffman, F. 2007, *Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars*, Virginia, Potomac Institute, URL: https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (accessed 05.03.2025).
10. Sinclair, N. 2016, Old Generation Warfare: The Evolution — Not Revolution — of the Russian Way of Warfare, *Military Review*, May—June, p. 8—15, URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/military-review/Archives/English/MilitaryReview_20160630_art006.pdf (accessed 05.03.2025).
11. Rudgers, D. F. 2000, The Origins of Covert Action, *Journal of Contemporary History*, vol. 35, №2, p. 249—331, <https://doi.org/10.1177/002200940003500206>
12. Nye, J. S. 2011, *The Future of Power*, New York, Public Affairs, URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/19290_100511nye.pdf (accessed 05.03.2025).
13. Gerasimov, V. V. 2019, Vectors of Military Strategy Development, *Krasnaya Zvezda*, March 4, 2019 (in Russ.), URL: <http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii/> (accessed 12.02.2025).
14. Galeotti, M. 2014, The Gerasimov doctrine and Russian non-linear war, *Moscow's Shadows*, vol. 6, №7, URL: <https://founderscode.com/wp-content/uploads/2016/07/Gerasimov-Docctrine-and-Russian-Non-Linear-War-In-Moscow-s-Shadows.pdf> (accessed 29.03.2025).
15. Pindjak, P. 2014, Deterring Hybrid Warfare: A Chance for NATO and the EU to Work Together?, *NATO Review*, URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/also-in-2014/Deterring-hybrid-warfare/EN/index.htm> (accessed 29.03.2025).

* V. V. Stryukovaty, Yu. M. Zverev.

** N. M. Mezhevich.

16. Gareev, M. A., Derbin, E. A., Turko, N. I. 2019, Discourse: methodology and practice of improving strategic management of national defense, taking into account the nature of future wars and armed conflicts, *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, № 1, p. 4—13 (in Russ.).
17. Mazarr, M. J. 2015, *Mastering the Gray Zone: Understanding a Changing Era of Conflict*, Carlisle: U. S. Army War College Press, URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/428/> (accessed 29.03.2025).
18. Chekinov, S., Bogdanov, S. 2015, Predicting the nature and content of future wars: problems and opinions, *Military thought*, № 10, p. 41—49 (in Russ.).
19. Votel, J. 2015, Statement of General Joseph L. Votel Before the House Armed Services Committee Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities, March 18, 2015, URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Votel_03-26-15.pdf (accessed 29.03.2025).
20. Corten, O. 2021. *The Law Against War: The Prohibition on the Use of Force in Contemporary International Law*, London, Bloomsbury Publishing, <https://doi.org/10.5040/9781509949021>
21. Fortin, K. 2017. *The Accountability of Armed Groups under Human Rights Law*. Oxford, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198808381.001.0001>
22. Lanoszka, A. 2016, Russian hybrid warfare and extended deterrence in eastern Europe, *International Affairs*, vol. 92, № 1, p. 175—195, <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12509>
23. Evstafiev, D. G. 2025, “Grey Zones” and “Wild Fields” as Geopolitical Phenomena of the Globalization Crisis Period, *International Life*, № 4 (in Russ.), URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3188> (accessed 15.04.2025).
24. Kivikari, U., Antola, E. 2004. *Baltic Sea Region — A Dynamic Third of Europe*. City of Turku, URL: https://www.utu.fi/sites/default/files/media/Kivikari_Antola_72004.pdf (accessed 15.04.2025).
25. Khudoley, K. K. 2016, Russia and the European Union: Is Cooperation Possible in the Baltic Sea Region?, *Baltic Studies in Russia: Proceedings of the International Scientific Conference*, Kaliningrad (in Russ.).
26. Khudoley, K. K. 2016, The Baltic Sea Region and increasing international tension, *Baltic Region*, vol. 8, № 1, p. 7—25, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>
27. Clark, J. P. (COL), Pfaff, C. 2020, *Striking the Balance: US Army Force Posture in Europe 2028*, Carlisle, US Army War College Press, URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/911/> (accessed 15.04.2025).
28. Klein, R., Lundqvist, S., Sumangil, E. 2019, Baltic Left of Bang: The Role of NATO with Partners in Denial-Based Deterrence, National Defense University, November 2021, URL: <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-301.pdf?ver=2019-07-23-142433-990> (accessed 10.02.2025).
29. Freier, N. P., Hume, R. S., Compton, C., Hankard, S. 2016, Confronting Conflict in the «Cray Zone», *Breaking Defense*, June 23, 2016, URL: <https://breakingdefense.com/2016/06/confronting-conflict-in-the-gray-zone> (accessed 25.03.2025).
30. Khlutkov, A. D., Mezhevich, N. M. 2024, “New Geography” of the Russian North-West — External Challenges for Management Practices, *Administrative Consulting*, № 6, p. 9—17 (in Russ.), <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-6-9-17>
31. Stryukovaty, V. V. 2024, Russia’s geostrategic position in the Baltic area as a threat of naval blockade in the current circumstances, *IKBFU’s Vestnik. Series: Natural Sciences*, № 1, p. 57—75 (in Russ.), <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-4>
32. Herdt, C., Zubic, M. 2022, Baltic Conflict: Russia’s Goal to Distract NATO? Center for Strategic and International Studies, November 2022, URL: https://cesmar.it/wp-content/uploads/2023/04/221114_HerdT_Baltic_Conflict_0.pdf (accessed 16.02.2025).
33. Stambaugh, A., Horowitz, J., Toh, M. 2022, G7 countries agree to cap the price of Russian oil, *CNN Business*, URL: <https://edition.cnn.com/2022/09/02/business/russia-oil-price-cap-g7-intl-hnk/index.html> (accessed 26.03.2025).
34. Baryshnikov, V. N. 2014, The role of international financial and economic aid to finland in the war against the Soviet union in 1939—1940, *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, № 3, p. 59—72 (in Russ.).
35. Gumenyuk, I. S. 2024, *Monitoring and analysis of transport security in the Kaliningrad region*, Kaliningrad (in Russ.).

The authors

Vladimir V. Stryukovatiy, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0009-0006-1242-091X>

E-mail: v.v.stryukovatyy@yandex.ru

Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Senior Research Fellow, Institute of Europe of the Russian Academy of Science, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

E-mail: mez13@mail.ru

Dr **Yury M. Zverev**, Associate Professor, Director of the Centre for Foreign Regional and Country Studies, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5048-7481>

E-mail: YZverev@kantiana.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

MAUYLU

ФРАНКО-ПОЛЬСКИЙ ДОГОВОР В НАНСИ: ДРУЖБА БЕЗ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ?

М. С. Павлова П. П. Тимофеев

ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 25.06.2025 г.

Принята к публикации 26.09.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-3

© Павлова М. С., Тимофеев П. П., 2025

Рассмотрены обстоятельства, основные причины и цели подписания Францией и Польшей в 2025 г. Нансийского договора о дружбе и сотрудничестве и его содержание. Изучение соглашения вписано в два сравнительных контекста: исторический — польско-французских отношений после 1991 г., переживших подъемы и спады, и пространственный — политики Франции при Э. Макроне, нацеленной на подписание с Германией, Италией, Испанией и Португалией договоров, обновляющих их партнерство. Показано, что договор в Нанси призван закрепить очередное потепление польско-французских отношений, связанное с украинским конфликтом и неуверенностью сторон относительно будущей внешней политики США. Анализ содержания договора показывает, что по сравнению с предыдущим договором 1991 г. франко-польское партнерство серьезно укрепилось, а стороны видят друг в друге важную опору в свете противоборства с Россией, но воздерживаются от каких-либо новых гарантий безопасности. Сравнение Нансийского договора с четырьмя аналогичными текстами показывает, что Польша вовлекается в круг близких партнеров Франции в ЕС, но все же заметно «отстает» по степени сближения от Германии и отчасти — от Италии и Испании. Авторы заключают, что договор создает новые возможности для сотрудничества Франции и Польши, но их дальнейшая степень сближения зависит прежде всего от политической воли лидеров стран. Выдвинуто предположение, что договор может означать ставку Франции на Польшу как на ведущую державу в Восточной Европе, но окончательно судить об этом можно будет только после урегулирования украинского конфликта.

Ключевые слова:

Польша, Франция, Нансийский договор, Европейский союз, европейская безопасность, НАТО, Эммануэль Макрон, Дональд Туск

Введение

Президент Франции Эммануэль Макрон и премьер-министр Польши Дональд Туск 9 мая 2025 г. во французском городе Нанси подписали двусторонний договор об укреплении сотрудничества и дружбы¹. Соглашение, призванное заменить

¹ Traité pour une coopération et une amitié renforcées entre la République de Pologne et la République française, 2025, *Elysée*, 09.05.2025, URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2025/05/09/traite-pour-une-cooperation-et-une-amitie-renforcees-entre-la-republique-de-pologne-et-la-republique-francaise> (дата обращения: 17.06.2025).

Для цитирования: Павлова М. С., Тимофеев П. П. Франко-польский договор в НАНСИ: дружба без обязательств? // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 4. С. 49–67. doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-3

предыдущий франко-польский договор 1991 г., продолжает политику сближения двух стран, начавшуюся после 2022 г. Особое внимание к документу, включая его военные статьи, вызвано не только продолжающимся украинским конфликтом, в котором Париж и Варшава оказывают Киеву военно-политическую поддержку, но и заявлениями французских и польских официальных лиц о ключевом значении этого договора для двусторонних отношений. Подчеркнуть особый характер документа было призвано и символически значимое место его подписания — г. Нанси, напоминающий об исторических польско-французских связях XVIII в. Именно в Нанси в 1736 г. польский король Станислав Лещинский, тесть французского монарха Людовика XV, поселился как герцог Лотарингский после того, как бежал из Речи Посполитой, спасаясь от наступления войск Российской империи под командованием генерала Б. К. фон Миниха.

Дата 9 мая также не случайна. С одной стороны, она совпадает с Днем Европы, отмечаемым в память о Декларации Шумана 1950 г., положившей начало европейской интеграции 75 лет назад. В то же время ее можно интерпретировать как недвусмысленный политический сигнал России, праздновавшей в этот день 80-летие Победы над нацизмом во Второй мировой войне.

Хотя символика остается неотъемлемым элементом политических декораций, важнее изучить содержание нового договора и оценить его значение, в чем авторы видят цель настоящей статьи. Польское правительство, а за ним и польские СМИ назвали соглашение в Нанси «переломным», представив договор как крупный дипломатический успех и значительный стимул для национальной безопасности Польши¹. Во Франции политики и пресса видят в договоре важный шаг на пути укрепления Европейского союза².

В силу новизны сюжета аналитические работы по теме сводятся пока что к экспертным комментариям политологов из Польши, Франции и России. В их статьях описывается состояние франко-польских отношений [1; 2], текущий европейский контекст и динамика заключения Францией схожих договоров с партнерами по ЕС [3], основные положения договора и возможности двустороннего сотрудничества. Авторы подчеркивают символическое значение договора — от «совместного противостояния российской угрозе» до «попытки переписать историю франко-польских отношений» на основе доверия и «стратегического братства» [4], отмечая, что речь идет скорее о желаемых рамках сотрудничества, которые еще предстоит наполнить содержанием, чем о каких-либо реальных гарантиях [1; 5]. Хотя эти комментарии полезны, позволяя читателю увидеть специфику современных отношений Польши и Франции, а также амбиции и позиции двух сторон при заключении соглашения, их рассмотрением дело, конечно, не исчерпывается.

Для того чтобы оценить реальное значение этого договора, следует поместить его во временной и пространственный контексты франко-польских отношений, что методологически соответствует конкретно-историческому подходу. Для этого необходимо рассмотреть основные этапы двусторонних отношений в 1991—2022 гг. и оценить их результаты, проанализировать ключевые положения Нансийского договора с точки зрения государственных интересов Франции и Польши, а также определить место и значение договора в ряду аналогичных соглашений, заключенных Францией с другими крупными государствами-членами ЕС и НАТО, что и со-

¹ Traktat z Nancy. Francja obiecuje nas obronę, 2025, *Rzeczpospolita*, 05.05.2025, URL: <https://www.rp.pl/dyplomacja/art42225451-traktat-z-nancy-francja-obiecuje-nas-obronie> (дата обращения: 17.06.2025).

² Signature du traité d'amitié franco-polonais à Nancy, 2025, *Elysée*, 09.05.2025, URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2025/05/09/signature-du-traite-damitie-franco-polonais-a-nancy> (дата обращения: 17.06.2025).

ставляет новизну данной работы. Эти задачи решаются авторами с использованием историко-системного метода, позволяющего проанализировать динамику польско-французских отношений с учетом внешних и внутренних факторов, а также сравнительного анализа, позволяющего сопоставить Нансийский договор с другими, заключенными Францией в последние годы.

Динамика польско-французских отношений в 1991 – 2022 годах

После окончания Холодной войны, завершения биполярности и распада СССР франко-польские отношения развивались неравномерно, переживая подъемы и спады. На динамику политических и экономических контактов оказывали влияние и объективный фактор — внешняя (европейская и международная) среда, и субъективный — политические цели руководителей двух стран и их идеологические приоритеты.

Политические элиты, пришедшие к власти в Польше в результате решений Круглого стола 1989 г., стремились установить как можно более дружественные связи с Парижем [6]. С учетом исторических традиций Польша и Франция сблизилась очень быстро, подписав в 1991 г. Договор о дружбе и сотрудничестве и став партнерами по Веймарскому треугольнику, призванному укрепить сотрудничество между Польшей, Францией и ФРГ и ускорить интеграцию посткоммунистических стран Восточной Европы [7; 8]. В документе обе стороны декларировали стремление совместно строить демократическую и объединенную Европу, а Франция также обязалась поддерживать евроинтеграционные устремления Польши. Страны также договорились о совместной работе во имя мира и безопасности Европы, в том числе в рамках СБСЕ / ОБСЕ, а также разработали механизм регулярного политического диалога и срочных двусторонних консультаций при появлении угроз для мира и безопасности двух стран¹.

Но после 1991 г. диалог Варшавы и Парижа развивался неравномерно. К примеру, в начале 2000-х гг. польско-французские отношения были весьма далеки от союзнических, что стало результатом существенной разницы во взглядах лидеров двух стран на роль Европы, США и самой Польши в мире [9]. В 1990-х гг. президенты Ф. Миттеран и Ж. Ширак сдержанно относились к принятию Польши в НАТО и ЕС, считая польскую внешнюю политику слишком проамериканской и атлантической, тем более что это приводило и к финансовым, и к имиджевым потерям для Парижа — как, например, в истории с закупкой Польшей в конце 2002 г. американских *F-16* вместо французских истребителей *Mirage-2000-5*². Казалось бы, технический инцидент, тем не менее он довольно существенно повлиял на настроения правящих кругов Франции, которые стали обвинять Польшу в неблагодарности в ответ на французскую поддержку ее вступления в ЕС. Еще более негативное воздействие на польско-французские отношения оказали диаметрально противоположные позиции сторон по вопросу американского вторжения в Ирак [10]. Безоговорочная солидарность Польши с США и участие польских ВС в интервенции убедили Париж в том, что Варшава была больше заинтересована в раз-

¹ Francja-Polska. Traktat o przyjaźni i solidarności. Paryż, 1991, *Prawo*, 09.04.1991, URL: <https://www.prawo.pl/akty/dz-u-1992-81-415,16794937.html>; Décret no 92-1221 du 16 novembre 1992 portant publication du traité d'amitié et de solidarité entre la République française et la République de Pologne, signé à Paris le 9 avril 1991, *Légifrance*, URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000711507> (дата обращения: 17.06.2025).

² Achat d'avions américains par la Pologne. Réponse du Ministre de l'économie, des finances et de l'industrie publiée le, 2003, *Senat*, 10.04.2003, URL: <https://www.senat.fr/questions/base/2003/qSEQ030105393.html> (дата обращения: 25.09.2025).

витии польско-американского военно-политического партнерства и усилении своей позиции на трансатлантических площадках, нежели в процессах евроинтеграции. Гневную отповедь Ж. Ширака о том, что Польша и другие восточноевропейцы в иракском кризисе «упустили шанс промолчать»¹, поляки восприняли крайне болезненно [11, s. 41]. Последовавшие несколько месяцев спустя, в октябре 2003 г., и позднее опровергнутые заявления польского Министерства обороны о том, что в Ираке были найдены французские ракеты *Roland*, которые Франция якобы продолжала поставлять правительству С. Хуссейна в нарушение эмбарго ООН, испортили имидж Польши во Франции окончательно. Приход в Польше к власти в 2005—2007 гг. евроскептического правительства национал-консервативной партии Л. и Я. Качиньских «Право и справедливость» (далее — ПиС) заставил уже и Варшаву перестать рассматривать Париж в качестве приоритетного партнера в ЕС, а во Франции к Польше окончательно приклеился ярлык «троянского коня США в Европе» [12, s. 148]. В интервью лотарингской газете *L'Est Républicain* бывший посол Франции в Польше П. Булер показательно сожалел о том, что поляки после 1991 г. быстро забыли «многочисленные жесты солидарности французов» и стали считать, что только «США защищали их от Советского Союза, а вступление в НАТО стало единственной и окончательной гарантией безопасности страны»².

Некоторая нормализация польско-французских отношений началась лишь с 2008 г., после формирования в Польше проевропейски настроенного правительства премьер-министра Д. Туска. С французской стороны потеплению отношений способствовало и возвращение Парижа в военные структуры Альянса (апрель 2009 г.), о чем Н. Саркози заявил в конце 2007 г. Тогда же по инициативе последнего Польша была приглашена к участию в регулярных встречах министров крупнейших стран ЕС (G-5). В Варшаве этот жест был воспринят как долгожданное подтверждение важного статуса Польши в ЕС и готовности Парижа сделать Польшу частью «мотора европейской интеграции» [11, s. 43]. Д. Туск и Н. Саркози 28 мая 2008 г. заявили о желании строить стратегическое партнерство между странами, подписав программу пятилетнего сотрудничества³, а Польша заинтересовалась французской концепцией «Европы обороны». Возглавлявший тогда МИД Польши Р. Сикорский подтвердил готовность страны активнее включаться в оборонные проекты ЕС, прежде всего в рамках Европейской политики безопасности и обороны. Результатом и символом двустороннего сближения стала подписанная Н. Саркози и Д. Туском 5 ноября 2009 г. Декларация о европейской безопасности и обороне⁴. Этот доку-

¹ Conférence de presse de M. Jacques Chirac, Président de la République, à l'issue de la réunion informelle extraordinaire du Conseil européen, 2003, *ArchivesElysée 1995—2007*, 17.02.2003, URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/conferences_et_points_de_presse/2003/fevrier/fi001817.html (дата обращения: 17.06.2025).

² Parasol nuklearny owiany tajemnicą. Co znajdzie się w traktacie polsko — francuskim? 2025, *Wyborcza*, 07.05.2025, URL: <https://wyborcza.pl/7,75399,31915011,traktat-z-nancy-ma-wprowadzic-stosunki-polsko-francuskie-na.html> (дата обращения: 17.06.2025) ; само интервью см.: *Traité France-Pologne : pourquoi sera-t-il signé à Nancy et à quova-t-il servir ?*, 2025, *L'Est Républicain*, 02.05.2025, URL: <https://www.estrepublicain.fr/politique/2025/05/02/rattraper-le-temps-perdu-a-quoi-va-servir-le-traite-d-amitie-entre-la-france-et-la-pologne> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Partenariat stratégique franco-polonais. Programme de coopération, 2008, *Ambassade de France à Varsovie*, 28.05.2008, URL: https://pl.ambafrance.org/IMG/pdf/Programme_de_cooperation_fr-pl.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

⁴ Polska i Francja przyjęły deklarację o europejskiej obronie i bezpieczeństwie, 2009, *GazetaPrawna*, 05.09.2009, URL: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/artykuly/368156,polska-i-francja-przyjely-deklaracje-o-europejskiej-obronie-i-bezpieczenstwie.html> (дата обращения: 17.06.2025).

мент предусматривал укрепление двустороннего сотрудничества между Польшей и Францией в развитии Европейской политики безопасности и обороны как дополнительной опоры НАТО, расширение двустороннего военно-технического сотрудничества и совместные действия по решению проблем международной и европейской безопасности [13, с. 141—143].

Парижская декларация 2009 г. стала символом сближения Польши и Франции в диалоге по проблемам европейской безопасности, что привело к активизации двустороннего сотрудничества в рамках как Веймарского треугольника [14], так и так называемого «Клуба 5» («Веймарский треугольник» + Испания и Италия), которое длилось до 2015 г. В июне 2014 г. Франция впервые временно разместила под Мальбромом свои истребители в целях воздушного патрулирования миссии НАТО на Балтике. Этот период Франция использовала для продвижения в Польше продукции своего ВПК и энергетического сектора. Среди французских предложений были и общие проекты в сфере оборонной промышленности, и предложения по строительству в Польше первой АЭС. Конкретных договоренностей стороны достигли в апреле 2015 г., подписав предварительное соглашение на 3 млрд евро о закупке Польшей у франко-германо-британского консорциума *Airbus* пятидесяти многоцелевых вертолетов *H225 Caracal* [15, с. 264].

Но повторное возвращение во власть в 2015 г. после победы на парламентских и президентских выборах партии Я. Качиньского ПиС, критически настроенной по отношению и к Брюсселю, и к еврограндам, привело к стремительной деградации отношений Варшавы с Парижем. В октябре 2016 г. польское правительство аннулировало тендер на закупку вертолетов *Caracal*, которым поляки предпочли американские *UH-60 Black Hawk*, что стало ударом для Франции, и так с трудом конкурирующей с США на европейском рынке вооружений. Подобный отказ от договоренностей, прозвучавший вкупе с нелестными высказываниями представителей Польши в адрес французских политиков и общества, сложно было трактовать иначе, чем отсутствие у Польши заинтересованности в развитии военно-промышленного сотрудничества с крупнейшими европейскими игроками [16, с. 46]. Как отметили тогдашние министры обороны Франции и ФРГ Ж.-И. Ледриан и У. фон дер Ляйен в письме на имя их польского коллеги А. Мачеревича, поведение Варшавы в отношении *Airbus* ставило под сомнение заинтересованность Польши не только в трехстороннем, но и в общеевропейском сотрудничестве¹. Безальтернативная и эксплицитная ставка на военно-политическое сотрудничество с США привела сначала к отмене визита в Варшаву президента Франции Ф. Олланда в октябре 2016 г., а затем к полномасштабной заморозке польско-французских отношений [17]. На протяжении 2015—2021 гг. взаимные обиды усугубились затянувшимся конфликтом Варшавы с Брюсселем, Парижем и Берлином по вопросам соблюдения верховенства права и демократических норм в Польше. Страны заняли диаметрально противоположные позиции почти по всему комплексу вопросов общеевропейской повестки — от миграционной политики до борьбы с глобальным потеплением [1]. Постоянным раздражителем оставалось и отношение к внешней политике России, включая вопросы расширения НАТО и ЕС на восток и оценку конфликтов на постсоветском пространстве. В дискуссиях по этим вопросам жесткая антироссийская позиция Польши слабо коррелировала с более умеренной позицией Франции, в том числе и в украинском кризисе (2014—2022) [18, с. 177—178]. Вынужденное оживление интереса Франции к государствам восточного фланга ЕС после «брекзита»

¹ Francja i Niemcy krytycznie o decyzji Polski ws. Caracali, 2016, *Euractiv*, 07.11.2016, URL: <https://www.euractiv.pl/section/gospodarka/news/w-sprawie-caracali-po-jednej-stronie-niezrozumienie-a-po-drugiej-zaskoczenie/> (дата обращения: 17.06.2025).

[19, с. 10—11] и официальный визит президента Франции Э. Макрона в Варшаву в феврале 2020 г. хотя и вызвали в Польше плохо скрываемое удовлетворение от «долгожданного признания» ее роли в ЕС¹, но не привели к заметным прорывам в двусторонних отношениях.

Обстоятельства подписания и основные положения договора

Сближение двух стран началось лишь на фоне событий 2022—2025 гг., которые заставили Париж и Варшаву переосмыслить статус своих отношений. После начала Россией специальной военной операции в феврале 2022 г. Польша позитивно оценила ужесточение позиции Франции по России. Причем если в 2022 г. Э. Макрон пытался выступить посредником между государствами ЕС / НАТО и Россией, то с начала 2023 г. крен Парижа в сторону атлантизма стал очевиден. Витиеватые извинения французского лидера в Братиславе 1 июня 2023 г. за то, что Запад якобы «забыл» услышать предупреждения насчет России, исходящие из Восточной Европы, были восприняты в Польше как окончательное признание правильности ее жесткого антироссийского курса последних 15 лет². Ожидания Варшавы, что ее стратегически важное положение на восточном фланге ЕС и НАТО, роль основного военно-технического хаба для помощи Киеву, а также амбициозные планы по наращиванию численности и модернизации армии приведут к признанию ее роли в ЕС, отчасти оправдались. Для французских политиков и аналитиков Польша за 2022—2024 гг. превратилась в де-факто ведущего актора по сдерживанию России в Восточной Европе [20; 21].

Заметно поспособствовала активизации франко-польского диалога и очередная смена правительства в Варшаве [2]. Возвращение к власти по итогам парламентских выборов осени 2023 г. проевропейской коалиции во главе с Д. Туском, восторженно встреченное в Западной Европе, привело к сближению позиций стран по целому ряду вопросов³. Встречи Макрона с Туском 12 февраля 2024 г. в Париже и 12 декабря того же года в Варшаве стали сигналами потепления отношений и подготовки нового двустороннего договора [22]. Привлекая внимание к визиту Туска во Францию 12 февраля, Макрон по-польски опубликовал в социальной сети «X»^{*} сообщение: «Счастлив приветствовать вас, дорогой Дональд Туск. Речь идет о вашем первом визите... о новой главе в наших отношениях с Польшей. Продолжим работать вместе ради безопасности и самостоятельности Европы!»⁴ Наконец, начавшийся после

¹ Beata Kempa nie ma wątpliwości: Wizyta Macrona ogromnym sukcesem prezydenta Dudy. To przełom w relacjach polsko-francuskich, 2020, *wPolityce*, 04.02.2020, URL: <https://wpolityce.pl/polityka/485416-kempa-wizyta-macrona-w-polsce-to-ogromny-sukces-prezydenta> (дата обращения: 17.06.2025).

² À Nancy, la France et la Pologne scellent un partenariat anti-Poutine, 2025, *Le Figaro*, 09.05.2025, URL: <https://www.lefigaro.fr/international/a-nancy-la-france-et-la-pologne-scellent-un-partenariat-anti-poutine-20250508> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Relation franco-polonaise : qu'est-ce que ce traité de Nancy, signé vendredi par les deux pays? 2025, *RTL*, 08.05.2025, URL: <https://www.rtl.fr/actu/international/relation-franco-polonaise-que-est-ce-que-ce-traite-de-nancy-signe-vendredi-par-les-deux-pays-7900502692> (дата обращения: 17.06.2025).

⁴ Emmanuel Macron salue la première visite de Donald Tusk en tant que Premier ministre et appelle à renforcer la sécurité et la souveraineté de l'Europe, 2024. *Observatoire de l'Europe*, 12.02.2024, URL: https://www.observatoiredeleurope.com/emmanuel-macron-salue-la-premiere-visite-de-donald-tusk-en-tant-que-premier-ministre-et-appelle-a-renforcer-la-securite-et-la-souverainete-de-leurope_a19790.html (дата обращения: 17.06.2025).

^{*} Принадлежит компании Meta, внесенной в реестр экстремистских организаций Министерством юстиции РФ.

возвращения к власти в США в январе 2025 г. администрации Д. Трампа кризис в трансатлантических отношениях и растущая неуверенность в американских гарантиях безопасности также сподвигли Париж и Варшаву присмотреться к друг другу в качестве союзников по укреплению европейской безопасности [23, р. 140].

Заключенный 9 мая 2025 г. Договор об укреплении сотрудничества и дружбы официально пришел на смену Договору о дружбе и солидарности, подписанному в Париже 9 апреля 1991 г. В силу преемственности документов структура обоих договоров очень похожа и охватывает сотрудничество в сфере внешней политики и европейской интеграции, безопасности и обороны, экономики, науки и культуры, охраны окружающей среды, миграции, молодежной политики и прочих сфер — каждый с поправкой на реалии 1991 и 2025 гг. Договор в Нанси заменяет собой и прежние декларации 2000-х гг. о сотрудничестве в области укрепления европейской безопасности, которые явно устарели за последнее десятилетие в связи с коренным изменением ситуации в Европе. Ключевые положения договора вызвали наибольший резонанс в странах и способны оказать влияние на дальнейшее развитие двусторонних отношений Варшавы и Парижа.

Прежде всего договор предполагает значительное углубление форматов двустороннего политического и военного сотрудничества (ст. 1, 4). В качестве новой основной формы политического диалога устанавливаются ежегодные двусторонние встречи на высшем уровне президента Франции и премьер-министра Польши с участием членов правительств. Также предусматриваются ежегодные консультации на уровне министров иностранных дел, обороны, начальников генеральных штабов и руководителей служб по обеспечению ВС вооружением. В договоре также в общих словах оговорена возможность укрепления сотрудничества на уровне парламентов, гражданского общества и бизнес-сообщества двух стран.

Хотя и поляки, и французы представляют договор в Нанси прежде всего как соглашение об укреплении общей безопасности, собственно вопросам безопасности и обороны посвящена только одна статья (ст. 4), которая и является центральной. Особое значение стороны придают п. 2 ст. 4, по которому стороны отдельно обязались помогать друг другу в отражении военной агрессии: «Стороны оказывают взаимную помощь, в том числе военными средствами» — согласно ст. 51 Устава ООН, ст. 5 НАТО и ст. 42.7 Лиссабонского договора ЕС. Таким образом, во-первых, это положение договора не создает никаких новых оснований для оказания военной помощи и не влечет за собой никаких дополнительных союзнических обязательств, кроме уже связывающих обе страны на основе вышеупомянутых международных документов. Во-вторых, хотя в договоре стороны в случае военного нападения пообещали оказать друг другу взаимную помощь, в том числе военными средствами, ничего не сказано о том, что они обязались помогать друг другу конкретно всеми имеющимися средствами. Кроме того, эта помощь обусловлена рамками ООН, ЕС и НАТО, что не обязывает Францию действовать за пределами решений этих структур. Фактически Париж оставляет решение об оказании форматов военной помощи на свое усмотрение. К тому же французских военных контингентов в Польше пока нет [1]. В Польше, однако, полагают, что само подписание нового договора подчеркивает важность прежних союзнических обязательств и тем самым служит прежде всего элементом сдерживания России [4].

В той же ст. 4 в качестве стратегических приоритетов стороны подчеркивают ведущую роль европейских ценностей, трансатлантических отношений, связей между ЕС и НАТО, «европейской обороны» и ответственности европейцев за обеспечение собственной безопасности. В договоре сделан заметный акцент на необходимость расширения самостоятельных оборонных возможностей ЕС, а также укрепления европейских технологических и промышленных возможностей в оборонном сек-

торе. Безусловно, с подачи Д. Туска и возглавляемого им проевропейского и либерального правительства Польши «подписывается» под защитой европейского ценностного поля (в пику внутриполитическим оппонентам) и подчеркивает важность «европейской обороны», тогда как Франция со своей стороны признает важность безопасности Центральной и Восточной Европы, тем самым создавая основу для вовлечения в ее обеспечение [1; 5]. И хотя в тексте сделаны оговорки о том, что эти амбиции направлены не на замещение НАТО, а на развитие его европейской «опоры» в контексте ожиданий США насчет большей ответственности европейских союзников за собственную безопасность, в Польше часть политической элиты восприняла их резко отрицательно. За формулировками о том, что «Европа должна взять бóльшую ответственность за свою оборону», «самостоятельно предпринимать действия и справляться с непосредственными и будущими угрозами и вызовами безопасности» (п. 1 ст. 4), польская евроскептическая и национал-консервативная оппозиция увидела попытки продвижения идеи создания независимых от НАТО европейских вооруженных сил¹.

В п. 3—7 ст. 4 прописан целый ряд форматов, призванных сблизить армии двух стран: общие учения, повышение совместимости, упрощение транзита и размещения ВС на территории друг друга, сотрудничество военно-промышленных комплексов и военных училищ, что призвано создать «общую стратегическую культуру». Лидеры двух стран уже объявили участие в общих военных маневрах и анонсировали укрепление связей в сфере закупки и производства вооружений². Этим же целям служит п. 9 ст. 4 о продвижении принципа «европейских предпочтений» в закупках вооружений. Тем самым создается правовая основа для разработки различных военно-промышленных программ с участием ВПК двух стран. Франция, скорее всего, рассчитывает использовать этот пункт для получения польских контрактов на вооружения (включая подводные лодки и самолеты-заправщики). Представители французских компаний *NavalGroup* и *Airbus* уже обозначили свой интерес в проведении консультаций с польскими визави по конкретным проектам, но устроят ли они поляков — пока неясно [5]. Варшава уже реализует одно дорогостоящее «стратегическое партнерство» с США и на новые закупки оружия в обмен на довольно туманные декларации о безопасности вряд ли пойдет.

Декларированные в договоре «европейские предпочтения» пока слабо сочетаются с реальностью — важнейшими партнерами Варшавы по закупкам вооружений остаются США и Южная Корея. Польша, в свою очередь, очевидно надеется на допуск к многосторонним европейским проектам в области ВПК, к которым она до последнего времени практически была лишена доступа. Можно предположить, что правительство Д. Туска планирует использовать эту возможность для повышения вовлеченности страны в военно-промышленное сотрудничество в рамках ЕС и проекты Европейского фонда обороны (*EDF*), которое пока что остается незначительным.

Реализация этого пункта, учитывая прошлые скандальные эпизоды в военно-техническом сотрудничестве двух стран, по-прежнему представляется сложной, в особенности после победы на президентских выборах в Польше в мае 2025 г.

¹ Niepewny traktat polsko-francuski, 2025, *Myśl Polska*, 23.05.2025, URL: <https://myslpolska.info/2025/05/23/niepewny-traktat-polsko-francuski/> (дата обращения: 17.06.2025).

² Macron et Tusk se jurent “assistance mutuelle” face à la Russie, 2025, *Challenges*, 09.05.2025, URL: https://www.challenges.fr/monde/macron-et-tusk-vont-signer-un-traite-renforçant-le-partenariat-franco-polonais_604012 (дата обращения: 17.06.2025); Traité de Nancy : les limites du pacte de défense franco-polonaise, 2022, *Le Point*, 09.05.2022, URL: https://www.lepoint.fr/monde/traite-de-nancy-les-limites-du-pacte-de-defense-franco-polonais-09-05-2025-2589229_24.php?lpmc=1747822928 (дата обращения: 17.06.2025).

кандидата ПиС К. Навроцкого. Ярый поклонник Д. Трампа и адепт дальнейшего укрепления польско-американских связей в области оборонного сотрудничества, Навроцкий очевидно будет стремиться блокировать те инициативы правительства Туска, которые могут нанести ущерб интересам американского ВПК и бизнеса в Польше. От Франции, в свою очередь, также сложно ожидать моментального изменения ее политики по блокированию участия польского ВПК в европейских проектах, включая франко-германскую разработку основного боевого танка нового поколения *MGCS*.

Наконец, договор создает основу для углубления двустороннего сотрудничества в сфере мирного атома (ст. 9), допуская строительство объектов ядерной энергетики и атомных реакторов. Также подписан план сотрудничества в этом вопросе. В честь совместного открытия Пьером и Марией Кюри радия 20 апреля 1902 г. учреждается праздник франко-польской дружбы (ст. 11). В целом Польша, пока сильно зависящая от угля, проявляет интерес к диверсификации источников энергии, а Франция как ядерная держава готова выступить поставщиком соответствующих технологий, например в плане строительства водо-водяного ядерного реактора типа *EPR*¹. Но перспективы франко-польского сотрудничества в этой сфере пока не очевидны — Варшава в 2021 — 2022 гг. отклонила три предложения французских энергетических компаний, участвовавших в тендере на строительство первой АЭС в республике, в пользу американской компании *Westinghouse*.

При этом наиболее волнующий Варшаву вопрос размещения французского ядерного оружия на территории Польши в договоре не затронут вовсе. Хотя Д. Туск старается «не потерять лицо», подчеркивая, что этот вопрос остается предметом дальнейших дискуссий с Францией как раз на основе Нансйского договора, французы сомневаются, готовы ли поляки идти на риск и финансировать у себя хранение чужого ядерного арсенала, решение о применении которого в случае необходимости будет принимать единолично президент Франции². В Польше же обращают особое внимание на слова Э. Макрона о том, что статья о взаимопомощи «охватывает все компоненты», причем французские жизненно важные интересы безопасности имеют «европейское измерение», а при их определении будут учитываться в том числе и интересы ее «главных партнеров» [4]. Эти расплывчатые формулировки традиционны для Франции, в чьих доктринальных документах исходя из интересов ядерного сдерживания намеренно не уточняется, где пролегают границы территории, охраняемой французским ядерным оружием. Поэтому в эти границы по умолчанию включается территория как Франции, так и ее европейских союзников³.

Одна часть польских экспертов отмечает, что это заявление французского лидера четко подтверждает возможность использования Францией своего ядерного оружия для защиты интересов безопасности Польши, другая подчеркивает, что высказывание Макрона «по-французски двусмысленно» и не может быть однозначно интерпретировано подобным образом [4]. Тем не менее отсутствие даже намека

¹ *Entraide militaire, immigration, nucléaire : ce que contient le “traité d’amitié” franco-polonais signé à Nancy par Emmanuel Macron et Donald Tusk*, 2025, *France TV*, 09.05.2025, URL: https://www.franceinfo.fr/monde/europe/manifestations-en-ukraine/entraide-militaire-immigration-nucleaire-ce-que-contient-le-traite-d-amitie-franco-polonais-signe-a-nancy-par-emmanuel-macron-et-donald-tusk_7236972.html (дата обращения: 17.06.2025).

² “Menace russe”, *défense européenne*, Trump... Ce qu’il faut retenir de l’allocution d’Emmanuel Macron, 2025, *France 24*, 05.03.2025, URL: <https://www.france24.com/fr/france/20250305-ukraine-trump-poutine-ce-qu-il-faut-retenir-allocution-emmanuel-macron-d%C3%A9fense-europ%C3%A9enne> (дата обращения: 17.06.2025).

³ *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*, 2017, p. 54, URL: https://www.diplomatiegouv.fr/IMG/pdf/2017-revue_strategique_dsn_cle4b3beb.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

на такую возможность в Нансйском договоре явно контрастирует с формулировками о «совпадении жизненных интересов обеих стран» в англо-французском Ланкастерском договоре 2010 г. и «неотделимости интересов безопасности» и «использовании всех имеющихся средств для взаимной обороны» во франко-германском Аахенском договоре 2019 г. [10; 24].

Из других областей двустороннего сотрудничества значительная часть текста в договоре посвящена вопросам развития отношений в области экономики, энергетики, промышленности и цифровой политики. Договор создает платформу для инициирования совместных проектов, прежде всего в области развития технологий будущего — искусственного интеллекта, квантовой информатики, биотехнологий, микроэлектроники, облачных вычислений и водородных технологий (п. 8 ст. 6).

В сфере глобальных вызовов для Европы заметна декларируемая приверженность сторон к поддержанию конкурентоспособности и стабильности их экономик при одновременном ускорении реиндустриализации, цифровой трансформации и снижении эмиссии выбросов парниковых газов (п. 3 ст. 6). В контексте экологических и климатических вопросов неясно, каким образом и как быстро стороны намерены преодолеть кардинальные расхождения в своей сегодняшней политике по этим вопросам [25, s. 385]. В частности, ст. 7 договора, предполагающая стремление к реализации климатической программы ЕС к 2030 г., прямо противоречит как «антизеленым» настроениям польского общества, так и действиям самого Д. Туска по блокированию отдельных элементов «Зеленого курса» ЕС. Подобные вопросы вызывает и декларируемое в ст. 5 намерение двух стран развивать кооперацию в области миграционной политики с учетом значительного ужесточения миграционной политики Варшавы в рамках новой стратегии Польши на 2025—2030 гг. и резкой критики Д. Туском нового «Пакта о миграции» ЕС.

Нансйский договор в ряду «собратьев»: европейское измерение

Помимо временных рамок польско-французских отношений Нансйский договор также вписывается в пространственные рамки Европейского союза, продолжая линейку соглашений, заключенных Францией с другими крупными государствами — членами ЕС и НАТО: Германией (Аахенский договор 2019 г.¹), Италией (Квиринальский договор 2021 г.²), Испанией (Барселонский договор 2023 г.³) и Португалией (Договор в Порту 2025 г.⁴). Все они не только заключены с небольшой временной разницей, но и схожи структурно, охватывая целый спектр сфер для взаимодействия, включая вопросы двустороннего сотрудничества, европейской и внешней политики, обороны и безопасности. Их заключение по инициативе Франции может преследовать три цели. Во-первых, обновить рамки партнерства, поскольку с начала евроинтеграции прошло уже свыше 50 лет и новые реалии, появившиеся за

¹ *Traité entre la République Française et la République Fédérale d'Allemagne sur la coopération et l'intégration franco-allemandes*, 2019, *France Diplomatie*, URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/traita.aix-la-chapelle.22.01.2019_cle8d3c8e.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

² *Traité entre la République Française et la République Italienne pour une coopération bilatérale renforcée*, 2021, *Elysée*, 26.11.2021, URL: <https://www.elysee.fr/admin/upload/default/0001/11/8143fbb609fe8fa002cd7a36deccc1a219766cda.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

³ *Traité d'amitié et de coopération entre la République Française et le Royaume d'Espagne*, 2023, *Elysée*, 19.01.2023, URL: <https://www.elysee.fr/admin/upload/default/0001/14/20828fdc7c713dc88e993c917c97dc1377f50a08.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

⁴ *Traité d'amitié et de coopération entre la République française et la République portugaise*, 2025, *Elysée*, 28.02.2025, URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2025/03/14/traita-damitie-et-de-cooperation-entre-la-republique-francaise-et-la-republique-portugaise> (дата обращения: 25.09.2025).

это время, существенно изменили Евросоюз, но не зафиксированы в старых договорах. Во-вторых, придать импульс развитию «разноскоростной интеграции» в ЕС [26, с. 34—35], включая формирование важной для Э. Макрона общей стратегической культуры (общего подхода к пониманию «стратегической автономии» ЕС) на двух уровнях: административном (регулярные консультации министров и чиновников) и общественном (обмены, совместное обучение и проч.). В-третьих, подписание серии договоров может говорить о стремлении Макрона укрепить межправительственный костяк интеграции [26, с. 41], чтобы не зависеть от возможного прихода к власти евроскептиков. При этом Франция оказывается в центре этой «паутины», что позволяет ей придавать интеграции импульсы, маневрируя между Германией и другими странами, представляющими Юг и Восток Евросоюза.

Все эти договоры неоднородны — они различаются как по обстоятельствам подписания, так и по названиям, объему, форматам взаимодействия, заявленным внешнеполитическим приоритетам и обязательствам в сфере обороны и безопасности. Каждый из них имеет свое «лицо», и здесь Нансийский договор и похож, и выделяется среди «собратьев» (табл.).

Сравнение пяти договоров Франции по основным параметрам

Договор	Аахенский с Германией (2019)	Квиринальский с Италией (2021)	Барселонский с Испанией (2023)	Договор в Порту с Португалией (2025)	Нансийский с Польшей (2025)
Название	О сотрудничестве и интеграции	Об укреплении сотрудничества	О дружбе и сотрудничестве	О дружбе и сотрудничестве	Об укреплении сотрудничества и дружбы
Число статей	28	12	36	29	19
Частота встреч в верхах	Не менее 2 раз в год	1 раз в год	1 раз в год	Регулярно	1 раз в год
Взаимное участие министров в заседаниях кабинетов другой страны	Раз в три-местр	Раз в три-местр	Раз в три-местр	Нет	Нет
Консультации на уровне МИД	Не менее 1 раза в 3 месяца	Ежегодные	Регулярные	Регулярные	Регулярные
Советы по обороне и безопасности	Да	Да	Да	Нет	Нет
Встречи «2 + 2»	Да	Да	Да	Нет	Да
Межпарламентское сотрудничество	Парламентская ассамблея	Диалог по пограничным вопросам	Диалог	Нет	Диалог
Экономические приоритеты	Единое экономическое пространство	Валютный союз	Валютный союз	Общий рынок	Общий рынок
Двусторонний экономический форум	Есть экономический и финансовый совет	1 раз в год	1 раз в год	Регулярно	1 раз в 2 года

Окончание табл.

Договор	Аахенский с Германией (2019)	Квиринальский с Италией (2021)	Барселонский с Испанией (2023)	Договор в Порту с Португалией (2025)	Нансийский с Польшей (2025)
Сотрудничество в рамках НАТО	Не указано	Да	Не указано	Да	Да
На чем основан миропорядок	На правилах	На праве	На праве	На праве	Миропорядок не указан, лишь международное право
Оценка угрозы для Европы в преамбуле	Нет	Нет	«Период невиданных со времен Второй мировой войны кризисов и угроз»	«Все виды угроз»	Угрозы для безопасности Европы вследствие специальной военной операции России на Украине
Обязательства сторон в сфере обороны	Оказать друг другу помощь всеми имеющимися средствами, в том числе военными	Упоминания о военной помощи нет	Упоминания о военной помощи нет	Упоминания о военной помощи нет	Оказать друг другу взаимную помощь, в том числе Военными средствами — согласно ст. 51 Устава ООН, ст. 5 НАТО и ст. 42.7 Договора ЕС
Повышение совместимости армий двух стран и общие учения	Нет	Нет	Нет	Да	Да

Прежде всего отметим разные названия документов, задающие их магистральную идею. По названию («Об укреплении сотрудничества и дружбы») Нансийский договор далек от степени близости, заданной Аахенским договором («О сотрудничестве и интеграции») и стоит ближе всех к Барселонскому и Португальскому договорам («О дружбе и сотрудничестве»). При этом по числу статей (19) — параметру, отражающему объем и детализацию предмета регулирования, Нансийский договор уступает почти всем договорам, превышая лишь Квиринальский (12).

На уровне форматов сотрудничества Нансийский договор вводит знакомые другим договорам мероприятия: встречи в верхах, консультации на уровне глав МИД, министров обороны, межпарламентское сотрудничество. Но их частота и степень сближения не позволяют однозначно говорить о том, что Польша становится в один ряд с Германией, Италией и Испанией. Так, франко-польские встречи в верхах заведены с частотой раз в год (п. 2 ст. 1), как и франко-итальянские и франко-испан-

ские, тогда как франко-германские — не менее 2 раз в год. При этом в Нансийском договоре (как и в Портуанском) отсутствует символический, но показательный момент — участие раз в три месяца члена правительства одной из стран в заседании Совета министров другой страны, хотя этот пункт есть в трех других договорах. Консультации на уровне МИД в Нансийском договоре прописаны просто как регулярные, тогда как на франко-германском треке речь идет о частоте как минимум раз в три месяца, а на франко-итальянском — о ежегодных встречах. Что касается встреч министров обороны, то в Нансийском договоре (как и в Портуанском) нет советов по обороне и безопасности, учрежденных в трех других договорах, хотя регулярные консультации в формате «2+2» (главы МИД и министерств обороны) предусмотрены. Наконец, на уровне межпарламентского сотрудничества в Аахенском договоре выделяется идея введения общей франко-германской Парламентской ассамблеи — ни в одном из четырех других договоров, включая Нансийский, такой степени сближения депутатов нет.

В каждом из договоров заявлены приоритеты сотрудничества сторон, которые можно разделить на три группы: двусторонние отношения, развитие евроинтеграции и отношение к миропорядку и мультилатерализму [27, с. 21]. Нансийский договор не содержит упоминания ни единого экономического пространства (как в Аахенском договоре), ни усиления валютного союза (как в случае с Италией и Испанией). В нем, как и в Портуанском договоре, речь идет лишь о развитии «общего рынка». Хотя в нем также намечено проведение двустороннего экономического форума, в отличие от франко-итальянского и франко-испанского договоров он проходит не ежегодно, а «не менее раза в два года» (ст. 6). При этом Нансийский договор — единственный из пяти, содержащий отдельную статью о сотрудничестве в сфере мирного атома. Впрочем, помимо Франции Испания тоже имеет атомные АЭС, а Квиринальский договор может способствовать сотрудничеству Франции и Италии в создании системы малых модульных ядерных реакторов [28, с. 10].

Поддержка евроинтеграции во всех пяти договорах проходит красной нитью, но везде есть нюансы. Как и «собратья», Нансийский договор декларирует поддержку совместной работы государств — членов ЕС за пределами Старого света, включая партнерство Европы и Африки. Как и договоры с Италией, Испанией и Португалией, он указывает на важность связей ЕС со Средиземноморьем. Подобно Барселонскому и Портуанскому договорам, фиксирует поддержку расширений ЕС и развитие «Европейского политического сообщества». Но Нансийский договор отличается ярко-выраженным евроатлантизмом и тягой к секьюритизации вопросов: в качестве стратегических приоритетов прописаны не только европеизм, но и трансатлантические отношения (как и в договорах с Италией и Португалией), франко-польское сотрудничество вписано в рамки Веймарского треугольника и Восточного партнерства, также указано на важность связей между ЕС и Арктикой, Азией и ИТР (п. 4 ст. 2). Хотя во всех пяти договорах заявлено о поддержке многосторонних форматов управления (мультилатерализма) с опорой на принципы Устава ООН, Нансийский договор не упоминает ни миропорядок, основанный на правилах (как в Аахенском договоре), ни миропорядок, основанный на праве (как в договорах с Италией, Испанией и Португалией), а скромно подтверждает уважение международного права (п. 1 ст. 3). Все это можно объяснить новым контекстом — развитием украинского конфликта в Европе. Так, Нансийский договор прямо фиксирует возрастание угрозы для безопасности Европы вследствие специальной военной операции России на Украине, превосходя в этом Барселонский договор, содержащий лишь туманную отсылку на «период невиданных со времен Второй мировой войны кризисов и угроз».

Центральной частью четырех договоров являются обязательства сторон в сфере обороны, которые везде обусловлены рамками НАТО и ЕС. Здесь редкий случай,

где Нансийский договор ближе к Аахенскому, чем три других. В Аахенском договоре Франция и Германия обещают оказать друг другу помощь «всеми имеющимися средствами, в том числе военными» (п. 1 ст. 4). Нансийский договор, как показано выше, содержит обязательство об оказании военной помощи, но менее конкретизированное, а в трех остальных договорах упоминания о военной помощи вообще нет, что сильно ослабляет прописанные в них обязательства.

Все договоры также содержат статьи о сотрудничестве армий и военно-промышленных объектов сторон: везде это обусловлено необходимостью формирования «общей стратегической культуры» и проведения совместных военных операций, совместным обучением и обменами военных¹, сближением и сотрудничеством военно-промышленных комплексов во имя «еврообороны». Нансийский договор, как и Квиринальский, Барселонский и Портуанский, содержит пункты об упрощении транзита и размещении военных на территориях друг друга и о сотрудничестве в сфере освоения космоса. Нансийский договор, как и Портуанский, содержит пункты о повышении совместимости армий двух стран и об общих учениях.

Таким образом, Нансийский договор структурно и тематически продолжает серию соглашений, ранее подписанных Францией с ведущими партнерами по ЕС, и в сравнении с договором 1991 г. действительно поднимает франко-польские отношения на уровень, близкий к франко-германскому, франко-итальянскому и франко-испанскому союзничеству. Но по заявленным масштабам взаимодействия и степени сближения сторон он почти по всем параметрам далек от Аахенского договора и находится ближе к Портуанскому договору, «отставая» по большей части параметров и от Квиринальского и Барселонского «собратьев». Таким образом, говорить о том, что Польша стала столь же близким союзником и партнером Франции, как Германия, — некорректно, но в число важных для Парижа партнеров она, безусловно, вошла. Что касается практической отдачи договора, то, как и в случае с его «собратьями», говорить об этом можно весьма условно, поскольку договору еще предстоит доказать свою нужность. В условиях, когда договоры заключаются и между другими государствами НАТО (как, например, — Кенсингтонский договор между Великобританией и ФРГ 2025 г.), можно подчеркнуть, что различные европейские державы стремятся дополнительно «подстраховать» себя, создавая / подтверждая возможности для сотрудничества, не особо полагаясь на гарантии США в рамках НАТО и тем более на ЕС, чей военный потенциал пока только развивается.

Заключение

Хотя подписанный в Нанси договор вряд ли стоит считать эпохальным явлением в европейской политике, он знаменует собой важную веху. Прежде всего от Аахенского, Квиринальского и Барселонского договоров соглашение в Нанси отличается тем, что заключено Францией не с соседней западноевропейской страной, а с восточноевропейским государством. Тем самым Франция, признавая растущую роль Польши как экономического игрока и поставщика безопасности не только в Восточной Европе, но и во всем Старом свете, стремится повысить связи с ней в разных сферах до уровня отношений с Германией, Италией, Испанией и Португалией. Это позволяет Парижу и Варшаве опираться друг на друга в отношениях как с Берлином, так и с Москвой и Вашингтоном, в том числе при учете перспектив развития украинского конфликта.

¹ В Аахенском договоре пункта о военных обменах нет, но этот пункт прописан в Елисейском договоре 1963 г., *Traité de l'Élysée*, 22 janvier 1963, URL: <https://france-allemande.fr/fr/le-couple-franco-allemand/historique/traite/traite-de-l-elysee-22-janvier-1963> (дата обращения: 17.06.2025).

Можно ли говорить о том, что договор повышает уровень безопасности Польши? Хотя укрепление отношений с одной из европейских ядерных держав со значительным военным и экономическим потенциалом выгодно для Польши, ключевой задачей станет эффективное воплощение положений договора в практическом сотрудничестве, в том числе в оборонной промышленности, военной, энергетической и экономической сферах. Несмотря на заявления политиков о том, что документ должен «изменить реалии»¹, прописанные в нем новации не столько формируют новую расстановку сил в Европе (ни франко-германский, ни польско-американские союзы никуда не исчезают [29, с. 97]), сколько создают условия для развития сотрудничества Франции и Польши. Действительно, масштабы и содержательное наполнение франко-польского партнерства зависят прежде всего от того, насколько Париж и Варшава смогут преобразовать обещания в конкретные политические инициативы [5]. А значит, прочность обязательств, данных в договоре, будет проверена временем и обстоятельствами [1].

Как показывает практика, заключение франко-германского и франко-итальянского договоров пока что кардинально не изменило двусторонние отношения и не избавило их от присущих им проблем [27, с. 26; 30, с. 28]. По заверениям Д. Туска, договор в Нанси в скором времени должен быть дополнен аналогичным соглашением с Великобританией, таким образом, создавая для Польши усиленную «двойную» систему гарантий безопасности в Европе. Это свидетельствует о том, что соглашения в Нанси в Варшаве пока что не считают достаточными для реализации основных целей страны в области обороны и безопасности. В то же время невозможно не вспомнить, что «англо-французские гарантии безопасности» уже однажды привели Польшу к национальной катастрофе в сентябре 1939 г. [31, с. 315—318] и ассоциируются в национальной стратегической культуре скорее с пустыми обещаниями, нежели с реальными обязательствами. В связи с этим в польских экспертных кругах пока довольно скептически оцениваются перспективы эффективной реализации этого договора, особенно после избрания президента К. Навроцкого, который продолжит делать ставку прежде всего на укрепление стратегического союза с США. Подобные оценки Нансийского договора, как и пока что весьма низкая эффективность реализации других подобных европейских соглашений Франции, позволяют поставить вопрос о ключевой задаче подобных двусторонних договоров.

Представляется, что наблюдаемое во всех этих документах дублирование обязательств и гарантий, и так существующих между этими странами в рамках НАТО, является свидетельством определенного недоверия к коллективным союзническим обязательствам, обусловленного как историческим опытом, так и современными внешнеполитическими обстоятельствами. «Перестраховочный» и символический смысл Нансийского договора на сегодняшний день пока перевешивает его практическое значение.

Что касается отношений России с Евросоюзом и НАТО, то договор может стать сигналом о том, что в восточноевропейской политике Франции происходит смена вех, и в дальнейшем свою политику в регионе Париж может выстраивать, ориентируясь прежде всего на Польшу [3]. Но полностью потенциал договора скорее всего будет прояснен по итогам урегулирования конфликта на Украине и последующих договоренностей России с западными государствами о новой системе коллективной безопасности в Европе.

¹ Macron et Tusk renforcent leurs liens avec un traité bilatéral France-Pologne, signé un jour symbolique, 2025, *Huffington Post*, 09.05.2025, URL: https://www.huffingtonpost.fr/international/article/macron-et-tusk-renforcent-leurs-liens-avec-un-traite-bilateral-france-pologne-signe-un-jour-symbolique_249797.html (дата обращения: 17.06.2025).

Список литературы / References

1. Bukowski, M. F. 2025, Le compromis de Nancy: analyse de texte en 10 points sur le nouveau traité entre la France et la Pologne, *Le Grand Continent*, 12.05.2025, URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2025/05/12/le-compromis-de-nancy-analyse-de-texte-en-10-points-sur-le-nouveau-traite-entre-la-france-et-la-pologne/> (дата обращения: 17.06.2025).
2. Bret, C. 2025, Pologne-France: l'esprit de Nancy à l'épreuve des faits, *Telos*, 26.06.2025, URL: <https://www.telos-eu.com/fr/politique-francaise-et-internationale/pologne-france-lesprit-de-nancy-a-lepreuve-des-fai.html> (дата обращения: 25.09.2025).
3. Чихачев, А. Ю. 2025, Франко-польское сближение: хорошо забытое старое, *Валдай*, 15.05.2025, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/franko-polskoe-sblizhenie-khorosho-zabytoe-staroe/> (дата обращения: 17.06.2025).
- Chikhachev, A. Y. 2025, Franco-Polish rapprochement: the well-forgotten old, *Valdai*, May 15, 2025, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/franko-polskoe-sblizhenie-khorosho-zabytoe-staroe/> (дата обращения: 17.06.2025).
4. Dziubińska, A., Kacprzyk, A. 2025, Polska i Francja podpisują traktat o wzmocnionej współpracy i przyjaźni, *PISM*, 13.05.2025, URL: <https://pism.pl/publikacje/polska-i-francja-podpisuja-traktat-o-wzmocnionej-wspolpracy-i-przyjazni> (дата обращения: 17.06.2025).
5. Souverbie, L. 2025, Traité de Nancy: vers un renforcement stratégique et sécuritaire des relations franco-polonaises?, *IRIS*, 16.05.2025, URL: <https://www.iris-france.org/traite-de-nancy-vers-un-renforcement-strategique-et-securitaire-des-relations-franco-polonaises/> (дата обращения: 17.06.2025).
6. Bozo, F. 2009, Winners and Losers: France, the United States, and the End of the Cold War, *Diplomatic History*, vol. 33, № 5, p. 927—956, <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.2009.00818.x>
7. Bąk, M. 2013, Trójkąt Weimarski w latach 1991—1999 i jego znaczenie dla bezpieczeństwa europejskiego, *Przegląd Strategiczny*, № 2, p. 107—119, <https://doi.org/10.14746/ps.2013.2.7>
8. Fiszer, J. 2021, Uwarunkowania i cele polityki zagranicznej Polski — aspekty teoretyczne i użytkowe, in: Chojan, A. (ed.), *Polityka zagraniczna Polski w latach 1989—2020*, Warszawa, p. 19—50, URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=pl&user=eitsev0AAAAJ&citation_for_view=eitsev0AAAAJ:u-x6o8ySG0sC (дата обращения: 17.06.2025).
9. Asmus, R. 2002, *NATO — otwarcie drzwi*, Warszawa, 583 p.
10. Cziomer, E., Zyblikiewicz, L. W. 2004, *Zarys współczesnych stosunków międzynarodowych*, Warszawa, 364 s.
11. Orłowski, T. 2014, Polska — Francja. Dziesięć lat współpracy w Unii Europejskiej, *Dyplomacja i Bezpieczeństwo*, № 1, p. 39—49.
12. Zięba, R. 2022, Francja w polityce bezpieczeństwa Polski, *Przegląd Zachodni*, № 3, p. 135—156.
13. Zieba, R. 2020, *Poland's Foreign and Security Policy: Problems of Compatibility with the Changing International Order*, Springer, Cham, 289 p., EDN: ISUYXA, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-30697-7>
14. Maurice, P. 2022, Le Triangle de Weimar après son trentième anniversaire: bilan et perspectives, *Allemagne d'aujourd'hui*, № 1, p. 28—38, <https://doi.org/10.3917/all.239.0028>
15. Юрчишин, Л. 2018, Состояние отношений между Польшей и Францией на двустороннем уровне, ЕС и НАТО: сходства и вызовы, *Философия хозяйства*, № 4 (118), с. 262—272, EDN: XSCPFR
- Yurchyshyn, L. 2018, The state of relations between Poland and France at the bilateral level, the EU, and NATO: similarities and challenges, *Philosophy of Economy*, № 4, p. 262—272 (in Russ.).
16. Арбатова, Н. К., Кокеев, А. М. (ред.), 2020, *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*, Москва, Издательство «Весь Мир», URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/strategicheskaya-avtonomiya-es-i-perspektivi-sotrudnichestva-s-rossiey> (дата обращения: 17.06.2025).
- Arbatova, N. K., Kokeev, A. M. (eds.), 2020, *Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia*, Moscow, Ves Mir Publishing House (in Russ.), URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/strategicheskaya-avtonomiya-es-i-perspektivi-sotrudnichestva-s-rossiey> (дата обращения: 17.06.2025).

17. Parzymies, S. 2010, Le Triangle de Weimar a-t-il encore une raison d'être dans une Europe en voie d'unification?, *Annuaire français de relations internationales*, vol. XI, p. 515—530, URL: https://www.afri-ct.org/wp-content/uploads/2015/02/521_PARZYMIES-AFRI_2010.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

18. Обичкина, Е. О. 2022, Франция — ЕС — США: взаимодействие и противоречия, в: Клинова, М. В., Кудрявцев, А. К., Тимофеев, П. П. (отв. ред.), 2022, *Современная Франция: между тревогами и надеждами*, Москва, с. 168—181, <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2>

Obichkina, E. O. 2022, France—EU—USA: Interaction and Contradictions, in: Klinova, M. V., Kudryavtsev, A. K., Timofeev, P. P. (eds.), 2022, *Contemporary France: Between Anxieties and Hopes*, Moscow, p. 168—181 (in Russ.), <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2>

19. Чихачев, А. Ю. 2023, Стратегия Франции в регионе Балтийского моря: военно-политические аспекты, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 4—17, EDN: NBIOHY, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>

Chikhachev, A. Yu. 2023, France's strategy in the Baltic Region: military and political aspects, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 4—17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>

20. Buhler, P. 2025, Europe géopolitique: le moment polonais, *Le Grand Continent*, 01.01.2025, URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2025/01/01/europe-geopolitique-le-moment-polonais> (дата обращения: 17.06.2025).

21. Péria-Pigné, L., Zima, A. 2025, Pologne, première armée d'Europe en 2035? Perspectives et limites d'un réarmement, *Focus stratégique*, № 123, février 2025, IFRI, 98 p., URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/2025-02/ifri_peria-peigne_zima_pologne_rearmement_2025.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

22. Ferrer, D. 2024, Bilan sur les relations entre la France et la Pologne, *Geopolitica*, 08.05.2024, <https://doi.org/10.58079/11nmt>

23. Tenenbaum, E., Zima, A. 2024, Retour à l'Est: la France, la menace russe et la défense du "Flanc Est" de l'Europe, *Focus stratégique*, № 119, juin 2024, IFRI, URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/ifri_tenenbaum_zima_flanc_est_2024.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

24. Soutou, G.-H. 2012, L'émergence du couple franco-allemand: un mariage de raison, *Politique étrangère*, № 4, p. 727—738, <https://doi.org/10.3917/pe.124.0727>

25. Fiszer, J. M., Czasak, M. 2019, *Trójkąt Weimarski. Geneza i działalność na rzecz integracji. Europy w latach 1991—2016*, Warszawa, 485 p.

26. Алексеенкова, Е. С., Чихачев, А. Ю. 2022, Квиринальский трактат — двусторонний договор о будущем ЕС?, *Современная Европа*, № 3, с. 33—48, EDN: GEUIUF, <https://doi.org/10.31857/S0201708322030032>

Alekseenkova, E. S., Chikhachev, A. Yu. 2022, The Quirinal Treaty: Bilateral Agreement on the EU's Future?, *Sovremennaya Evropa*, № 3, p. 33—48, <https://doi.org/10.31857/S0201708322030032>

27. Рубинский, Ю. И., Синдеев, А. А. 2019, От Елисейского к Ахенскому договору, *Современная Европа*, № 2, с. 18—26, EDN: QYWLIX, <https://doi.org/10.15211/soveurope220191826>

Rubinskiy, Y., Sindeev, A. 2019, From the Elysee treaty to the Aachen treaty, *Sovremennaya Evropa*, № 2, p. 18—26, <https://doi.org/10.15211/soveurope220191826>

28. Маслова, Е. А., Шебалина, Е. О. 2023, Италия в треугольнике Рим — Париж — Берлин, *Современная Европа*, № 2, с. 5—18, EDN: OTTGPI, <https://doi.org/10.31857/S0201708323020018>

Maslova, E. A., Shebalina, E. O. 2023, Italy in the Rome—Paris—Berlin Triangle, *Sovremennaya Evropa*, № 2, p. 5—18, <https://doi.org/10.31857/S0201708323020018>

29. Чернега, В. Н. 2024, «Держава Европа» по Э. Макрону: мираж или реальная перспектива?, *Актуальные проблемы Европы*, № 1, с. 85—105, EDN: JLQMEB, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.05>

Chernega, V. N. 2024, "Power Europe" according to E. Macron: mirage or real prospect?, *Current problems of Europe*, № 1, p. 85—105, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.05>

30. Маслова, Е. А., Шебалина, Е. О. 2023, «Средиземноморская карта» в Европейской политике Италии, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 2, с. 25—33, EDN: YPMWY, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220232533>

Maslova, E., Shebalina, E. 2023, "Mediterranean card" in Italy's European policy, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, № 2, p. 25—33 (in Russ.), <https://doi.org/15211/vestnikieran220232533>

31. Кузьмичева, А. Е. 2023, *Польско-французские отношения в 1933—1935 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук*, Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 344 с., EDN: JHXAGH

Kuzmicheva, A. E. 2023, *Polish-French Relations in 1933—1935. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences*, Moscow, 344 p., (in Russ.).

Об авторах

Мария Сергеевна Павлова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Группа комплексных исследований Балтийского региона Центра изучения стратегического планирования, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-9114-3431>

E-mail: marija.s.pavlova@yandex.ru

Павел Петрович Тимофеев, кандидат политических наук, зав. сектором, сектор региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0512-7436>

E-mail: pavel.timofeyev@yandex.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

THE NANCY TREATY: FRIENDSHIP WITHOUT COMMITMENT?

M. S. Pavlova

P. P. Timofeev

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
23 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 25 June 2025

Accepted 26 September 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-3

© Pavlova, M. S., Timofeev, P. P., 2025

The article explores the political context, principal reasons, and objectives behind the signing of the Nancy Treaty on Friendship and Cooperation by France and Poland in 2025, as well as its substantive provisions. The analysis is situated within two comparative frameworks: a historical one, tracing the fluctuations in Polish–French relations after 1991, and a spatial

one, reflecting France's policy under Emmanuel Macron aimed at renewing partnerships through treaties with Germany, Italy, Spain, and Portugal. The study shows that the Nancy Treaty is intended to consolidate the latest improvement in Polish–French relations, shaped by the conflict in Ukraine and by uncertainty regarding the future direction of U.S. foreign policy. The analysis of the treaty indicates that, compared with the 1991 agreement, the Franco-Polish partnership has been significantly strengthened, and both parties view each other as partners in the broader confrontation with Russia, while nonetheless refraining from offering any new security guarantees. A comparison of the Nancy Treaty with four similar agreements suggests that Poland has been brought into the group of France's close EU partners, although it remains less aligned than Germany and, to some extent, Italy and Spain. The authors conclude that the treaty opens new opportunities for Franco-Polish cooperation, although further rapprochement will depend largely on the political will of the two countries' leaders. The treaty may signal France's intention to position Poland as a leading power in Eastern Europe, although a definitive assessment will only be possible once the conflict in Ukraine has been resolved.

Keywords:

Poland, France, Nancy treaty, European Union, European security, NATO, Emmanuel Macron, Donald Tusk

The authors

Dr **Maria S. Pavlova**, Senior Research Fellow, Baltic Sea Region Integrated Research Group, Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-9114-3431>

E-mail: marija.s.pavlova@yandex.ru

Dr **Pavel P. Timofeev**, Head of the Division for Regional Studies and Conflicts, Department of European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0512-7436>

E-mail: pavel.timofeyev@yandex.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

MDIZZW

ОБРАЗ РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ФИНЛЯНДИИ В КОНТЕКСТЕ ВСТУПЛЕНИЯ В НАТО: НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТА С. НИИНИСТЁ

Д. И. Попов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

Поступила в редакцию 04.09.2025 г.
Принята к публикации 21.10.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-4
© Попов Д. И., 2025

Исследование посвящено образу России в исторической политике Финляндии в контексте вступления страны в НАТО. Его цель — выявление изменений места России в обращении финской политической элиты к собственному прошлому, общей российско-финляндской и мировой истории. Для достижения цели автор анализирует выступления президента Финляндии С. Ниинистё, посвященные внешнеполитическим вопросам, в 2021—2024 гг.: до начала конфликта на Украине, во время процесса вступления Хельсинки в НАТО и после обретения членства в Альянсе. Теоретическими рамками работы служат концепции исторической политики в интерпретации А. Миллера и исторического нарратива Э. Зерубавеля. Основным методом исследования выступают дискурс-анализ в соответствии с подходом Э. Лаклау и Ш. Муффа. В результате проведенного анализа было выявлено, что наиболее активно С. Ниинистё обращался к прошлому в первый год конфликта на Украине и после подачи заявки Финляндией на членство в НАТО. С 2022 г. гораздо более активную роль в исторической политике вместо Хельсинкского совещания 1975 г. приобретают Зимняя война и другие примеры российско-финляндского противоборства, которые помогают сформировать образ России как врага и угрозы в настоящем и прошлом и обеспечить поддержку Украины со стороны финнов. Исторический нарратив начинает представлять собой длительную и постоянную борьбу двух народов без опыта взаимовыгодного сотрудничества и диалога двух стран.

Ключевые слова:

Россия, Финляндия, историческая политика, исторический нарратив, «места памяти», НАТО, Зимняя война, конфликт на Украине

Введение

В последние годы политики самых разных стран все чаще обращаются к прошлому для достижения определенных целей в настоящем. Не является исключением среди них и Финляндия: представители ее элит часто используют исторические аналогии при обсуждении конфликта на Украине или российской политики, а опытом прошлого подкрепляют свои связи с североевропейскими государствами, странами Европейского союза и Соединенными Штатами. Ярким примером тому

Для цитирования: Попов Д. И. Образ России в исторической политике Финляндии в контексте вступления в НАТО: на примере речей президента С. Ниинистё // Балтийский регион. 2025, Т. 17, № 4. С. 68—83. doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-4

стало выступление президента Финляндии Александра Стубба на встрече европейских лидеров и президента Украины Владимира Зеленского с президентом США Дональдом Трампом в августе 2025 г., когда позицию Украины глава финского государства сравнил с положением Финляндии в 1944 г.¹

Тем не менее обращение к прошлому стало важной чертой финских политических деятелей еще раньше, особенно в контексте вступления страны в НАТО в 2022 — 2023 гг. Именно образы истории оказывались еще одним аргументом для подчеркивания угрозы со стороны России, важными для оправдания изменений внешнеполитической стратегии государства, необходимости поддержки Украины и более тесного военно-политического сотрудничества с европейскими странами и США.

На сегодняшний день уже подготовлено достаточно большое число работ, посвященных пути Финляндии в НАТО и, в частности, роли России в этом процессе. О возможности вступления Хельсинки в Альянс писали и до обострения конфликта на Украине (А. А. Громыко и Н. С. Плевако [1], а также К. К. Худолей и Д. А. Ланко [2], представлявшие процесс как финскую дилемму безопасности). Однако после решения о подаче заявки исследователи стали рассматривать уже различные аспекты данного процесса. Выходили работы со сравнительным анализом пути Финляндии и Швеции в НАТО (Л. Н. Сидорова и О. К. Рябина [3]), о предпосылках для вступления в Альянс (Д. А. Данилов [4], М. Христианссон [5], М. Гюнтер [6]), о факторе общественного мнения (А. Пономарева [7]) и о самом процессе принятия внешнеполитического решения в условиях кризиса (В. Коскимаа и Т. Раунио [8]). Особо подчеркивалось влияние системных изменений, в связи с этим говорилось о последствиях расширения НАТО для региональной безопасности и безопасности России в частности (О. К. Рябина [9] и П. Е. Смирнов [10]). Вместе с тем отдельно не рассматривался фактор памяти и использование этого инструмента для оправдания финскими властями своего решения, за исключением отдельной англоязычной работы Д. Артера [11], в которой исторический опыт Финляндии, прежде всего Зимняя война, подается как одна из причин представления России угрозой и, соответственно, вступления в Альянс, но не изучается изменение практик памятования.

С другой стороны, можно выделить работы, посвященные актуальным вопросам политики памяти в Финляндии, несмотря на то что эта страна оставалась на периферии Memory Studies, в которых гораздо больше внимания уделяется, например, Центрально-Восточной Европе. В исследованиях фактора памяти в международных отношениях (классические сборники Д. Белла [12], Э. Лангенбахера [13], Э. Ресенде и Д. Бюдрите [14], а также Дж. Копштейна и Й. Суботич [15], посвященные памяти о Холокосте в международных реалиях 2020-х гг., и, наконец, М. Мьялскоо [16] с классификацией подходов к изучению памяти в мировой политике) примеры из практик Финляндии оказывались не востребованы. В свою очередь, исследования финских случаев памятования сосредотачиваются на отдельных «местах памяти» в исторических нарративах, хотя и косвенно касающихся России. Например, появляются работы о значении для современного финского общества Второй мировой войны (статьи С. Валлениус-Коркало [17], Л. П. Колодниковой [18] и М. А. Витухновской-Кауппала [19] о Зимней войне, работа А. Холмила, посвященная памяти о Холокосте в Финляндии [20], и исследование коммеморативных практик русских финляндцев о войне О. Давыдовой-Мингет [21]), Великой Северной войны (работы И. Г. Лимана [22]) или финской гражданской войны (статьи А. Хеймо и У.-М. Пелтонен [23], Е. А. Кузьменко [24]), а также локальной па-

¹ Presidentti Stubb: Löysimme ratkaisun Venäjän kanssa vuonna 1944 ja löydämme sen myös vuonna 2025, 2025, Yle, 18.08.2025, URL: <https://yle.fi/a/74-20177652/64-3-275912> (дата обращения: 28.08.2025).

мяти (память об опере в районе Кюми в статье Л. Хаутсало и Х. Вестерлунд [25], ностальгия по Петсамо в работе М. Ляхтеенмяки и А. Колпэрта [26], которые связаны с российско-финским пограничьем). Однако все они не затрагивали последние изменения внешней политики Финляндии и роли памяти в этих процессах, что требует отдельного изучения на новом материале.

Таким образом, целью данного исследования стало определение трансформации финской исторической политики и места в ней России во время дискуссий о вступлении в НАТО. Необходимо изучить, как в политическом дискурсе Финляндии менялось обращение к прошлому, какие новые черты приобретал исторический нарратив в речах представителей элит стран и роль в них России, для чего следует сравнить ключевые дискурсивные практики до начала конфликта на Украине, на пути страны в НАТО и уже после ее вступления в Альянс.

Материалы и методы

Источниками данного исследования стали речи президента Финляндии С. Ниинистё в 2021—2024 гг., затрагивающие внешнеполитические темы и отражающие несколько этапов в трансформации внешней политики и политики безопасности государства: до начала конфликта на Украине и решения о вступлении страны в НАТО, сам процесс вступления в 2022—2023 гг. и первый год членства Хельсинки в Альянсе. В отличие от долгосрочных стратегических документов довольно частые высказывания президента позволяют проследить динамику этих изменений, выявить, какой образ прошлого Финляндии выстраивался на каждом этапе, какие «места памяти» становились наиболее актуальными. Стоит при этом иметь в виду, что роль президента Финляндии после принятия конституции 2000 г. стала гораздо больше ограничена в политической системе страны и глава государства стал иметь гораздо меньшее влияние во внутренней политике [27], но именно во внешней политике, прежде всего в отношениях с Россией и США, он остается значимым актором, поэтому его риторика по этим вопросам играет более важную роль.

Теоретической рамкой работы, с одной стороны, служит концепция исторической политики — набора практик, с помощью которых различные политические силы стремятся утвердить свои интерпретации исторических событий как доминирующие [28, с. 10]. В данном исследовании концепция исторической политики применяется для анализа обращения к прошлому в контексте внешнеполитической деятельности. На этом уровне обращение к прошлому также остается инструментом для политических элит для достижения тех или иных целей (в данном случае оправдания вступления в НАТО и формирования новой системы отношений с Россией), а успех в закреплении интерпретации — демонстрацией силы государства на международной арене.

Для изучения обращения к прошлому мы применяем структуралистский подход к историческим нарративам, изложенный Э. Зерубавелем в работе «Карты времени: коллективная память и социальная форма прошлого» [29]. Исследователь полагает, что определенные схематические форматы повествования о прошлом находят в одних культурных и исторических контекстах более широкое распространение, чем в других. Э. Зерубавель выделяет такие социомнемонические структуры, как «линия прогресса» (настоящее более благополучно по сравнению с прошлым) или «регресса» (повествование о «славном прошлом» и менее оптимистичном настоящем), «зигзаги» (повествование о взлетах и падениях) и «циклы» (нелинейное видение исторических событий) и другие. В рамках данного подхода исследователь

уделяет особое внимание организации нарратива — каким образом представлены в нем начало и конец истории, какие герои в нем фигурируют, как происходит связь различных образов внутри нарратива.

Эти отдельные образы можно рассматривать как «места памяти», концепцию которых предложил французский историк Пьер Нора [30] для проекта о памяти французов, основанной на отдельных образах прошлых эпох. Они определяются как «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия некоторой общности». «Местом памяти» могут служить и географический объект, и нематериальные образы, узел истории, определяющие групповое единство в настоящем и играющие важную роль в идентичности всех членов сообщества (например, французов или финнов).

Основным методом исследования является дискурс-анализ в соответствии с подходом Э. Лаклау и Ш. Муффа [31]. Дискурс-анализ подразумевает представление реальности как социально сконструированной в виде дискурсов, которые можно вычленировать из различных текстов — к примеру, высказываний политических деятелей или публикаций СМИ. При этом исследователи отмечали постоянную изменчивость дискурсов и их борьбу друг с другом, поэтому важным становится выявление доминирующего дискурса и его значение на определенном этапе. Содержание дискурса определяется с помощью узловых точек, на которые он опирается и которые могут встраиваться в цепочки эквивалентности с другими образами, значимыми для выстраивания целостного нарратива.

Обращение С. Ниинистё к прошлому в 2021-м — начале 2022 года

До обострения отношений между Россией и европейскими странами президент Финляндии редко использовал инструменты исторической политики в своих выступлениях, посвященных внешнеполитическим сюжетам. Кроме того, эти вопросы не становились ключевыми в его традиционных обращениях к финнам — например, в новогодней речи 2021 г. С. Ниинистё в целом не рассуждал о внешней политике Финляндии и, следовательно, не пытался аргументировать те или иные шаги историческими аналогиями.

Тем не менее отдельные образы прошлого в выступлениях финского лидера на протяжении 2021 г. отметить можно. Чаще всего президент Финляндии обращался к сюжетам, связанным с Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое прошло в Хельсинки в 1975 г. Оно становилось ключевым образом финского исторического нарратива, который подчеркивал значимость страны на международной арене. Интересно, что данное событие С. Ниинистё упоминал на разных площадках: в ООН, где он пытался расширить принципы Заключительного акта СБСЕ на все страны мира, указывал важность «духа Хельсинки» для всех стран для установления диалога и доверия¹; на Крымской платформе, подчеркивая, что эти принципы продолжают оставаться основой европейской безопасности, но

¹ Statement by President of the Republic of Finland, Sauli Niinistö, at the 76th General Debate of the United Nations General Assembly, 2021, *President of the Republic of Finland*, 21.09.2021, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/statement-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-76th-general-debate-of-the-united-nations-general-assembly-new-york-21-september-2021/> (дата обращения: 28.08.2025).

при этом упоминая Россию и СССР не как врага и противника для Финляндии и Европы, а как участника Хельсинкского процесса и основателя системы безопасности Старого Света¹.

«Дух Хельсинки» и 1975 год упоминались С. Ниинистё и в речи к 225-летию Шведской королевской академии военной науки в Стокгольме, где, кроме того, отношения с Россией подавались как один из четырех столбов финской политики безопасности в настоящем. Совещание в финской столице противопоставляется конфронтации Холодной войны и делает возможным диалог в будущем. Однако более любопытно, что в этой речи президент кратко представил весь финский исторический нарратив, упомянув в равной степени нахождение Финляндии в составе как Швеции, так и России, хотя и добавив, что «западные связи» в рамках Швеции сыграли для финнов особенно важную роль в контексте развития политической системы и культуры, а теперь стали залогом для сотрудничества в области обороны. В то же время на Саммите демократий 2021 г. президент упоминал о раннем предоставлении финским женщинам избирательных прав, что произошло в момент, когда Великое княжество Финляндское находилось в составе Российской империи. Это косвенно указывало в том числе на позитивный вклад этого исторического периода в развитие демократических традиций финнов².

На рубеже 2021—2022 гг. в контексте разговоров о нерасширении НАТО и рассуждений в европейских странах о возможности начала конфликта на Украине в исторической политике С. Ниинистё происходят изменения. В новогодней речи, где особое внимание уже было обращено на вопросы внешней политики, президент Финляндии говорит об окончательном завершении эпохи Холодной войны, причем нынешняя противопоставляется не только ей, но и более ранней политике «сфер интересов» великих держав. Вместе с тем в контексте новой эпохи президент вспоминает Г. Киссинджера в связи со сложностью предотвращения войн и угроз. Нарратив Финляндии при этом подается через стабильность ее внешней политики и политики безопасности несмотря на наличие многочисленных конфликтов, а ее ключевой целью во все времена называется сохранение особого международного статуса³.

Еще более интересной в контексте этих перемен является речь финского президента на Мюнхенской конференции по безопасности 20 февраля 2022 г. Здесь он прямо сравнил и во многом противопоставил ситуацию вокруг Украины с периодом перед началом Зимней войны в Финляндии. С. Ниинистё указал, что в отличие от финнов до начала конфликта украинский народ консолидирован перед лицом угрозы⁴ и, следовательно, готов сопротивляться даже успешнее.

¹ Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the Crimea Platform in Kyiv, 2021, *President of the Republic of Finland*, 23.08.2021, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-crimea-platform-in-kyiv-on-23-august-2021/> (дата обращения: 28.08.2025).

² Statement by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the Summit for Democracy, 2021, *President of the Republic of Finland*, 09.12.2021, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/statement-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-summit-for-democracy-9-december-2021/> (дата обращения: 28.08.2025).

³ President of the Republic of Finland Sauli Niinistö's New Year's Speech, 2022, *President of the Republic of Finland*, 01.01.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinistos-new-years-speech-on-1-january-2022/> (дата обращения: 28.08.2025).

⁴ President Niinistö at the Munich Security Conference: "When we are challenged, we are together", 2022, *President of the Republic of Finland*, 20.02.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/news/president-niinisto-at-the-munich-security-conference-when-we-are-challenged-we-are-together/> (дата обращения: 28.08.2025).

Таким образом, анализ речей С. Ниинистё 2021-го — начала 2022 г. уже показал определенную трансформацию его исторической политики в контексте обсуждения международных вопросов. До начала периода напряженности вокруг Украины для финского президента центральным образом и кульминацией финского нарратива было совещание в Хельсинки 1975 г., которое становилась образом примирения сторон и надеждой на диалог в будущем, что к тому же дополнялось разговорами о возможности проведения «Хельсинки 2.0» для урегулирования противоречий между РФ и странами НАТО. Россия в лице СССР и Российской империи при этом не подавалась врагом для Финляндии и Европы, а наоборот, важным участником международных процессов наравне с другими державами. В то же время уже в начале 2022 г. заметны ссылки на историю конфликтов с Россией, использование образа Зимней войны для описания современного положения Украины, но пока это обращение оставалось единичным и не распространялось на имперский период.

Образы финской истории в контексте процесса вступления Финляндии в НАТО в 2022-м — начале 2023 года

После начала конфликта на Украине С. Ниинистё впервые обратился к историческим аналогиям во внешней политике в шведском Риксдаге в мае 2022 г. На мероприятии он указал, как нынешний конфликт стал завершением традиции доверия и прежнего подхода к обеспечению безопасности Финляндии, которая теперь сменилась стремлением к вступлению в НАТО. В этом контексте он вспомнил слова президента США Г. Трумэна в 1948 г., в начале Холодной войны, о готовности к внешнеполитическому риску. Наконец, финский лидер начинает представлять и нарратив о самом конфликте на Украине, точкой отсчета которого подается не 24 февраля 2022 г., а дискуссии о нерасширении НАТО в декабре 2021 г.¹, которые касались, согласно его мнению, и Финляндии.

В этот период в речах С. Ниинистё появляются новые образы прошлого, связанные с российско-финскими конфликтами разных эпох. На Параде флага в июне 2022 г., рассуждая об усилиях по обеспечению обороны Финляндии, он вспоминает генерала Адольфа Ернрута, связанного с Зимней войной и Войной-продолжением². На другом выступлении президент упоминает финскую поговорку «Казачи берут все, что плохо лежит»³, отсылающую к еще более далекому прошлому — вторжению российских войск в страну во времена войн со Швецией.

¹ Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the Swedish Parliament, 2022, *President of the Republic of Finland*, 17.05.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/speech-by-the-president-of-the-republic-of-finland-at-the-swedish-parliament-on-17-may-2022/> (дата обращения: 28.08.2025).

² Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the Finnish Defence Forces' Flag Day parade in Helsinki, 2022, *President of the Republic of Finland*, 04.06.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-finnish-defence-forces-flag-day-parade-in-helsinki-on-4-june-2022/> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Keynote speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the Norwegian Institute of International Affairs in Oslo, 2022, *President of the Republic of Finland*, 10.10.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/keynote-speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-norwegian-institute-of-international-affairs-in-oslo-on-10-october-2022/> (дата обращения: 28.08.2025).

Наконец, упоминаются и общеевропейские «места памяти» о Холодной войне, такие как строительство Берлинской стены¹, напоминающие о враждебности России всему Западу.

С другой стороны, из речей президента Финляндии исчезает образ СБСЕ и Заключительного акта. Так, во время выступления в ООН С. Ниинистё не стал говорить о нем, хотя при этом все же вспомнил цитату шведского дипломата и генерального секретаря ООН Д. Хаммаршёльда в контексте Холодной войны, а также о договоренностях США с СССР и Россией по сокращению вооружений, в частности СНВ-III², указывая, что это остается значимым вопросом и конфликт возможно урегулировать. Даже на форуме безопасности в Хельсинки Заключительный акт 1975 г. не упоминался, а ОБСЕ заняла место в ряду других организаций, созданных в контексте или сразу после военных конфликтов, — Лиги Наций и ООН, что было нужно С. Ниинистё для разговора о возможности нового порядка и подобной организации после завершения конфликта на Украине³.

Симптоматичным также стало выступление С. Ниинистё на Северном совете в ноябре 2022 г., где он не только включил создание этого института в контекст Холодной войны, но и фактически сопоставил чуть более позднее вступление в него Финляндии с ее нынешним «запоздалым» присоединением к НАТО. Кроме того, он подчеркнул, что Холодная война была гораздо менее опасной, чем нынешние действия России, а поддержка североевропейскими странами Украины исходит из их единства последних 70 лет⁴.

В новогодней речи 2023 г. упоминание событий финской истории, связанных с Россией, также было очень заметно. С. Ниинистё прямо говорит о схожести конфликта на Украине и Зимней войны, Владимира Путина и Иосифа Сталина, сопротивлении «свободных» украинцев и финнов, что должно доказать необходимость поддержки Киева со стороны Хельсинки и укрепить единств европейских стран. С другой стороны, украинский конфликт встраивается в цепочки недавних войн — прежде всего в Югославии и Грузии, причем последняя, таким образом, указывает на агрессивность действий уже РФ, а не только СССР⁵.

Аналогично об «эхе собственной истории» говорил С. Ниинистё и на Мюнхенской конференции 2023 г., где он, однако, не стал прямо обращаться к об-

¹ Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the opening of the 242th National Defence Course, 2022, *President of the Republic of Finland*, 07.11.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-opening-of-the-242th-national-defence-course-on-7-november-2022/> (дата обращения: 28.08.2025).

² Statement by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the 77th General Debate of the United Nations General Assembly, 2022, *President of the Republic of Finland*, 20.09.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/statement-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-77th-general-debate-of-the-united-nations-general-assembly-new-york-20-september-2022/> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Keynote address by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the Helsinki Security Forum, 2022, *President of the Republic of Finland*, 30.09.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/keynote-address-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-helsinki-security-forum-30-september-2022/> (дата обращения: 28.08.2025).

⁴ Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the 74th Session of the Nordic Council in Helsinki, 2022, *President of the Republic of Finland*, 01.11.2022, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-74th-session-of-the-nordic-council-in-helsinki-on-1-november-2022/> (дата обращения: 28.08.2025).

⁵ President of the Republic Sauli Niinistö's New Year's Speech, 2023, *President of the Republic of Finland*, 01.01.2023, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/president-of-the-republic-sauli-niinistos-new-years-speech-on-1-january-2023/> (дата обращения: 28.08.2025).

разам Зимней войны, подчеркивая, что сходства являются сами собой разумеющимися¹. Развивает этот тезис президент Финляндии во время визита в Вашингтон в марте 2023 г., где не только упоминает советско-финский конфликт, но и добавляет, что президент США Ф.Д. Рузвельт поддерживал Хельсинки и тем самым Соединенные Штаты оказались на ее стороне, как и сейчас на стороне Украины. В то же время для оправдания финско-американского партнерства на современном этапе он рассказывает о финских эмигрантах в США и даже укоренившийся там традиции сауны².

Так, в сравнении с 2021 г. во время процесса вступления Финляндии в НАТО С. Ниинистё стал активно заменять образ Заключительного акта 1975 г. и общеевропейского сотрудничества историей Холодной войны, российско-финляндских конфликтов и агрессивности России в разные исторические периоды. Нарратив о действиях РФ на международной арене представляется в его интерпретации регрессом, они приобретают в его интерпретации все более агрессивный характер, а история Финляндии становится циклической, с постоянными повторениями конфликтов с Россией. В то же время для подчеркивания связей с США, которые важны как оправдание членства Хельсинки в Североатлантическом альянсе, финский лидер стал активнее обращаться к общей истории уже с Соединенными Штатами, которые, согласно его нарративу, часто были в конфликтах на одной стороне с Финляндией.

Историческая политика С. Ниинистё после вступления Финляндии в НАТО

В завершение нужно обратиться к особенностям исторической политики С. Ниинистё уже после официального вступления Финляндии в НАТО 4 апреля 2023 г. и до завершения его президентского срока 1 марта 2024 г. Сама церемония вхождения в Альянс не запомнилась активным обращением к прошлому: финский лидер лишь говорил о начале новой эпохи и завершении периода неприсоединения в финской истории³, наделяя сам акт вступления важной ролью в историческом нарративе. Однако затем — к примеру, в новогодней речи 2024 г. — С. Ниинистё упоминал, что Финляндия осталась прежним субъектом международных отношений, а ее внешнеполитические приоритеты не поменялись⁴.

Президент Финляндии стал подробнее раскрывать нарратив об отношениях страны с Россией, например во время выступления в Йоханнесбурге в Южно-

¹ Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the Munich Security Conference Ewald von Kleist Award ceremony, 2023, *President of the Republic of Finland*, 18.02.2023, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-munich-security-conference-ewald-von-kleist-award-ceremony-on-18-february-2023/> (дата обращения: 28.08.2025).

² Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at a Joint Session at the Washington State Capitol, 2023, *President of the Republic of Finland*, 06.03.2023, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-a-joint-session-at-the-washington-state-capitol-on-6-march-2023/> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the NATO accession ceremony in Brussels, 2023, *President of the Republic of Finland*, 04.04.2023, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-nato-accession-ceremony-in-brussels-4-april-2023/> (дата обращения: 28.08.2025).

⁴ New Year's Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö, 2024, *President of the Republic of Finland*, 01.01.2024, URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en/speeches/new-years-speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-on-1-january-2024/> (дата обращения: 28.08.2025).

Африканском институте международных отношений. Помимо Зимней войны, которую в данном случае он объединяет с Войной-продолжением как этапом сопротивления советскому вторжению, С. Ниинистё детально говорит о нахождении в составе Российской империи. И хотя он не описывает те времена как «темное прошлое», для африканских стран само слово «империя», упомянутое несколько раз, может соотноситься с их собственным колониальным правлением. Именно распад Российской империи, согласно президенту, приводит к созданию демократического государства всеобщего благосостояния в Финляндии. В целом речь в ЮАР оказывается особенно важной не столько для оправдания вступления Хельсинки в НАТО и поддержки Украины, сколько для раскрытия странам третьего мира финской точки зрения на нынешний конфликт. В связи с этим он прямо противопоставляет историю взаимоотношений африканских стран и СССР, которую можно считать плодотворной, истории российско-финских конфликтов.

В выступлении на Генеральной ассамблее ООН в сентябре, которое стало для С. Ниинистё последним на его президентском посту, он использует свое 12-летнее правление, чтобы подчеркнуть изменения в международных отношениях, которые стали более конфликтными по сравнению с 2012 г., началом его президентства. Кроме того, президент снова говорит о схожести украинского и финского народов в их борьбе с Россией и СССР за свободу и независимость, но при этом включает их в цепочку сопротивления всех малых стран великим державам¹.

Наконец, в своих речах С. Ниинистё упоминает цели России о воссоздании Советского Союза. Чтобы указать на сложность нынешних времен, в финском нарративе вспоминают о сложностях межвоенного периода, Великой депрессии и Второй мировой войне². С другой стороны, после кончины президента Финляндии М. Ахтисаари особо подчеркивалось, что бывший лидер происходит с территории Карелии, которую Хельсинки потерял после Второй мировой войны, однако эта часть нарратива развития не получила. В то же время указывалось, что бывший президент участвовал в установлении российско-американского диалога, в котором, соответственно, Финляндия и сейчас может принимать участие³.

Итак, за последний год правления С. Ниинистё, после вступления Финляндии в НАТО, его историческая политика становится менее активной. Например, фактически без исторических аналогий С. Ниинистё комментировал закрытие границы с РФ, лишь сопоставив мигрантов с «троянским конем» и добавив, что

¹ Statement by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the General Debate of the 78th United Nations General Assembly, 2023, *President of the Republic of Finland*, 20.09.2023, URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/statement-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-78th-general-debate-of-the-united-nations-general-assembly-in-new-york-on-20-september-2023/> (дата обращения: 28.08.2025).

² Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at Max Jakobson Memorial Lecture, 2023, *President of the Republic of Finland*, 28.09.2023, URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-max-jakobson-memorial-lecture-on-28-september-2023/> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö following the passing of former President of the Republic Martti Ahtisaari, 2023, *President of the Republic of Finland*, 16.10.2023, URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-following-the-passing-of-former-president-of-the-republic-martti-ahtisaari-on-16-october-2023/> (дата обращения: 28.08.2025).

Женевская конвенция о беженцах сейчас фактически не может работать¹. В то же время в его выступлениях лишь закрепляются появившиеся ранее образы Зимней войны и других конфликтных моментов в общей российско-финляндской истории, тогда как обращение к сотрудничеству с европейскими странами и США становится менее актуальным. Наоборот, президент Финляндии чаще обращается к странам третьего мира, пытаясь финским историческим опытом привлечь их на сторону Украины и понять позицию стран Запада по этому конфликту.

Выводы и дискуссии

Результаты анализа речей президента Финляндии С. Ниинистё можно суммировать следующим образом (табл.).

Анализ выступлений президента Финляндии С. Ниинистё
(2021 – 2024)

Период	01.2021 – 02.2022	03.2022 – 04.2023	04.2023 – 03.2024
Количество выступлений	5	10	6
Контекст	Последствия COVID-19, дискуссия о нерасширении НАТО	Конфликт на Украине, процесс вступления Финляндии в НАТО	Конфликт на Украине, Финляндия — член НАТО
Ключевые «места памяти»	СБСЕ и Хельсинкский акт 1975 г., Холодная война, Зимняя война	Зимняя война, Холодная война, И. Сталин, Ф. Д. Рузвельт и Г. Трумэн	Российская империя, СССР
Цепочки эквивалентности	Диалог в Холодную войну и в 2021 г.; канун Зимней войны и конфликта на Украине	Зимняя война и конфликт на Украине; Российская империя — СССР — РФ	Зимняя война — конфликт на Украине — сопротивление малых стран; Российская империя — СССР — РФ
Примеры дискурсивных практик	«Дух Хельсинки, общепринятые принципы Заключительного акта СБСЕ 1975 г., остаются надежной опорой для основанной на сотрудничестве системы безопасности нашего континента». «Сферы интересов не относятся к 2020-м гг.». «Ситуация в Украине напоминает период перед Зимней войной. Вместо разделения нация объединилась»	«Атмосфера стала еще холоднее, чем во времена Холодной войны. Вторжение России на Украину привело к войне в Европе». «Нельзя не задуматься о сходстве этой ситуации с нашей Зимней войной, когда Советский Союз предполагал, что они войдут в Хельсинки в течение двух недель». «Для Финляндии вторжение России стало эхом нашей собственной истории»	«Эпоха военного не-присоединения в нашей истории подошла к концу. Начинается новая эра». «У многих африканских стран сохранились воспоминания о тесных связях с Россией в советские времена. Опыт Финляндии совершенно иной»

¹ Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at the opening of Parliament, 2024, *President of the Republic of Finland*, 07.02.2024, URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-at-the-opening-of-parliament-on-7-february-2024/> (дата обращения: 28.08.2025).

Окончание табл. 1

Период	01.2021—02.2022	03.2022—04.2023	04.2023—03.2024
Особенности исторического нарратива	1975 г. как «гора» финского нарратива, элементы регресса в описании системы международной безопасности	1939—1940 гг. как «гора» финского нарратива, циклы конфликтов России и Финляндии, регресс в описании системы международной безопасности и внешнеполитических действий РФ	1939—1940 гг. как «гора» финского нарратива, циклы конфликтов России и Финляндии, регресс в описании системы международной безопасности и внешнеполитических действий РФ

Разработана на основе проанализированных публикаций с портала *President of the Republic of Finland. Sauli Niinistö's website 2012—2024*, URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en.html> (дата обращения: 28.08.2025).

Исследование показало, что в каждом из рассмотренных периодов доминируют свои «места памяти», обращение к которым было связано с разными целями финского президента. Если в 2021 г. воспоминание о диалоге и снятии противоречий времен Холодной войны в Хельсинки 1975 г. должно было показать значимую роль Финляндии на международной арене, то впоследствии на первый план выходят сюжеты, связанные с конфликтной историей российско-финляндских отношений, для формирования образа врага и оправдания членства в Североатлантическом альянсе. Кроме того, в контексте вступления в НАТО оказалось важным говорить и об американо-финляндской истории, чтобы подчеркнуть принадлежность страны к евроатлантическому пространству.

Вместе с тем в каждом из рассмотренных периодов проявился образ Зимней войны, который оставался для финского исторического нарратива «горой», если использовать терминологию Э. Зерубавеля для описания исторических этапов, которые играют наиболее важную роль и к которым чаще всего обращаются. При этом пика упоминаний это «место памяти» достигло в процессе вступления в НАТО и в первый год конфликта на Украине, а в 2021 г. оно заметно уступало обращению к Заключительному акту. В то же время в контексте Зимней войны для С. Ниинистё важнее всего было сопоставить «борьбу за свободу» финского и украинского народов, чтобы оправдать помощь Украине и в целом сделать конфликт более понятным и «своим» для финнов. Однако в остальном два этих сюжета даже противопоставляются: постоянно подчеркивается, что Запад един в поддержке Украины, тогда как Финляндия в 1939–1940 гг. фактически осталась одной, а исход Зимней войны — потеря территорий — для украинского конфликта казался финским властям недопустимым.

Кроме того, заметно, как со временем образ России в финском историческом нарративе детализируется. Помимо общих упоминаний о Зимней войне и российском правлении в XIX в. в речах С. Ниинистё появляются свои герои и антигерои, а конфликты Второй мировой войны оказываются лишь одним из циклов (пусть и более значимым) противостояния, начавшегося двести лет назад. При этом в выступлениях не упоминаются не только примеры взаимовыгодного сотрудничества России и Финляндии, которые мешают формированию образа врага (хотя могли бы, так, Россия в прошлом — в частности, в 1990-е гг. — могла противопоставляться России в настоящем), но и многие образы, которые традиционно в финской памяти связаны с борьбой с Россией (генерал-губернатор Н. И. Бобриков, маршал

К. Г. Маннергейм, президент У. Кекконен), что делает нарратив, предложенный финским лидером, достаточно простым: длительное, постоянное противоборство России с Финляндией и Европой в целом.

При этом трансформация исторической политики С. Ниинистё не стала предметом рефлексии в финском обществе и академических кругах: данная тема в последние годы не была частью общественных и научных дискуссий. Тем не менее можно допустить, что обращение к прошлому С. Ниинистё оказало определенное влияние на отношение финнов к России. Например, согласно опросу Аналитического центра деловой жизни EVA в начале 2024 г., 94 % граждан Финляндии негативно реагировали на Россию¹, тогда как еще в 2021 г. этот показатель в рамках тех же исследований не превышал 45 %². Однако стоит учитывать, что на результаты опроса оказывало влияние представление финнов и о нынешней российской политике, но угрозы из прошлого дополняли эту негативную картину. К этой же тенденции можно отнести и опрос восприятия российско-финских отношений в будущем: в 2024 г., по данным исследования, проведенного Фондом развития местного самоуправления (KAKS) и опубликованного агентством Yle³, 84 % финнов не верили в возможность развития связей Москвы и Хельсинки, считая эту дружбу исторически не predetermined.

Конечно, в рамках дальнейших исследований для подтверждения вышеотмеченных результатов возможно расширить источниковую базу и обратиться, с одной стороны, к другим представителям финской элиты — премьер-министрам, министрам иностранных дел и обороны и, наконец, к новому президенту А. Стуббу, который также стал активно ссылаться на финскую историю. С другой стороны, для формирования более масштабной картины финской политики памяти и рассмотрения разных исторических нарративов важно изучить и представления о России в прошлом различных политических партий, а также СМИ разной политической направленности. Это также создаст понимание о возможности изменений образа России в финской памяти в будущем.

Список литературы

1. Громыко, А. А., Плевако, Н. С. 2016, О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО, *Современная Европа*, № 2 (68), с. 13—16, EDN: VWQBJF, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220161316>

2. Худoley, К. К., Ланко, Д. А. 2019, Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 13—20, EDN: XOALGV, <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>

3. Сидорова, Л. Н., Рябина, О. К. 2022, Вступление Швеции и Финляндии в НАТО: сравнительный анализ принятия решения, *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, № 3 (33), с. 6—23, EDN: DLRGSE

4. Данилов, Д. А. 2022, Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 2 (26), с. 16—23, EDN: EJKVRC, <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220221623>

¹ Hyvät, pahat ja rumat — Näin suomalaiset ajattelevat Yhdysvalloista, Venäjästä ja Kiinasta, 2021, EVA, 16.01.2021, URL: <https://www.eva.fi/blog/2024/01/16/hyvat-pahat-ja-rumat-nain-suomalaiset-ajattelevat-yhdysvalloista-venajasta-ja-kiinasta/> (дата обращения: 14.10.2025).

² Suomalaiset suhtautuvat itänaapuriinsa aiempaa kriittisemmin, 2021, EVA, 25.10.2021, URL: <https://www.eva.fi/blog/2021/10/25/suomalaiset-suhtautuvat-itanaapuriinsa-aiempaa-kriittisemmin/> (дата обращения: 14.10.2025).

³ Suomalaisen luottamus tulevaisuuteen heikentynyt, 07.11.2024, Yle, URL: <https://yle.fi/a/74-20122902> (дата обращения: 14.10.2025).

5. Christiansson, M. 2023, A New Northern Flank: Sweden and Finland in NATO, *International Relations*, № 5, p. 225 — 232, <http://dx.doi.org/10.17265/2328-2134/2023.05.005>
6. Gunter, M. 2022, Some Implications of Sweden and Finland Joining NATO, *The Commentaries*, № 1, p. 91 — 100, <https://doi.org/10.33182/tc.v2i1.2710>
7. Понамарева, А. 2022, Финляндия на пороге НАТО: общественное измерение отказа от нейтралитета, *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, № 65 (81), с. 17 — 24, EDN: ZZKORP
8. Koskimaa, V., Raunio, T. 2025, Effective and democratic policymaking during a major crisis: an in-depth analysis of Finland's decision to apply for NATO membership after Russia attacked Ukraine, *Journal of European Public Policy*, vol. 32, № 4, p. 980 — 1003, <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2324013>
9. Рябина, О. К. 2023, Вступление Финляндии в НАТО: новые вызовы для России, *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, № 3 (37), с. 133 — 144, EDN: LTKQTG
10. Смирнов, П. Е. 2023, Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 42 — 61, EDN: PYLEYX, <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
11. Arter, D. 2023, From Finlandisation and post-Finlandisation to the end of Finlandisation? Finland's road to a NATO application, *European security*, vol. 32, № 2, p. 171 — 189, EDN: JETTBF, <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2113062>
12. Bell, D. 2006, *Memory, Trauma and World Politics*, London, Palgrave Macmillan, <https://doi.org/10.1057/9780230627482>
13. Langenbacher, E., Shain, Y. 2010, *Power and the Past: Collective Memory and International Relations*, Washington, Georgetown University Press, <https://doi.org/10.1353/book13048>
14. Resende, E., Budryte, D. 2013, *Memory and Trauma in International Relations: Theories, Cases and Debates*, London, New York, Routledge.
15. Kopstein, J., Subotić, J., Welch, S. (eds.). 2023, *Politics, Violence, Memory: The New Social Science of the Holocaust*, Ithaca, Cornell University Press, URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctv2cc5rvf> (дата обращения: 15.03.2025).
16. Mälksoo, M. 2023, *Handbook on the Politics of Memory*, Northampton, Edward Elgar Publishing, URL: https://books.google.com/books/about/Handbook_on_the_Politics_of_Memory.html?id=0N25EAAAQBAJ (дата обращения: 15.03.2025).
17. Wallenius-Korkalo, S. 2010, *Progress or Perish Northern Perspectives on Social Change*, London, Routledge, 200 p., <https://doi.org/10.4324/9781315602356>
18. Колодникова, Л. П. 2009, Историческая память о советско-финляндской войне 1939 — 1940 годов, *Российская история*, № 5, с. 15 — 29, EDN: LJVEXV
19. Витухновская-Кауппала, М. А. 2008, Память о «Финской войне» в России и Финляндии, *Россия XXI*, № 1, с. 92 — 107, EDN: JWBDDDB
20. Holmila, A. 2012, Varieties of silence: Collective memory of the Holocaust in Finland in Finland, in: Kinnunen, T., Kivimäki, V. (eds.), *World War II: History, Memory, Interpretations*, Brill, p. 519 — 560, https://doi.org/10.1163/9789004214330_014
21. Davydova-Minguet, O. 2022, Performing memory in conflicting settings: Russian immigrants and the remembrance of World War II, *Finland, East European politics and societies*, vol. 36, № 1, p. 225 — 247, <https://doi.org/10.1177/0888325420956697>
22. Лиман, И. Г. 2019, "Isoviha" в исторической памяти Финляндии, *Альманах северо-европейских и балтийских исследований*, № 4, с. 206 — 217, EDN: FCNXUE, <https://doi.org/10.15393/j103.art.2019.1409>
23. Heimo, A., Peltonen, U.-M. 2003, Memories and Histories, Public and Private After the Finnish Civil War, in: Radstone, S. *Memory, History, Nation Contested Pasts*, Routledge, p. 42 — 56, <https://doi.org/10.4324/9780203785751>
24. Кузьменко, Е. А. 2021, Белые и красные силы Гражданской войны: проблемы современной общественной интерпретации исторической памяти в Финляндии, *Россия и мир: научный диалог*, т. 1, № 2, с. 62 — 77, EDN: PLQTGS, <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-2-62-77>

25. Hautsalo, L., Westerlund, H. 2023, The Politics of memory and place-making in local opera: The case of the Kymi River Opera, *Svensk Tidskrift för Musikforskning*, № 105, p. 23–40, <https://doi.org/10.58698/stm-sjm.v105.14149>

26. Lähteenmäki, M., Colpaert, A. 2020, Memory politics in transition: Nostalgia tours and gilded memories of Petsamo, *Matkailututkimus*, № 1, p. 8–34, <https://doi.org/10.33351/mt.85341>

27. Kujanen, M., Koskimaa, V., Raunio, T. 2024, President's constitutional powers and public activism: a focused analysis of presidential speeches under Finland's two presidencies, *Comparative European Politics*, vol. 22, № 5, p. 594–615, <https://doi.org/10.1057/s41295-023-00375-z>

28. Миллер, А.И. 2009, Россия: власть и история, *Pro et contra*, № 3-4, с. 6–23, EDN: YUTDGZ

29. Zerubavel, E. 2003, *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*, Chicago, London, University of Chicago Press, URL: https://books.google.com/books/about/Time_Maps.html?id=vNbLhAZ-ieAC (дата обращения: 15.03.2025).

30. Нора, П. 1999, *Франция — память*, Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета.

31. Laclau, E., Mouffe, C. 1985, *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*, London, Versa.

Об авторах

Дмитрий Игоревич Попов, аспирант, Центр комплексных и европейских исследований, НИУ ВШЭ, Россия.

<https://orcid.org/0009-0009-6037-1763>

E-mail: Popov.D.I@hse.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

THE IMAGE OF RUSSIA IN FINLAND'S HISTORICAL POLITICS AMID NATO ACCESSION: A CASE STUDY OF PRESIDENT SAULI NIINISTÖ'S SPEECHES

D. I. Popov

HSE University,
20 Myasnienskaya St. Moscow, 101000, Russia

Received 04 September 2025

Accepted 21 October 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-4

© Popov, D. I., 2025

The study focuses on the image of Russia in Finland's historical politics in the context of the country's accession to NATO. Its aim is to identify changes in the place attributed to Russia in the Finnish political elite's references to Finland's own past, shared Russian–Finnish history, and world history. To achieve this objective, the author analyses speeches by the President of Finland, Sauli Niinistö, on foreign policy issues delivered between 2021 and 2024: prior

To cite this article: Popov, D. I. 2025, The image of Russia in Finland's historical politics amid NATO accession: a case study of president Sauli Niinistö's speeches, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 68–83.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-4

to the outbreak of the conflict in Ukraine, during Helsinki's accession process to NATO, and after Finland obtained full membership in the Alliance. The theoretical framework of the study draws on the concept of historical politics as interpreted by Alexei Miller, as well as on the theory of historical narrative developed by Eviatar Zerubavel. The primary research method employed is discourse analysis in accordance with the approach of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe. The analysis reveals that Sauli Niinistö referred most actively to the past during the first year of the conflict in Ukraine and following Finland's application for NATO membership. Since 2022, the Winter War and other episodes of Russian–Finnish confrontation have assumed a far more prominent role in historical politics than the 1975 Helsinki Accords. These references contribute to the construction of Russia's image as an enemy and a threat in both the present and the past, and serve to mobilise public support within Finland for Ukraine. As a result, the historical narrative increasingly takes the form of a prolonged and continuous struggle between the two nations, devoid of any experience of mutually beneficial cooperation or sustained dialogue between the two countries.

Keywords:

Russia, Finland, historical policy, historical narrative, 'Lieux de Mémoire', NATO, Winter War, conflict in Ukraine

References

1. Gromyko, A. A., Plevako, N. S. 2016, On the Sweden's and Finland's optional membership in NATO, *Sovremennaya Evropa*, vol. 68, № 2, p. 13–16, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220161316>
2. Khudoley, K. K., Lanko, D. A. 2019, Finnish security dilemma, NATO and the factor of eastern Europe, *World Economy and International Relations*, vol. 63, № 3, p. 13–20, <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>
3. Sidorova, L. N., Ryabinina, O. K. 2022, Sweden and Finland joining NATO: a comparative analysis of decision-making, *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Federation. Russia and the world*, № 3, p. 6–23 (in Russ.).
4. Danilov, D. 2022, Finland and Sweden on the threshold of NATO's open door, *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, № 2, p. 16–23 (in Russ.), <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikier-an220221623>
5. Christiansson, M. 2023, A New Northern Flank: Sweden and Finland in NATO, *International Relations*, № 5, p. 225–232, <http://dx.doi.org/10.17265/2328-2134/2023.05.005>
6. Gunter, M. 2022, Some Implications of Sweden and Finland Joining NATO, *The Commentaries*, № 1, p. 91–100, <https://doi.org/10.33182/tc.v2i1.2710>
7. Ponamareva, A. 2022, Finland on nato's threshold: the public dimension of the rejection of neutrality, *European security: events, assessments, forecasts*, № 65 (81), p. 17–24 (in Russ.).
8. Koskimaa, V., Raunio, T. 2025, Effective and democratic policymaking during a major crisis: an in-depth analysis of Finland's decision to apply for NATO membership after Russia attacked Ukraine, *Journal of European Public Policy*, vol. 32, № 4, p. 980–1003, <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2324013>
9. Ryabinina, O. K. 2023, Finland's accession to NATO: new challenges for Russia, *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Federation. Russia and the world*, № 3 (37), p. 133–144 (in Russ.).
10. Smirnov, P. Ye. 2023, The Accession of Finland and Sweden to NATO: Geopolitical implications for Russia's position in the Baltic Sea region, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 42–61, <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
11. Arter, D. 2023, From Finlandisation and post-Finlandisation to the end of Finlandisation? Finland's road to a NATO application, *European security*, vol. 32, № 2, p. 171–189, <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2113062>
12. Bell, D. 2006, *Memory, Trauma and World Politics*, London, Palgrave Macmillan, <https://doi.org/10.1057/9780230627482>
13. Langenbacher, E., Shain, Y. 2010, *Power and the Past: Collective Memory and International Relations*, Washington, Georgetown University Press, <https://doi.org/10.1353/book13048>

14. Resende, E., Budryte, D. 2013, *Memory and Trauma in International Relations: Theories, Cases and Debates*, London, New York, Routledge.
15. Kopstein, J., Subotić, J., Welch, S. (eds.). 2023, *Politics, Violence, Memory: The New Social Science of the Holocaust*, Ithaca, Cornell University Press, URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctv2cc5rvf> (accessed 15.03.2025).
16. Mälksoo, M. 2023, *Handbook on the Politics of Memory*, Northampton, Edward Elgar Publishing, URL: https://books.google.com/books/about/Handbook_on_the_Politics_of_Memory.html?id=0N25EAAAQBAJ (accessed 15.03.2025).
17. Wallenius-Korkalo, S. 2010, *Progress or Perish Northern Perspectives on Social Change*, London, Routledge, 200 p., <https://doi.org/10.4324/9781315602356>
18. Kolodnikova, L. P. 2009, Historical memory of the Soviet-Finnish war of 1939–1940, *Russian history*, № 5, p. 15–29 (in Russ.).
19. Vitukhnovskaya-Kaupala, M. A. 2008, Memory about “Finnish war” in Russia and Finland, *Russia 21st*, № 1, p. 92–107 (in Russ.).
20. Holmila, A. 2012, Varieties of silence: Collective memory of the Holocaust in Finland in Finland, in: Kinnunen, T., Kivimäki, V. (eds.), *World War II: History, Memory, Interpretations*, Brill, p. 519–560, https://doi.org/10.1163/9789004214330_014
21. Davydova-Minguet, O. 2022, Performing memory in conflicting settings: Russian immigrants and the remembrance of World War II, Finland, East European politics and societies, vol. 36, № 1, p. 225–247, <https://doi.org/10.1177/0888325420956697>
22. Liman, I. 2019, “Isoviha” in historical memory of Finland, *Nordic and Baltic Studies Review*, № 4, p. 206–217, <https://doi.org/10.15393/j103.art.2019.1409>
23. Heimo, A., Peltonen, U.-M. 2003, Memories and Histories, Public and Private After the Finnish Civil War, in: Radstone, S. *Memory, History, Nation Contested Pasts*, Routledge, p. 42–56, <https://doi.org/10.4324/9780203785751>
24. Kuzmenko, E. A. 2021, The white and red forces of the civil war: problems of modern public interpretation of historical memory in Finland, *Russia & World: Sc. Dialogue*, vol. 1, № 2, p. 62–77, <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-2-62-77>
25. Hautsalo, L., Westerlund, H. 2023, The Politics of memory and place-making in local opera: The case of the Kymi River Opera, *Svensk Tidskrift för Musikforskning*, № 105, p. 23–40, <https://doi.org/10.58698/stm-sjm.v105.14149>
26. Lähteenmäki, M., Colpaert, A. 2020, Memory politics in transition: Nostalgia tours and gilded memories of Petsamo, *Matkailututkimus*, № 1, p. 8–34, <https://doi.org/10.33351/mt.85341>
27. Kujanen, M., Koskimaa, V., Raunio, T. 2024, President’s constitutional powers and public activism: a focused analysis of presidential speeches under Finland’s two presidencies, *Comparative European Politics*, vol. 22, № 5, p. 594–615, <https://doi.org/10.1057/s41295-023-00375-z>
28. Miller, A. I. 2009, Russia: Power and History, *Pro et contra*, № 3-4, p. 6–23 (in Russ.).
29. Zerubavel, E. 2003, *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*, Chicago, London, University of Chicago Press, URL: https://books.google.com/books/about/Time_Maps.html?id=vNbLhAZ-ieAC (accessed 15.03.2025).
30. Nora, P. 1999, *France — Memory*, St. Petersburg, St. Petersburg University Press (in Russ.).
31. Laclau, E., Mouffe, C. 1985, *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*, London, Verso.

The author

Dmitrii I. Popov, PhD student, Centre for Comprehensive European and International Studies, HSE University, Russia.

<https://orcid.org/0009-0009-6037-1763>

E-mail: Popov.D.I@hse.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

IPCMFK

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ СЫРЬЕВЫМИ И ПРОМЫШЛЕННЫМИ ТОВАРАМИ: ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ И САНКЦИЙ

Д. А. Изотов

Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения РАН,
680042, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153

Поступила в редакцию 08.10.2025 г.
Принята к публикации 19.11.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-5
© Изотов Д. А., 2025

Целью исследования является оценка влияния интеграционных соглашений и санкций на внешнюю торговлю сырьевыми и промышленными товарами России. В статье на основе статистики международных баз данных (UNCTAD, Всемирный банк, CEIC, UNIDO, CEPPI, FAO, ВТО, GSDB) для 1995—2024 гг. при помощи гравитационного моделирования, предполагающего контроль «эффектов глобализации», оценена возможность стимулирования российской внешней торговли сырьевыми и промышленными товарами в условиях санкционных ограничений в результате участия России в ВТО, в торговых и кооперационных соглашениях. Выявлен общий негативный эффект санкций на товарооборот России, особенно широкомасштабных ограничений, заметно сокративших российскую торговлю с санкционирующими «западными» странами в 2022—2024 гг. Установлено инвариантное воздействие на внешнюю торговлю России инвестиционных соглашений. Показано, что при общем долгосрочном позитивном влиянии на внешнюю торговлю России продвинутые торговые соглашения стимулировали большее расширение товарообмена промышленными, а не сырьевыми товарами, в отличие от поверхностных торговых соглашений. Определено нарастание позитивного влияния продвинутых и поверхностных торговых соглашений, а также участия в ВТО на российскую внешнюю торговлю (особенно промышленными товарами). Выявлено, что общая тенденция роста международной торговли в 2022—2024 гг. стимулировала товарооборот России со странами ВТО преимущественно сырьевыми товарами. Сопоставление эффектов показало, что смещение товарообмена в пользу стран — членов ВТО, а также рост международной торговли позволили смягчить негативное воздействие широкомасштабных санкций «западных» стран на российскую внешнюю торговлю, а заключенные Россией продвинутые и поверхностные торговые соглашения играли дополнительную стимулирующую роль в данном процессе. Полученные оцен-

Для цитирования: Изотов Д. А. Внешняя торговля России сырьевыми и промышленными товарами: влияние интеграционных соглашений и санкций // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 4. С. 84—106.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-5

ки свидетельствуют о необходимости расширения интеграционных форматов России в пользу дружественных стран в условиях нарастания санкционного давления со стороны «западных» стран.

Ключевые слова:

торговля, сырьевые товары, промышленные товары, ВТО, зона свободной торговли, таможенный союз, поверхностные и продвинутые интеграционные соглашения, двустороннее инвестиционное соглашение, санкции, международная торговля, Россия

Введение

Несмотря на имеющийся за последние три десятилетия прогресс общей либерализации торговли в мире, в современной глобальной экономике наблюдаются процессы, обусловленные как снижением, так и увеличением барьеров торгово-экономических взаимодействий между странами [1; 2]. С одной стороны, в мире в целом поддерживается низкий уровень торгово-экономических барьеров, что связано со снижением импортных пошлин в рамках режима наибольшего благоприятствования в связи с вхождением большинства стран в ВТО [3]; с созданием двух- и многосторонних интеграционных форматов и с заключением кооперационных соглашений между национальными экономиками. На субглобальном уровне интеграционные форматы между странами реализуются главным образом в рамках зон свободной торговли (ЗСТ¹), а также таможенных союзов (ТС²) [4]. В свою очередь, кооперационные соглашения между странами, не направленные на снижение тарифных барьеров, преимущественно реализуются в форме двусторонних инвестиционных соглашений [5], стимулируя межстрановые взаимодействия, в том числе в торговле [3]. С другой стороны, в глобальной экономике наблюдается процесс протекционизма в условиях генерации двух- и односторонних торгово-экономических ограничений между странами. За последнее десятилетие в глобальной экономике стала проявляться фрагментация по политическому принципу в условиях увеличения количества вводимых санкционных ограничений [6] — мер по дискриминации подсанкционных экономик, отдельных физических лиц или организаций как со стороны международных организаций, так и санкционирующих стран [7]. В целом санкции увеличивают риски, и, соответственно, издержки взаимодействий между экономиками [8].

В глобальной экономике товарообмен главным образом осуществляется промышленными товарами³, имеющими высокую добавленную стоимость по сравнению с сырьем. Обмен промышленными товарами в мире основывается на механизмах как монополистической конкуренции, так и вертикальной торговли в рамках производственной кооперации. Как показывают оценки, торговля промышленными товарами в мире стимулируется участием стран как в ВТО [9], так и в рамках двух- и многосторонних интеграционных соглашений [10]. В свою очередь, торговля сырьевыми товарами характеризуется неэластичным спросом по цене. Тем не менее снижение барьеров в рамках интеграционных соглашений

¹ ЗСТ предполагает сокращение тарифных мер и нетарифных ограничений, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам. За последние два десятилетия ЗСТ стали заключаться в продвинутом формате (ЗСТ+), в рамках которого помимо снижения барьеров в торговле осуществляется также либерализация обмена услугами и капиталом.

² В рамках ТС страны-члены вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран.

³ Доля промышленных товаров в мировой торговле составляла 87 % в среднем за 1995—2024 гг.

способствовало расширению торговли сырьем между странами мира [11], при этом не было обнаружено однозначно стимулирующего влияния членства стран в ВТО на торговлю данной продукцией [12].

По причине в том числе дифференциации применяемых санкций обращает на себя внимание неоднородность их воздействия на различные национальные экономики [13], их структурные компоненты [14] и товарные потоки между странами [15]. При том что санкции негативно влияли на торговлю промышленными товарами [16], в условиях процесса глобализации стали появляться возможности для диверсификации торговых потоков подсанкционных экономик в пользу третьих стран, а также «стран-посредников» [17]. Санкции также генерировали негативный эффект на торговлю продукцией минерального комплекса и сельского хозяйства для санкционирующих и подсанкционных стран [18], а страны-потребители с разной результативностью замещали за счет альтернативных поставщиков импорт данных товаров ввиду специфики спроса и предложения на них на глобальном рынке. В частности, в условиях санкций масштабные поставки сырьевых товаров на внешний рынок играют для национальной экономики неоднозначную роль ввиду ее уязвимости от соответствующих внешних ограничений при развитии альтернативных каналов поставок, порой более затратных [19].

Важной спецификой торговых взаимодействий России с глобальным рынком является доминирование в ее экспорте сырьевых товаров¹, массовый вывоз которых на внешний рынок позволяет балансировать внутреннее потребление промышленных товаров за счет импорта и накапливать золотовалютные резервы за счет профицита внешнеторгового баланса. Россия входит в небольшое число стран — основных поставщиков сырьевых товаров на глобальный рынок, характеризуясь сравнительно высокой внешнеторговой квотой в экономике, составившей 30 % к 2024 г.²

В начале 2010-х гг. Россия стала полноправной участницей ВТО, при этом оценки торговых эффектов ее присоединения к данному глобальному формату являются неоднозначными. С одной стороны, показано инвариантное влияние членства в ВТО на внешнюю торговлю России [20], с другой — его позитивное воздействие на товарообмен российской экономики с зарубежными странами промышленной продукцией и некоторыми видами сырьевых товаров [21; 22]. Несмотря на вхождение страны в ВТО, руководство России придерживается довольно осторожной стратегии снижения торгово-экономических барьеров с зарубежными странами на основе интеграционных соглашений, сфокусировавшись на создании продвинутых торговых форматов только с некоторыми экономиками, преимущественно постсоветскими. При этом оценки влияния заключенных Россией интеграционных соглашений с зарубежными странами, главным образом в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и с Вьетнамом указывают как на возможности [23], так и на ограничения [24; 25] расширения торгово-экономических взаимодействий. Несмотря на то что Россия заключила сравнительно большое число двусторонних инвестиционных соглашений, их влияние на торгово-экономические взаимодействия с зарубежными странами практически не изучается. По этой причине важно определить, каким образом участие России в ВТО, а также заключение ею интеграционных и кооперационных форматов повлияли на российскую внешнюю торговлю. При этом важным

¹ Экспорт сырьевых товаров России представлен, главным образом, сырой нефтью.

² UNCTADstat Data centre, 2025, URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 01.08.2025).

аспектом является соотношение воздействия глобального (ВТО) и субглобальных (ЗСТ, ЗСТ+ и ТС) интеграционных форматов на внешнюю торговлю Россией сырьем и промышленными товарами.

Следует отметить, что Россия выступает в роли как подсанкционной, так и санкционирующей страны. За последнее десятилетие страна испытывает санкционное давление со стороны «западных» стран в 2014—2021 гг. («локальные» санкции) и с 2022 г. по настоящее время [26] (широкомасштабные санкции), которое негативно повлияло на ее торговлю сырьевыми [27] и промышленными товарами [28] с санкционирующими странами. Как показывают оценки, широкомасштабные санкции стали одним из главных вызовов для экономики России, поскольку наблюдалось нарушение сложившихся за долгие годы эффективных товаропотоков страны с зарубежными странами, что привело к кризису в некоторых ее отраслях [29] при сохранении технологической зависимости от импорта [30], в результате чего российская экономика переходит к волатильной и крайне затратной модели роста [31]. В рамках широкомасштабных санкций фиксировалось снижение не только нефтегазовых, но и ненефтегазовых доходов России, а импортные ограничения преодолевались за счет трансформации страновой структуры ввоза продукции на российский рынок и структуры производства внутри укрупненных групп товаров [32]. Поскольку Россия является крупной экономикой и занимает одно из ключевых мест на глобальном рынке сырьевых товаров [33], ужесточение санкций привело к росту мировых цен на данную продукцию ввиду «ловушки большой страны» [34], а также к отклонению российской внешней торговли в пользу третьих стран [35].

Тем не менее недостаточно изучено соотношение эффектов санкций и интеграционных эффектов на внешнюю торговлю России, в том числе сырьевыми и промышленными товарами. Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующий исследовательский вопрос: действительно ли участие в ВТО, в торговых и кооперационных соглашениях стимулировало российскую внешнюю торговлю сырьевыми и промышленными товарами в долгосрочном периоде (1995—2024), а также в условиях санкций, в том числе широкомасштабных, со стороны «западных» стран?

Таким образом, целью настоящего исследования является оценка влияния санкций и интеграционных соглашений на внешнюю торговлю промышленными и сырьевыми товарами России. Для достижения цели в исследовании решались следующие задачи: 1) анализ динамики внешней торговли сырьевыми и промышленными товарами, санкций, интеграционных соглашений России; 2) выбор методики, формирование зависимостей и массива данных для оценки факторов внешней торговли России; 3) оценка влияния санкций, интеграционных соглашений на торговлю сырьевыми и промышленными товарами России с зарубежными странами. Исследование охватывало долгосрочный период: 1995—2024 гг.

Внешняя торговля России сырьевыми и промышленными товарами, санкции, интеграционные и кооперационные соглашения

За исключением кризисных эпизодов в мировой экономике в конце 2000-х гг. в середине 2010-х гг., а также в начале 2020-х гг. благоприятная конъюнктура цен на глобальном рынке и расширение спроса на российские сырьевые товары

способствовали росту внешней торговли России. Доля сырьевых товаров в экспорте России имела тенденцию к увеличению — с 58 % в 1995 г. до 69 % в 2024 г. (рис. 1).

Рис. 1. Экспорт из России сырьевых и промышленных товаров

Источник: Trade Structure, 2025, UNCTADstat Data centre, URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 01.08.2025).

Импорт в Россию зависел от динамики российского экспорта сырьевых товаров, за счет которого осуществлялись поставки на отечественный рынок из-за рубежа широкого ассортимента товаров потребительского и производственного назначения. В результате импорт на российский рынок состоял главным образом из промышленных товаров, доля которых увеличилась с 74 % в 1995 г. до 78 % в 2024 г. (рис. 2).

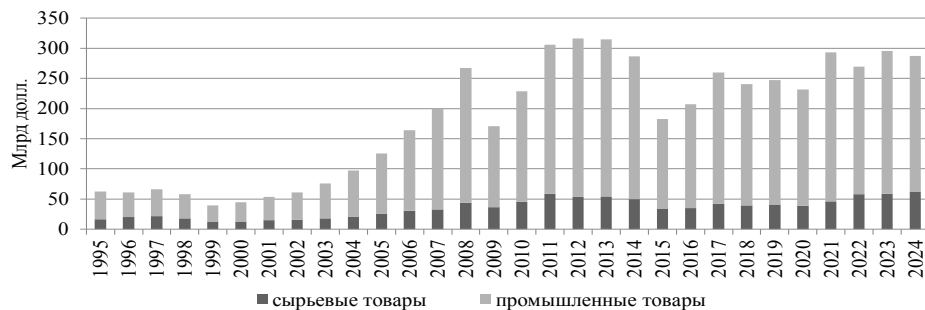

Рис. 2. Импорт в Россию сырьевых и промышленных товаров

Источник: Trade Structure, 2025, UNCTADstat Data centre, URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 01.08.2025).

Несмотря на тесное включение России в глобальную экономику, реализация российской внешнеэкономической политики по созданию интеграционных форматов с зарубежными странами осуществлялась довольно неспешно и осторожно. Так, Россия заключила двусторонние соглашения о свободной торговле в формате ЗСТ, снижающие барьеры в торговле товарами со странами, которые преимущественно входили в СНГ. В 2006 г. Россия также образовала ЗСТ с Сербией, а в 2025 г. — с Ираном¹. В условиях фрагментации экономического пространства бывшего СССР

¹ Забегая чуть вперед, отметим, что ЗСТ с Ираном не была включена в массив для оценки, поскольку данное соглашение вступило в силу с 2025 г., находясь за временными рамками настоящего исследования.

Россия предпринимала попытку создания продвинутого интеграционного формата с начала 2010-х гг., заключив ТС в рамках ЕАЭС с Казахстаном и Беларусью (с 2015 г.), с Киргизией и Арменией (с 2016 г.). В 2016 г. Россия как участница ЕАЭС создала ЗСТ+ с Вьетнамом (табл. 1).

Таблица 1

Участие России в интеграционных соглашениях

Интеграционное соглашение	Период
ЗСТ с Арменией и Киргизией (FTA)	1992 – 2015
ЗСТ с Азербайджаном, Грузией и Туркменистаном (FTA)	С 1994 г.
ЗСТ с Беларусью и Казахстаном (FTA)	1992 – 2014
ЗСТ с Молдовой, Таджикистаном и Узбекистаном (FTA)	С 1992 г.
ЗСТ с Украиной (FTA)	1992 – 2015
ЗСТ с Сербией (FTA)	С 2006 г.
ТС ЕАЭС с Казахстаном и Беларусью (FTA+)	С 2015 г.
ТС ЕАЭС с Киргизией и Арменией, ЗСТ+ с Вьетнамом (FTA+)	С 2016 г.

Источник: Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force, 2025, *Regional trade agreements Database*, URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: 01.08.2025).

Помимо этого российская сторона к 2024 г. заключила 62 инвестиционных соглашения с зарубежными странами, снижающих барьеры для обмена капиталом (прил., табл. А.1). Также после сравнительно длительных переговоров в 2012 г. Россия присоединилась к ВТО. В результате к 2024 г. Россия торговала со 164 странами — членами ВТО (прил., табл. А.2), пользуясь в целом преимуществами этого глобального формата (рис. 3).

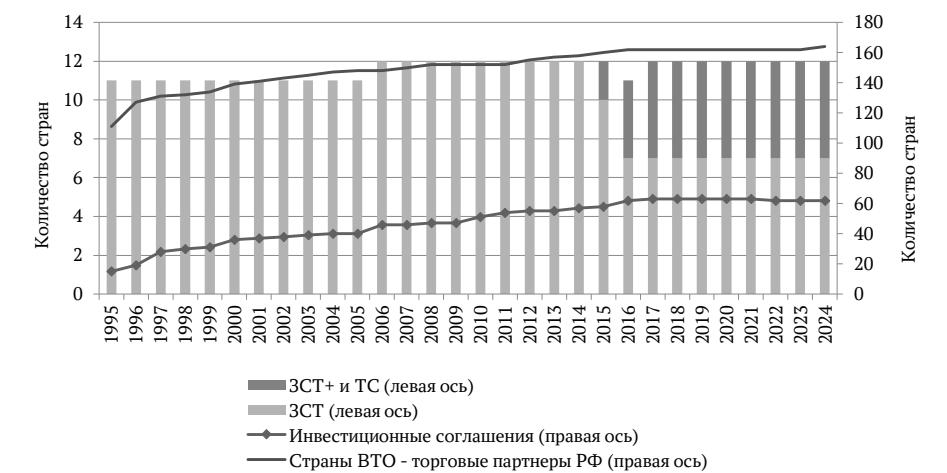

Рис. 3. Количество стран, создавших инвестиционные соглашения, ЗСТ, ЗСТ+ и ТС с Россией, и стран ВТО — торговых партнеров России

Источник: Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force, 2025, *Regional trade agreements Database*, URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: 01.08.2025) ; Members and Observers, 2025, *WTO*, URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm; International Investment Agreements Navigator, 2025, *UNCTAD — Palais des Nations*, URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/by-economy> (дата обращения: 01.08.2025).

Россия является как объектом, так и субъектом санкций. Исходя из информации, отраженной в Глобальной базе данных санкционных ограничений (GSDB)¹, можно выделить три периода санкций, с которыми сталкивается российская экономика: относительно благополучный период, в рамках которого санкции были довольно эпизодичными (1995—2013); период «локальных» санкций (2014—2021); период широкомасштабных санкций (с 2022 г. по настоящее время) (рис. 4).

Рис. 4. Санкции (по числу охвата стран), инициированные Россией против зарубежных стран и зарубежными странами против России

Источник: *Global Sanctions Data Base*, 2025, URL: <https://www.globalsanctionsdatabase.com/> (дата обращения: 01.08.2025).

До 2014 г. Россия практически не являлась подсанкционной страной (санкции против российской экономики были замечены только со стороны Украины и Грузии), вводя при этом краткосрочные санкции против некоторых государств на постсоветском пространстве, а также поддерживая резолюции Совета безопасности ООН против тех или иных стран. Однако с 2014 и 2022 гг. ситуация для российской экономики с точки зрения санкционных ограничений изменилась в негативную сторону. В связи с политическим противостоянием с «западными» странами с 2022 г. на российскую экономику были наложены одни из самых жестких в мире санкций, которые вызвали встречные санкции со стороны России.

Введенные против российской экономики санкции в 2014—2021 гг., которые можно назвать «локальными», сводились к запрету финансирования крупнейших государственных банков и компаний и торговли продукцией оборонного комплекса и товарами двойного назначения, оборудованием и технологиями и услугами по разведке и добыче нефти [36]. Россия в рамках данного периода ввела режим контрсанкций, установив запрет на импорт продовольственных товаров из большинства западных стран² (прил., табл. А.3). В свою очередь, с 2022 г. по настоящее время были введены широкомасштабные санкции против экономики России со стороны западных стран, ставших «недружественными», в число которых помимо упомянутых (прил., табл. А.3) вошли Багамы, Исландия, Лихтенштейн, Республика Корея, Северная Македония, Сингапур, Тайвань и Швейцария. Текущий режим широко-

¹ *Global Sanctions Data Base*, 2025, URL: <https://www.globalsanctionsdatabase.com/> (дата обращения: 01.08.2025).

² США, страны ЕС-28, Австралия, Норвегия, Канада, Исландия, Албания, Черногория, Украина, Новая Зеландия, Япония, Грузия и Молдова.

масштабных санкций стал охватывать практически все сферы экономики России. В условиях ограниченной конвертации рубля и высоких рисков в российской экономике, связанных в том числе с введением вторичных санкций со стороны «недружественных» стран, некоторые зарубежные компании приостановили или полностью прекратили свою деятельность в России, что выразилось в оттоке прямых иностранных инвестиций из ключевых секторов национальной экономики.

Методика оценки и данные

Методика оценки. За последние два десятилетия развитие гравитационных моделей для оценки влияния различного рода факторов на торгово-экономические взаимодействия между странами достигло существенного прогресса, в том числе для определения воздействия санкций, а также различного рода интеграционных и кооперационных соглашений на обмен товарами. В соответствии с накопленными эмпирическими оценками влияния факторов на торговые взаимодействия между странами в рамках гравитационных моделей выработаны конкретные рекомендации для проведения количественных расчетов соответствующих эффектов [37]: в модель включаются фиксированные эффекты для страны-экспортера/импортера с учетом времени для контроля многостороннего сопротивления¹ и фиксированные эффекты для всех взаимодействующих пар стран — для учета влияния всех независимых от времени двусторонних издержек; оценка зависимости строится в мультипликативной форме для включения нулевых значений в массив и во избежание ошибок спецификации модели из-за неверно подобранной функции; в панель включаются внутренние торговые взаимодействия для контроля отклонения торговых потоков стран в пользу их внутренних рынков и для устранения искажающего влияния глобальных факторов.

Следует также заметить, что корректный расчет влияния членства в ВТО на торговлю стран предполагает получение суммарной оценки как одностороннего (косвенный эффект), так и обоюдного (прямой эффект) участия стран в данном глобальном формате [38]. В результате в соответствии с задачами исследования набор фиктивных переменных включает факторы, снижающие барьеры торговых взаимодействий (наличие / отсутствие одностороннего и обоюдного участия экономик в ВТО и в торгово-экономических соглашениях — ЗСТ, ТС и ЗСТ+, двусторонние инвестиционные соглашения), а также санкции, увеличивающие указанные барьеры (со стороны России и зарубежных стран). В итоге оцениваемая зависимость имеет следующий вид [38]:

$$X_{ij,t} = \exp \left[p_{i,t} + \chi_{j,t} + m_{ij} + \beta_0 + \beta_1 WTOexp_{ij,t} + \beta_2 WTOboth_{ij,t} + \beta_3 FTA_{ij,t} + \beta_4 FTA(+)_{ij,t} + \beta_5 BIT_{ij,t} + \beta_6 SANCru_{ij,t} + \beta_7 SANCz_{ij,t} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \varepsilon_{ij,t} \right], \quad (1)$$

где X_{ij} — экспорт из страны i в страну j (к данному показателю также относится X_{ii} — внутренняя торговля в России).

В модели (1) параметр X_{ij} оценивается для торговли России с зарубежными странами: торговля (всего); торговля сырьевыми товарами; торговля промышленными товарами. Фиксированные эффекты, которые учитывались в модели: p_i — для страны-экспортера с учетом года; χ_j — для страны-импортера с учетом года; m_{ij} — для пар торгующих стран. Оцениваемые независимые переменные были фиктивными:

¹ Все двусторонние переменные издержки, с которыми сталкиваются страна-экспортер и страна-импортер соответственно.

$WTOexp_{ij}$ равна единице, если страна i является членом ВТО, и нулю в противном случае; $WTOboth_{ij}$ равна единице, если страны i и j являются членами ВТО, и нулю в противном случае; FTA_{ij} равна единице при наличии ЗСТ между Россией и зарубежной страной и нулю при ее отсутствии; $FTA(+)_ij$ равна единице при наличии продвинутого торгового соглашения (ЗСТ+ или ТС) между Россией и зарубежной страной и нулю при его отсутствии; BIT_{ij} равна единице при наличии двустороннего инвестиционного соглашения между Россией и зарубежной страной и нулю при его отсутствии; $SANCr_{ij}$ равна единице, если санкции были введены Россией против зарубежной страны, и нулю при их отсутствии; $SANCr_{zj}$ равна единице при наличии санкций против России со стороны зарубежной страны и нулю при их отсутствии; $INTL(T)_{ij}$ равна единице для торговли России с зарубежными странами для каждого года T и нулю для торговли на российском рынке, отражая эффект границ (совокупные барьеры в торговле России с зарубежными странами); β_0 — константа; t — время.

В ходе расчетов предполагается расчет суммарной оценки влияния ВТО ($WTOexpboth$), включающей влияние одностороннего ($WTOexp$) и обоюдного ($WTOboth$) участия стран в данном глобальном формате на торговлю между ними. Для получения корректных торговых эффектов интеграционных соглашений и «фактора» ВТО введение параметра $INTL$ в модель (1) объясняется необходимостью контроля общей тенденции роста международной торговли или «эффектов глобализации» [39; 40]. Соответственно, при исключении из модели (1) фиктивной переменной $INTL$ можно оценить воздействие на независимые переменные общей тенденции роста международной торговли, определяемой в том числе глобальной экономической конъюнктурой:

$$X_{ij,t} = \exp[p_{i,t} + \chi_{j,t} + m_{ij} + \beta_0 + \beta_1 WTOexp_{ij,t} + \beta_2 WTOboth_{ij,t} + \beta_3 FTA_{ij,t} + \beta_4 FTA(+)_ij,t + \beta_5 BIT_{ij,t} + \beta_6 SANCr_{ij,t} + \beta_7 SANCr_{zj,t} + \varepsilon_{ij,t}]. \quad (2)$$

Разница между эффектами в (1) и (2) отражает количественную оценку влияния общей тенденции роста международной торговли на суммарный товарооборот и торговлю сырьевыми и промышленными товарами России с зарубежными странами. Предполагается получение оценок как для всего периода (1995—2024), так и отдельно для периода эпизодичных (1995—2013), «локальных» (2014—2021) и широкомасштабных санкций (2022—2024).

Данные. Статистические данные за 1995—2024 гг. по торговле России с 211 странами и экономическими территориями мира в разрезе укрупненных товарных групп¹ были заимствованы из международных баз данных: UNCTAD², Всемирного банка³ и CEIC⁴. Статистика внутренней торговли России промышленными и сырьевыми товарами определялась как разница между стоимостными объемами произведенных данных товаров в национальной экономике и их экспортом [39]. В соответствии с рекомендациями по формированию массива данных торговли на отечественном рынке [37] стоимостной объем произведенных в России сырьевых

¹ Статистика по экспорту стран, отраженная в Международной стандартной торговой классификации (SITC), была переведена в классификацию ISIC на основе соответствующих ключей.

² UNCTADstat Data centre, 2025, URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 01.08.2025).

³ World Integrated Solution, 2025, *World Integrated Trade Solution (WITS)*, URL: <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения: 01.08.2025).

⁴ CEIC Data Global Database, 2025, URL: <https://info.ceicdata.com/en-products-global-database-ad> (дата обращения: 01.08.2025).

и промышленных товаров был собран из специальных баз статистических данных: UNIDO¹, CEPII² и FAO³. В ряде случаев статистика торговли и производства сырьевых товаров в базах данных (CEPII, FAO, CEIC, UNCTAD) отражалась исключительно в физических объемах, а для приведения ее к стоимостным объемам были использованы средние цены на сырьевые товары на глобальном и российском рынках. Разделение массива внешней и внутренней торговли на потоки сырьевых и промышленных товаров проводилось на основе товарной классификации ISIC (прил., табл. А.4).

В исследовании оценивались фиктивные переменные, отражающие участие стран в ВТО, в интеграционных и кооперационных соглашениях. На основе базы данных ВТО⁴ к поверхностным интеграционным соглашениям в формате ЗСТ (*FTA*), которые охватывали только торговлю товарами, были отнесены вступившие в силу все существующие и ранее существовавшие двусторонние соглашения о свободной торговле между Россией и зарубежными странами, которые входили в СНГ, а также с Сербией (см. табл. 1). К продвинутым интеграционным соглашениям (*FTA+*) были отнесены: ТС в рамках ЕАЭС; ЗСТ+ с Вьетнамом (см. табл. 1). К двусторонним инвестиционным соглашениям (*BIT*) России с зарубежными странами, на основе данных ООН⁵, были отнесены соглашения с экономиками (прил., табл. А.1). База данных ВТО⁶ показывает, что для *WTOexp* и *WTOboth* членство России в ВТО учитывалось с 2013 г., а для российских торговых партнеров, среди которых насчитывалось 164 страны — члена ВТО, — с года их присоединения к данной организации (прил., табл. А.2). Если на промежутке 1995—2024 гг. страна присоединилась к ВТО или подписанное ею торгово-экономическое соглашение с Россией (или России с зарубежной страной) вступило в силу в первом полугодии текущего года, то членство страны (России) в указанных форматах учитывалось в текущем году, если во втором полугодии — то в следующем.

В настоящем исследовании оценивалось влияние на внешнюю торговлю России следующих направлений санкционных ограничений (прил., табл. А.3): 1) санкции, которые были введены Россией против зарубежных стран (*SANCru*); 2) санкции зарубежных стран, которые были введены против российской экономики (*SANCz*). Источником информации указанных санкций являлась GSDB. В качестве фиктивных переменных *SANCru* и *SANCz* учитывались любые санкционные ограничения, введенные Россией против зарубежных стран и наоборот⁷, — по аналогии с выполненными в данном русле исследованиями других авторов [18]. Следует отметить, что данные ограничения в подавляющем большинстве были торговыми санкциями, к которым не относились инициированные Россией финансовые санкции против

¹ UNIDO Statistics. URL: <https://stat.unido.org/> (дата обращения: 01.08.2025).

² CEPII Database, 2025, URL: http://www.cepii.fr/CEPII/en/bdd_modele/bdd_modele.asp (дата обращения: 01.08.2025).

³ FAOSTAT, 2025, URL: <https://www.fao.org/statistics/en/> (дата обращения: 01.08.2025).

⁴ Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force, 2025, *WTO Regional Trade Agreements Database*, URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: 01.08.2025).

⁵ International Investment Agreements Navigator, 2025, *UNCTAD*, URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/by-economy> (дата обращения: 01.08.2025).

⁶ Members and Observers, 2025, *WTO*, URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (дата обращения: 01.08.2025).

⁷ В GSDB выделяются шесть видов санкций: торговые санкции; финансовые санкции; санкции на поездки; санкции на поставки оружия; санкции на оказание военной помощи; прочие санкции.

Киргизии в 2020 г. и санкции на поездки против Новой Зеландии с 2022 г.; введенные Грузией против России прочие санкции в 2008—2011 гг. и финансовые санкции Новой Зеландии в 2014—2021 гг.

Описательная статистика массива данных представлена в таблице 2.

Таблица 2

Описательная статистика используемого массива данных

Переменная	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
X (торговля, всего), долл.	2,72E + 09	3,78E + 10	0	1,27E + 12
X (торговля сырьевыми товарами), долл.	1,16E + 09	1,39E + 10	0	4,99E + 11
X (торговля промышленными товарами), долл.	1,56E + 09	2,44E + 10	0	7,68E + 11
WTO_{exp}	0,555	0,497	0	1
WTO_{both}	0,306	0,461	0	1
$FTA(+)$	0,007	0,085	0	1
FTA	0,048	0,213	0	1
BIT	0,229	0,420	0	1
SAN_{Cru}	0,070	0,255	0	1
SAN_{Cz}	0,071	0,256	0	1
$INTL$	0,998	0,049	0	1

Результаты оценки

Расчеты (1) и (2) показали наличие асимптотически несмещенных оценок для суммарной российской внешней торговли, а также для сырьевых и промышленных товаров как для всего периода (табл. 3), так и по отдельным периодам (1995—2013; 2014—2021; 2022—2024) (прил., табл. А.5).

Таблица 3

Результаты оценки моделей (1) и (2)

Переменная	Всего, β		Сырьевые товары, β		Промышленные товары, β	
	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)
$FTA+$	0,89** (0,36)	0,79** (0,31)	0,87* (0,51)	0,70* (0,41)	0,94*** (0,31)	0,91*** (0,31)
FTA	0,90** (0,36)	0,95** (0,37)	0,99** (0,49)	1,08** (0,54)	0,84*** (0,31)	0,89*** (0,34)
BIT	-0,24 (0,23)	-0,33 (0,30)	-0,30 (0,27)	-0,42 (0,37)	-0,19 (0,21)	-0,26 (0,28)
WTO_{exp}	0,13* (0,08)	0,09* (0,05)	0,32** (0,13)	0,16** (0,07)	0,07* (0,03)	0,07* (0,03)
WTO_{both}	0,67*** (0,12)	0,42*** (0,08)	0,94*** (0,15)	0,57*** (0,09)	0,40** (0,15)	0,27** (0,10)
$WTO_{expboth}$	0,79*** (0,15)	0,51*** (0,08)	1,26*** (0,20)	0,73*** (0,08)	0,45*** (0,15)	0,34** (0,14)
SAN_{Cru}	-0,36** (0,18)	-0,37** (0,18)	-0,41*** (0,12)	-0,42** (0,13)	-0,30 (0,22)	-0,32 (0,24)
SAN_{Cz}	-0,99*** (0,19)	-0,99*** (0,19)	-1,22*** (0,24)	-1,23*** (0,24)	-0,81*** (0,24)	-0,77*** (0,23)
$INTL_{1996}$	—	-0,54*** (0,14)	—	-0,93*** (0,25)	—	-0,26*** (0,04)

Окончание табл. 3

Переменная	Всего, $\hat{\beta}$		Сырьевые товары, $\hat{\beta}$		Промышленные товары, $\hat{\beta}$	
	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)
$INTL_{2000}$	—	-0,72*** (0,04)	—	-0,95*** (0,17)	—	-0,89*** (0,17)
$INTL_{2004}$	—	-0,17*** (0,05)	—	-0,56*** (0,15)	—	-0,14*** (0,06)
$INTL_{2008}$	—	-0,25** (0,11)	—	-0,53** (0,24)	—	-0,003 (0,01)
$INTL_{2012}$	—	-0,38** (0,17)	—	-0,57** (0,26)	—	-0,25*** (0,08)
$INTL_{2016}$	—	-0,16 (0,14)	—	-0,06 (0,05)	—	-0,25*** (0,04)
$INTL_{2020}$	—	-0,06 (0,10)	—	-0,04 (0,07)	—	-0,02 (0,14)
Константа	18,10*** (0,49)	7,23*** (0,36)	3,59** (1,36)	8,36*** (0,25)	8,72*** (0,82)	23,30*** (0,70)
Pseudo log-likelihood	-5,2e+11	-5,1e+11	-3,7e+11	-3,6e+11	-2,8e+11	-2,5e+11
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99
RESET-test	0,01	0,03	0,01	0,02	0,01	0,06
Количество наблюдений	3272		3104		3208	

Примечания: *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,10$. В скобках указаны значения стандартных ошибок; для коррекции автокорреляции при использовании процедуры Ньюи — Уэста проведена кластеризация стандартных ошибок по взаимодействующим парам стран; $INTL$ отражает значения торговых барьеров, для которых 2024 г. является базовым; для упрощения получения оценок использованы интервальные значения панельных данных (5 лет).

По сравнению с 2024 г. торговые барьеры ($INTL$) между Россией и зарубежными странами сокращались до первой половины 2010-х гг., что основывалось на снижении данных барьеров в рамках торговли сырьевыми товарами. Далее статистическая незначимость торговых барьеров может быть связана с тем, что увеличение данных барьеров для России с одними странами происходило на фоне их снижения с другими зарубежными экономиками.

На основании полуэластичностей независимых переменных были рассчитаны их среднее изменение и тарифный эквивалент как для рассматриваемых временных периодов, так и для укрупненных товарных групп (табл. 4).

Таблица 4

Среднее изменение и тарифный эквивалент переменных в (1) и (2)

Переменная	Всего			Сырьевые товары			Промышленные товары		
	(2) Δ /Т.Е.	(1) Δ /Т.Е.	$\Delta(2)-(1)$	(2) Δ /Т.Е.	(1) Δ /Т.Е.	$\Delta(2)-(1)$	(2) Δ /Т.Е.	(1) Δ /Т.Е.	$\Delta(2)-(1)$
$FTA+_{1995-2024}$	143/ -36	120/ -33	23	138/ -35	101/ -29	37	156/ -38	149/ -37	7
$FTA+_{2014-2021}$	63/ -22	45/ -17	18	—	—	—	74/ -24	83/ -26	-9

Окончание табл. 4

Переменная	Всего			Сырьевые товары			Промышленные товары		
	(2) Δ/Т.Е.	(1) Δ/Т.Е.	Δ(2)–(1)	(2) Δ/Т.Е.	(1) Δ/Т.Е.	Δ(2)–(1)	(2) Δ/Т.Е.	(1) Δ/Т.Е.	Δ(2)–(1)
$FTA^+_{2022-2024}$	164/ –38	145/ –36	19	174/ –40	103/ –30	71	172/ –39	224/ –44	–52
$FTA_{1995-2024}$	145/ –36	158/ –38	–13	170/ –39	193/ –41	–23	131/ –34	144/ –36	–13
$FTA_{1995-2013}$	82/ –26	86/ –27	–3	75/ –24	83/ –26	–9	89/ –28	86/ –27	3
$FTA_{2014-2021}$	146/ –36	157/ –38	–11	232/ –45	151/ –37	81	81/ –26	161/ –38	–80
$FTA_{2022-2024}$	152/ –37	172/ –39	–19	147/ –36	200/ –42	–53	132/ –34	171/ –39	–39
$WTOexp_{1995-2024}$	13/ –6	9/ –4	4	37/ –15	17/ –8	20	7/ –3	7/–3	0
$WTOexp_{1995-2013}$	14/ –6	15/ –7	–1	62/ –22	59/ –21	2	2/ –1	—	2
$WTOexp_{2014-2021}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—
$WTOexp_{2022-2024}$	—	—	—	—	—	—	—	52/–19	–52
$WTOboth_{1995-2024}$	95/ –28	52/ –19	43	156/ –38	77/ –25	79	49/ –18	31/–13	18
$WTOboth_{2014-2021}$	54/ –19	40/ –16	14	154/ –37	49/ –18	106	11/ –5	—	11
$WTOboth_{2022-2024}$	254/ –47	227/ 45	27	477/ –58	338/ –52	139	123/ –33	152/ –37	–28
$WTOexpboth_{1995-2024}$	121/ –33	67/ –23	54	252/ –47	107/ –30	145	57/ –20	41/ –16	16
$WTOexpboth_{2014-2021}$	72/ –24	20/ –9	52	132/ –34	—	132	—	35/ –21	–35
$WTOexpboth_{2022-2024}$	293/ –50	160/ –38	133	350/ –53	84/ –26	266	283/ –49	181/ –40	102
$SANCru_{1995-2024}$	–30/ 20	–31/ 20	1	–33/ 23	–34/ 23	1	—	—	—
$SANCru_{1995-2013}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—
$SANCru_{2014-2021}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—
$SANCru_{2022-2024}$	–75/ 98	–75/ 100	0	–73/ 93	–74/ 96	1	–77/ 108	–75/ 101	–2
$SANCz_{1995-2024}$	–63/ 64	–63/ 64	0	–71/ 84	–71/ 84	0	–55/ 50	–54/47	–1
$SANCz_{1995-2013}$	106/ –30	96/ –28	11	197/ –42	176/ –40	21	46/ –17	37/ –15	9
$SANCz_{2014-2021}$	–47/38	–50/ 42	3	–48/ 39	–48/ 39	0	–51/ 43	–51/43	0
$SANCz_{2022-2024}$	–83/ 141	–83/ 139	0	–89/ 201	–88/ 194	–1	–74/ 96	–76/ 102	2

Примечания. Среднее изменение показателя в % рассчитано следующим способом: $\Delta = [e^{\hat{\beta}} - 1] \cdot 100\%$, а изменение тарифного эквивалента показателя в п. п. — Т.Е. = $[e^{\hat{\beta}/(1-\theta)} - 1] \cdot 100$, где параметр эластичности замещения между отечественными и зарубежными товарами (θ) равен трем [41]. $\Delta(2) - (1)$ — разница между эффектами, полученными в моделях (1) и (2), отражающая количественную оценку влияния общей тенденции роста международной торговли. «—» — отсутствие возможности оценить среднее изменение и тарифный эквивалент независимых переменных по причине их статистической незначимости. Расчет Δ и Т.Е. производился на основе оценок, представленных в таблицах 3 и А.5. Переменная BIT не отражена по причине ее статистической незначимости.

Оценки относительно воздействия санкций на торговлю за 1995—2024 гг., во-первых, показали, что сдерживающее влияние санкций, инициированных российской стороной, на внешнюю торговлю России было заметно меньшим по сравнению с санкциями зарубежных стран против российской экономики; во-вторых, выявили в целом инвариантное воздействие общей тенденции роста международной торговли на негативное влияние санкций, поскольку значения полуэластичностей данных факторов были в целом аналогичными соответствующим значениям (2).

В результате санкции, инициированные Россией, снижали ее товарооборот с подсанкционными зарубежными странами в 1995—2024 гг. на 31 %, причем только в рамках товарообмена сырьевыми товарами (на 34 %). При этом статистически значимое негативное влияние данных ограничений наблюдалось в период широкомасштабных санкций, которые способствовали снижению товарооборота России с подсанкционными странами на 75 % (сырьевыми товарами — на 74 %, промышленной продукцией — на 75 %), что было равнозначно увеличению барьеров в тарифном эквиваленте на 100, 96 и 101 п.п. соответственно.

В свою очередь, санкции, инициированные зарубежными странами против России, способствовали снижению их товарооборота с российской экономикой в 1995—2024 гг. на 63 % (сырьевые товары — на 71 %; промышленные товары — на 54 %). Оценки указали на отсутствие негативного влияния эпизодических санкций (1995—2013) со стороны зарубежных стран (Грузия и Украина) на внешнюю торговлю России с этими экономиками, отражая скорее условный характер данных ограничений. Однако введенные впоследствии против России санкции со стороны западных стран оказывали статистически значимое негативное влияние на российскую торговлю. Так, «локальные» санкции (2014—2021) способствовали снижению товарооборота России с санкционирующими странами на 50 % (сырьевые товары — на 48 %; промышленные товары — на 51 %). Самое сильное негативное воздействие на российскую торговлю, как и ожидалось, исходило от широкомасштабных санкций (2022—2024), инициированных западными странами, которые снизили товарооборот России с ними на 83 % (сырьевые товары — на 88 %; промышленные товары — на 76 %), что в тарифном эквиваленте составило 139, 194 и 102 п.п. соответственно, отражая «жесткость» данных ограничений, проявляющихся в создании запретительных барьеров в торговле.

В таких условиях важно понимать, способствовало ли участие России в интеграционных форматах увеличению российской внешней торговли, особенно в условиях санкций с западными странами¹. Заключенные Россией инвестиционные соглашения (*BIT*) не оказывали статистически значимого воздействия на ее внешнюю торговлю в отличие от глобальной экономики [3], по всей видимости, в результате высоких рисков для притока прямых инвестиций в российскую экономику. При этом в 1995—2024 гг. торговые соглашения (*FTA* и *FTA+*), участие России и ее стран — торговых партнеров в ВТО (*WTOexpboth*) действительно стимулировали российскую внешнюю торговлю.

В 1995—2024 гг. продвинутые торговые соглашения (*FTA+*) способствовали большему расширению торговли промышленными, а не сырьевыми товарами, в отличие от поверхностных торговых соглашений (*FTA*), в которых участвовала Россия. Следует заметить, что снижение барьеров между Россией, странами ЕАЭС и Вьетнамом в рамках заключенных продвинутых торговых соглашений (*FTA+*), связанных с облегчением доступа на рынки капитала и частично — труда, способствовало сопоставимому увеличению торговли промышленными товарами по сравне-

¹ Причем в данном случае речь не идет о полной компенсации негативных последствий санкций с «западными» странами, которые были основными торговыми партнерами России, а лишь о поддержке российских внешнеторговых взаимодействий, особенно в непростых геополитических условиях.

нию с поверхностными торговыми соглашениями (*FTA*). При этом в 1995—2024 гг. для торговли сырьевыми товарами эффект поверхностных торговых соглашений почти в два раза превышал соответствующий эффект от продвинутых торговых соглашений.

Однако важным аспектом является то, что в условиях широкомасштабных санкций (2022—2024) участие России в продвинутых торговых соглашениях со странами ЕАЭС и Вьетнамом способствовало еще большему увеличению товарооборота с ними по сравнению с торговлей с другими экономиками, особенно заметно — продукцией обрабатывающей промышленности (всего — на 145 %; сырьевые товары — на 103 %; промышленные товары — на 224 %). В свою очередь, поверхностные торговые соглашения (*FTA*) во время широкомасштабных санкций способствовали росту товарооборота России со странами, входящими в данный интеграционный формат, на 172 % (сырьевые товары — на 171 %; промышленные товары — на 200 %). Данное обстоятельство указывает на то, что в условиях широкомасштабных санкций внешняя торговля России стала отклоняться в пользу созданных интеграционных форматов¹.

Участие России и ее стран — торговых партнеров в ВТО (*WTOexpboth*) в 1995—2024 гг. способствовало увеличению взаимной торговли на 67 % (сырьевые товары — на 107 %; промышленные товары — на 41 %), то есть эффект от ВТО был сравнительно ниже, чем от заключенных торговых соглашений. Однако следует принять во внимание, что Россия главным образом торговала со странами, с которыми не были заключены торговые соглашения, но которые, в свою очередь, были членами ВТО. По этой причине в контексте интеграционных процессов участие России в ВТО было основным источником расширения ее товарооборота, особенно в условиях широкомасштабных санкций, способствуя наращиванию торговли на 160 % (сырьевыми товарами — на 84 %, промышленными товарами — на 181 %).

Полученные оценки также позволили декомпозировать общее влияние ВТО на торговлю России на эффект от одностороннего участия и эффект от двустороннего или обоюдного участия России и ее торговых партнеров в данном глобальном интеграционном формате. Эффект двустороннего участия в ВТО (*WTOboth* — прямой эффект) отражает непосредственное влияние членства России в данном формате на ее торговлю со странами — участницами этой глобальной организации. Прямой эффект ВТО для торговли России в 1995—2024 гг. был положительным, способствуя расширению ее товарооборота на 52 % (сырьевые товары — на 77 %; промышленные товары — на 31 %). В условиях широкомасштабных санкций (2022—2024) прямой эффект ВТО стимулировал рост торговли России от членства в данном формате на 227 % (сырьевыми товарами — на 338 %, промышленными товарами — на 152 %).

В свою очередь, эффект одностороннего участия в ВТО (*WTOexp* — косвенный эффект) отражает опосредованное влияние данного формата на торговлю России с точки зрения создания сравнительно безбарьерной среды для обмена товарами между странами — участницами данной организации. Оценки указали на проявление косвенного эффекта ВТО для России, который способствовал увеличению российской торговли в 1995—2024 гг. на 9 % (сырьевые товары — на 17 %; промышленные товары — на 7 %). В условиях широкомасштабных санкций косвенный эффект ВТО стимулировал рост торговли России только промышленными товарами — на 52 %.

По сравнению с прямым эффектом косвенное влияние ВТО на российскую внешнюю торговлю в 1995—2024 гг. был почти в шесть раз меньше, указывая на большую важность вступления России в данную международную организацию для целей стимулирования товарооборота с зарубежными странами, поскольку в про-

¹ Нельзя исключать, что увеличение поставок промышленных товаров на российский рынок из данных стран связано с расширением «параллельного» импорта продукции обрабатывающей промышленности.

тивном случае эффект не был бы столь заметным. Объединенная оценка проявления косвенного и прямого воздействия ВТО (*WTOexpboth*) в 1995—2024 гг. на внешнюю торговлю России указала на возникновение дополнительного положительного торгового эффекта (что соотносится с оценками, выполненными для глобальной экономики [38]), который тем не менее в условиях широкомасштабных санкций не проявился.

В 1995—2024 гг. общая тенденция роста международной торговли, в том числе основанная на глобальной экономической конъюнктуре, способствовала как увеличению положительного влияния интеграционных соглашений на внешнюю торговлю России в случае *FTA+*, а также членства в ВТО (на 23 и 54 п.п. соответственно), так и подавлению — в случае *FTA* (на 13 п.п.). Поддержание внешней торговли России осуществлялось со странами — членами ВТО в 1995—2024 гг. на основе роста международной торговли, позволившей увеличить оборот сырьевых товаров на 145 п.п. В условиях широкомасштабных санкций общая тенденция роста международной торговли способствовала стимулированию внешней торговли России в случае *FTA+* на 19 п.п. (только сырьевыми товарами) и в случае *FTA* — подавлению на 19 п.п. При этом в 2022—2024 гг. общая тенденция роста международной торговли стимулировала товарообмен России со странами ВТО на 133 п.п. (сырьевыми товарами — на 266 п.п., промышленными товарами — на 102 п.п.).

Заключение

Массовый экспорт сырьевых товаров и удовлетворение инвестиционного и потребительского спроса за счет импорта промышленных товаров показывает, что в долгосрочном периоде торговля с зарубежными странами для российской экономики имеет большое значение. Несмотря на то что в 1995—2024 гг. российская интеграционная политика с зарубежными странами была довольно осторожной, Россия стала полноправной участницей ВТО, создала интеграционные форматы (поверхностные — с рядом постсоветских стран и Сербией; продвинутые — со странами ЕАЭС и Вьетнамом), а также заключила двусторонние инвестиционные соглашения с зарубежными странами. В связи с внешнеполитическим противостоянием с западными странами за последнее десятилетие на российскую экономику были наложены одни из самых жестких в мире санкций, негативно повлиявших на внешнюю торговлю России.

На основе полученных оценок был выявлен общий негативный эффект санкций на товарообмен России, особенно широкомасштабных ограничений, заметно сокративших российский товарооборот с санкционирующими западными странами в 2022—2024 гг., причем в большей мере — сырьевых товаров. Обнаружено большее сдерживающее влияние санкций, в том числе широкомасштабных, инициированных зарубежными странами против России, на ее внешнюю торговлю по сравнению с введенными российской стороной ограничениями на подсанкционные страны как в случае сырьевых, так и промышленных товаров. Данное обстоятельство указывает на то, что Россия не обладала широкими возможностями в реализации встречного соразмерного санкционного давления на зарубежные страны, вероятно, по причине специфики структуры национальной экономики, экспортирующей главным образом углеводородное сырье. В условиях санкций увеличение торговых барьеров для России с одними странами происходило на фоне их снижения с другими зарубежными экономиками. Также исследование выявило отсутствие компенсирующего воздействия общей тенденции роста международной торговли на негативный эффект санкций на товарообмен России с зарубежными странами.

Обнаружено инвариантное воздействие двусторонних инвестиционных соглашений на российскую внешнюю торговлю. При этом торговые соглашения и участие в ВТО стимулировали внешнюю торговлю России в рассматриваемом долго-

срочном периоде, но особенно заметно — в условиях широкомасштабных санкций. Установлено, что при общем долгосрочном позитивном влиянии на внешнюю торговлю России продвинутые торговые соглашения стимулировали большее расширение товарообмена промышленными, чем сырьевыми товарами, в отличие от поверхностных торговых соглашений. В условиях широкомасштабных санкций российская внешняя торговля стала отклоняться в пользу созданных интеграционных форматов, наблюдалось нарастание позитивного влияния продвинутых и поверхностных торговых соглашений, а также участия в ВТО на российскую внешнюю торговлю, особенно — на товарообмен промышленными товарами. В долгосрочном периоде и в условиях широкомасштабных санкций общая тенденция роста международной торговли способствовала как увеличению положительного воздействия на внешнюю торговлю России продвинутых торговых соглашений и членства в ВТО, так и подавлению — в случае поверхностных торговых соглашений. При этом было определено, что общая тенденция роста международной торговли в 2022—2024 гг. стимулировала товарооборот России со странами ВТО преимущественно сырьевыми товарами.

Сопоставительный анализ эффектов показал, что смещение торговли в пользу стран — членов ВТО, а также тенденция роста международной торговли¹ позволили в некоторой степени смягчить негативное влияние широкомасштабных санкций западных стран на российскую внешнюю торговлю, а интеграционные форматы, заключенные Россией с некоторыми странами, играли только «дополнительную» стимулирующую роль в данном процессе. Важно отметить, что в рамках рассматриваемого периода ВТО создавала «общий фон» для снижения торговых барьеров в глобальной экономике, стимулируя внешнеторговые взаимодействия России и тем самым способствуя скорее сырьевой ориентации российского экспорта. Однако в условиях широкомасштабных санкций наблюдалось смещение российской торговли в пользу других стран, являющихся членами ВТО, при стимулировании торговли в большей степени промышленными товарами, которые представляли собой преимущественно импорт. Также во время широкомасштабных санкций тенденция роста международной торговли позволила несколько смягчить негативное влияние данных ограничений на российскую внешнюю торговлю, главным образом за счет экспорта сырьевых товаров из России. При этом для России ни в рамках долгосрочного периода, ни в условиях широкомасштабных санкций расширение продвинутых интеграционных соглашений с зарубежными странами не было основой ее внешнеэкономической политики, которая строилась, по всей видимости, на доминировании на сырьевых рынках, а также сравнительно жестком регулировании импортных поставок на отечественный рынок, в том числе для поддержания положительного внешнеторгового баланса. Проведенное исследование указывает на необходимость расширения интеграционных форматов России в пользу дружественных стран для реализации одного из способов расширения экспорта и диверсификации рисков нарастания санкционного давления со стороны западных стран в случае снижения или даже исчерпания положительного влияния членства в ВТО и ценовой конъюнктуры на глобальном сырьевом рынке на российскую внешнюю торговлю.

Список литературы

1. Baldwin R., Ruta, M. (eds.), 2025, *The State of Globalisation*, CEPR Press, International Monetary Fund, 105 p., URL: https://cepr.org/system/files/publication-files/255049-the_state_of_globalisation.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹ Понимаемая в данном случае как позитивная (для российской экономики) ценовая конъюнктура на глобальном сырьевом рынке.

2. Афонцев, С. А. 2020, Политика и экономика торговых войн, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 1 (45), с. 193—198, EDN: TTTI WV, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-9>
3. Larch, M., Yotov, Y. V. 2023, Deep Trade Agreements and FDI in Partial and General Equilibrium: A Structural Estimation Framework, *Policy Research Working Papers* art. № 10338, <https://doi.org/10.1596/1813-9450-10338>
4. Larch, M., Yotov, Y. V. 2024, Regional Trade Agreements: What Do We Know and What Do We Miss? *FIW Policy Brief series 64*, *FIW*, URL: https://www.fiw.ac.at/wp-content/uploads/2024/10/64_FIW_PB_LarchYotov.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
5. Tobin, J. L., Busch, M. L. 2010, A BIT Is Better Than a Lot: Bilateral Investment Treaties and Preferential Trade Agreements, *World Politics*, vol. 62, № 1, p. 1—42, <https://doi.org/10.1017/S0043887109990190>
6. Morgan, T. C., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2023, Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 37, № 1, p. 3—30, EDN: RZIYXN, <https://doi.org/10.1257/jep.37.1.3>
7. Тимофеев, И. Н., Гаврилова, С. М., Чуприянова, П. И., Растегаев, Д. О. (ред.). 2024, *Политика санкций: понятие, институты, практика*, № 11, Российский совет по международным делам (РСМД), Москва, 96 с., EDN: XDDQER, URL: https://mgimo.ru/upload/2025/04/politika-sanktsiy.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 01.08.2025).
8. Qiao, C. 2024, Financial risks and economic costs of trade sanctions, *Finance Research Letters*, vol. 69, art. № 106113, <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.106113>
9. Engelbrecht, H.-J., Pearce, C. 2007, The GATT/WTO has promoted trade, but only in capital-intensive commodities!, *Applied Economics*, vol. 39, № 12, p. 1573—1581, <https://doi.org/10.1080/00036840600592874>
10. Dai, M., Yotov, Y. V., Zylkin, T. 2014, On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements, *Economic Letters*, vol. 122, № 2, p. 321—325, <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.12.024>
11. Borchert, I., Larch, M., Shikher, S., Yotov, Y. 2021, The International Trade and Production Database for Estimation (ITPD-E), *International Economics*, № 166, p. 140—166, <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2020.08.001>
12. Campos, R. G., Larch, M., Timini, J., Vidal Muñoz, E., Yotov, Y. V. 2024, Does the WTO Promote Trade? A Meta-Analysis, *Banco de Espana Working Paper*, art. № 2427, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4958747>
13. Larch, M., Shikher, S., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2022, Quantifying the impact of economic sanctions on international trade in the energy and mining sectors, *Economic Inquiry*, vol. 60, № 3, p. 1038—1063, <https://doi.org/10.1111/ecin.13077>
14. Ghomi, M. 2022, Who is afraid of sanctions? The macroeconomic and distributional effects of the sanctions against Iran, *Economics and Politics*, vol. 34, № 3, p. 395—428, EDN: ORJJYJ, <https://doi.org/10.1111/ecpo.12203>
15. Syropoulos, C., Felbermayr, G., Kirilakha, A., Yalcin, E., Yotov, Y. V. 2024, The global sanctions data base—Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 12—48, <https://doi.org/10.1111/roie.12691>
16. van Bergeijk, P. A. G. (eds.), 2021, *Research Handbook on Economic Sanctions*, Edward Elgar Publishing, 496 p., URL: <https://www.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781839102714/9781839102714.xml> (дата обращения: 01.08.2025).
17. Chupilkin, M., Javorcik, B., Peeva, A., Plekhanov, A. 2025, Economic Sanctions and Intermediated Trade, *AEA Papers and Proceedings*, vol. 115, p. 568—572, <https://doi.org/10.1257/pandp.20251083>
18. Caruso, R., Cipollina, M. 2025, The effect of economic sanctions on world trade of mineral commodities. A gravity model approach from 2009 to 2020, *Resources Policy*, № 105, art. № 105574, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2025.105574>
19. Кузык, М. Г., Симачев, Ю. В. 2025, Особенности реагирования зарубежных стран на масштабные санкции: есть ли уроки для изучения?, *Вопросы экономики*, № 10, с. 5—27, EDN: OKRJOZ, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-10-5-27>

20. Lee, C.-S., Song, B. 2008, Economic Effects of Russia's Trade Liberalization: Russia's WTO Accession and FTAs with EU and Korea, *East Asian Economic Review*, vol. 12, № 1, p. 251—284, <https://dx.doi.org/10.11644/KIEP.JEAL.2008.12.1.186>
21. Cristea, A. D., Miromanova, A. 2022, Firm-level trade effects of WTO accession: Evidence from Russia, *Review of International Economics*, vol. 30, № 1, p. 237—281, <https://doi.org/10.1111/roie.12565>
22. Rasoulinezhad, E. 2018, A new evidence from the effects of Russia's WTO accession on its foreign trade, *Eurasian Economic Review*, vol. 8, № 1, p. 73—92, <https://doi.org/10.1007/s40822-017-0081-1>
23. Аржаев, Ф. И. 2024, Зоны свободной торговли как инструмент содействия российскому экспорту: оценка эффектов, *Российский внешнеэкономический вестник*, № 7, с. 94—102, EDN: OKWEJT, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-7-94-102>
24. Мазырин, В. М. 2024, Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом: ожидания и реальность, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 17, № 3, с. 128—148, EDN: XQFFNE, <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.03.07>
25. Ушкалова, Д. И. 2017, Интеграционные модели Евразийского экономического союза и зоны свободной торговли СНГ в контексте мирового опыта, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 100—111, EDN: ZWGUPL
26. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. 2022, Россия в условиях санкций: пределы адаптации, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 52—67, EDN: UJYCYG, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
27. Rühl, C. 2022, Energy sanctions and the global economy: mandated vs unilateral sanctions, *International Economics and Economic Policy*, vol. 19, № 2, p. 383—399, <https://doi.org/10.1007/s10368-022-00542-9>
28. Flach, L., Heiland, I., Larch, M., Steininger, M., Teti, F. A. 2024, Quantifying the partial and general equilibrium effects of sanctions on Russia, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 281—323, <https://doi.org/10.1111/roie.12707>
29. Гордеев, Р. В., Пыжев, А. И. 2023, Лесная промышленность России в условиях санкций: потери и новые возможности, *Вопросы экономики*, № 4, с. 45—66, EDN: TQKHXQ, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66>
30. Землянский, Д. Ю., Чуженькова, В. А. 2025, Производственная зависимость от импорта в регионах России после 2022 года, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 1 (66), с. 282—290, EDN: OYFRAB, https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_282-290
31. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. 2023, Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 26—42, EDN: EMOCKG, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_26_42
32. Чернявский, А. В., Чепель, А. А. 2025, Оценка влияния экспортных и импортных санкций на российскую экономику с использованием таблиц «затраты-выпуск», *Вопросы экономики*, № 3, с. 29—47, EDN: VLHMCM, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-3-29-47>
33. Смирнов, Е. Н. 2023, Эскалация антироссийских санкций и ее последствия для глобальной экономики, *Российский внешнеэкономический вестник*, № 2, с. 80—93, EDN: FFIQXX, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-80-93>
34. Ушкалова, Д. И. 2022, Внешняя торговля России в условиях санкционного давления, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3 (55), с. 218—226, EDN: OGZSKI, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
35. Gutmann, J., Neuenkirch, M., Neumeier, F. 2024, Do China and Russia undermine Western sanctions? Evidence from DiD and event study estimation, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 132—160, <https://doi.org/10.1111/roie.12716>
36. Dabrowski, M., Avdasheva, S. 2023, Sanctions and Forces Driving to Autarky, in: Dabrowski, M. (eds.), *The Contemporary Russian Economy*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 271—288, https://doi.org/10.1007/978-3-031-17382-0_14
37. Yotov, Y. V., Piermartini, R., Monteiro, J.-A., Larch, M. 2016, *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*, United Nations and World Trade Organization, URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtoundad2016_e.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

38. Larch, M., Piermartini, R., Yotov, Y. V. 2019, On the Effects of GATT/WTO Membership on Trade: They are Positive and Large After All, *WTO working paper*, № ERSD-2019-09, URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201909_e.htm (дата обращения: 01.08.2025).

39. Bergstrand, J. H., Larch, M., Yotov, Y. V. 2015, Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in Gravity Equations, *European Economic Review*, № 78, p. 307—327, <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.06.003>

40. Egger, P. H., Larch, M., Yotov, Y. V. 2022, Gravity Estimations with Interval Data: Revisiting the Impact of Free Trade Agreements, *Economica*, vol. 89, № 353, p. 44—61, <https://doi.org/10.1111/ecca.12394>

41. Изотов, Д. А. 2022, Торговля России со странами Восточной Азии: сравнительные издержки и потенциал, *Пространственная экономика*, т. 18, № 3, с. 17—41, EDN: PQYCSR, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.3.017-041>

42. Wellhausen, R. L., Peinhardt, C. 2025, Adjudicating while Fighting: Political Implications of the Ukraine-Russia Bilateral Investment Treaty, *Perspectives on Politics*, p. 1—13, <https://doi.org/10.1017/S1537592724002809>

Об авторе

Дмитрий Александрович Изотов, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

E-mail: izotov@ecrin.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

RUSSIA'S FOREIGN TRADE IN RAW MATERIALS AND INDUSTRIAL GOODS: THE IMPACT OF INTEGRATION AGREEMENTS AND SANCTIONS

D. A. Izotov

Economic Research Institute of the Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,
153 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russia

Received 08 October 2025
Accepted 19 November 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-5
© Izotov, D. A. 2025

The aim of this study is to evaluate the impact of integration agreements and sanctions on Russia's foreign trade in raw materials and industrial goods. Using international statistical data for 1995—2024 from UNCTAD, the World Bank, CEIC, UNIDO, CEPII, FAO, WTO, and GSDB, and applying a gravity model that controls for globalization effects, the study assesses the potential for stimulating Russia's foreign trade through WTO membership and participation in trade and cooperation agreements under conditions of sanction constraints.

To cite this article: Izotov, D. A. 2025, Russia's foreign trade in raw materials and industrial goods: the impact of integration agreements and sanctions, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 84—106. doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-5

The results of the analysis demonstrate an overall negative impact of sanctions on Russia's trade, with large-scale restrictive measures exerting the most pronounced effect, substantially reducing trade with Western countries that imposed sanctions in 2022–2024. The influence of investment agreements on Russia's foreign trade is found to be invariant. Although advanced (deep) trade agreements, in contrast to shallow ones, have a generally positive long-term effect on trade, they stimulate expansion in industrial goods to a greater extent than in raw materials. The positive impact of both advanced and shallow trade agreements, as well as WTO membership, on Russia's foreign trade, particularly in industrial goods, shows a strengthening trend over time. In addition, the overall growth of international trade in 2022–2024 contributed to the expansion of Russia's trade with WTO member countries, primarily in raw materials. Comparative analysis indicates that the reorientation of trade towards WTO members, together with the recovery of global trade, helped mitigate the negative effects of large-scale sanctions imposed by Western countries, while Russia's advanced and shallow trade agreements played a supplementary stimulatory role in this process. These findings demonstrate the necessity of expanding Russia's integration frameworks with 'friendly' countries in the context of intensifying sanctions pressure from Western states.

Keywords:

trade, raw materials, industrial goods, WTO, free trade area, customs union, shallow and advanced integration agreements, bilateral investment agreement, sanctions, international trade, Russia

References

1. Baldwin R., Ruta, M. (eds.). 2025, *The State of Globalisation*, CEPR Press, International Monetary Fund, 105 p., URL: https://cepr.org/system/files/publication-files/255049-the_state_of_globalisation.pdf (accessed 01.08.2025).
2. Afontsev, S. A. 2020, Politics and economics of trade wars, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii Journal of the New Economic Association*, vol. 45, № 1, p. 193–198, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-9>
3. Larch, M., Yotov, Y. V. 2023, Deep Trade Agreements and FDI in Partial and General Equilibrium: A Structural Estimation Framework, *Policy Research Working Papers*, art. № 10338, <https://doi.org/10.1596/1813-9450-10338>
4. Larch, M., Yotov, Y. V. 2024, Regional Trade Agreements: What Do We Know and What Do We Miss?, *FIW Policy Brief series 64*, FIW, URL: https://www.fiw.ac.at/wp-content/uploads/2024/10/64_FIW_PB_LarchYotov.pdf (accessed 01.08.2025).
5. Tobin, J. L., Busch, M. L. 2010, A BIT Is Better Than a Lot: Bilateral Investment Treaties and Preferential Trade Agreements, *World Politics*, vol. 62, № 1, p. 1–42, <https://doi.org/10.1017/S0043887109990190>
6. Morgan, T. C., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2023, Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 37, № 1, p. 3–30, <https://doi.org/10.1257/jep.37.1.3>
7. Timofeev, I. N., Gavrilova, S. M., Chupriyanova, P. I., Rastegaev, D. O. (eds.). 2024, *Sanctions Policy: Concept, Institutions, Practice*, № 11, Russian International Affairs Council (RIAC), Moscow, 96 p. (in Russ.), URL: https://mgimo.ru/upload/2025/04/politika-sanktsiy.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 01.08.2025).
8. Qiao, C. 2024, Financial risks and economic costs of trade sanctions, *Finance Research Letters*, vol. 69, art. № 106113, <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.106113>
9. Engelbrecht, H.-J., Pearce, C. 2007, The GATT/WTO has promoted trade, but only in capital-intensive commodities!, *Applied Economics*, vol. 39, № 12, p. 1573–1581, <https://doi.org/10.1080/00036840600592874>
10. Dai, M., Yotov, Y. V., Zylkin, T. 2014, On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements, *Economic Letters*, vol. 122, № 2, p. 321–325, <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.12.024>
11. Borchert, I., Larch, M., Shikher, S., Yotov, Y. 2021, The International Trade and Production Database for Estimation (ITPD-E), *International Economics*, № 166, p. 140–166, <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2020.08.001>

12. Campos, R. G., Larch, M., Timini, J., Vidal Muñoz, E., Yotov, Y. V. 2024, Does the WTO Promote Trade? A Meta-Analysis, *Banco de Espana Working Paper*, art. № 2427, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4958747>
13. Larch, M., Shikher, S., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2022, Quantifying the impact of economic sanctions on international trade in the energy and mining sectors, *Economic Inquiry*, vol. 60, № 3, p. 1038—1063, <https://doi.org/10.1111/ecin.13077>
14. Ghomi, M. 2022, Who is afraid of sanctions? The macroeconomic and distributional effects of the sanctions against Iran, *Economics and Politics*, vol. 34, № 3, p. 395—428, <https://doi.org/10.1111/ecpo.12203>
15. Syropoulos, C., Felbermayr, G., Kirilakha, A., Yalcin, E., Yotov, Y. V. 2024, The global sanctions data base—Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 12—48, <https://doi.org/10.1111/roie.12691>
16. van Bergeijk, P. A. G. (eds.), 2021, *Research Handbook on Economic Sanctions*, Edward Elgar Publishing, 496 p., URL: <https://www.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781839102714/9781839102714.xml> (accessed 01.08.2025).
17. Chupilkin, M., Javorcik, B., Peeva, A., Plekhanov, A. 2025, Economic Sanctions and Intermediated Trade, *AEA Papers and Proceedings*, vol. 115, p. 568—572, <https://doi.org/10.1257/pandp.20251083>
18. Caruso, R., Cipollina, M. 2025, The effect of economic sanctions on world trade of mineral commodities. A gravity model approach from 2009 to 2020, *Resources Policy*, № 105, art. № 105574, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2025.105574>
19. Kuzyk, M. G., Simachev, Y. V. 2025, Features of countries' response to large-scale sanctions: Are there lessons to be learned?, *Voprosy Ekonomiki*, 2025, № 10, p. 5—27, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-10-5-27>
20. Lee, C.-S., Song, B. 2008, Economic Effects of Russia's Trade Liberalization: Russia's WTO Accession and FTAs with EU and Korea, *East Asian Economic Review*, vol. 12, № 1, p. 251—284, <https://dx.doi.org/10.11644/EIJP.JEAI.2008.12.1.186>
21. Cristea, A. D., Miromanova, A. 2022, Firm-level trade effects of WTO accession: Evidence from Russia, *Review of International Economics*, vol. 30, № 1, p. 237—281, <https://doi.org/10.1111/roie.12565>
22. Rasoulinezhad, E. 2018, A new evidence from the effects of Russia's WTO accession on its foreign trade, *Eurasian Economic Review*, vol. 8, № 1, p. 73—92, <https://doi.org/10.1007/s40822-017-0081-1>
23. Arzhaev, F. I. 2024, Free Trade zone as a tool to promote Russian exports: assessing effects, *Russian Foreign Economic Journal*, № 7, p. 94—102, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-7-94-102>
24. Mazyrin, V. M. 2024, The EAEU — Vietnam free trade agreement: expectations and reality, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 17, № 3, p. 128—148, <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.03.07>
25. Ushkalova, D. I. 2017, Integration models of the Eurasian economic union and the free trade zone of the cis in the context of international experience, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 100—111 (in Russ.).
26. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. 2022, Russia under sanctions: limits of adaptation, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 52—67 (in Russ.), https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
27. Rühl, C. 2022, Energy sanctions and the global economy: mandated vs unilateral sanctions, *International Economics and Economic Policy*, vol. 19, № 2, p. 383—399, <https://doi.org/10.1007/s10368-022-00542-9>
28. Flach, L., Heiland, I., Larch, M., Steininger, M., Teti, F. A. 2024, Quantifying the partial and general equilibrium effects of sanctions on Russia, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 281—323, <https://doi.org/10.1111/roie.12707>
29. Gordeev, R. V., Pyzhev, A. I. 2023, The timber industry in Russia under sanctions: Losses and opportunities, *Voprosy Ekonomiki*, 2023, № 4, p. 45—66, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66>

30. Zemlyanskii, D. Yu., Chuzhenkova, V. A. 2025, Production dependence on import in the Russian regions after 2022, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii Journal of the New Economic Association*, № 1-66, p. 282—290, https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_282-290
31. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. 2023, Iranian sanctions experience: macroeconomic outcomes and lessons for Russia, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 26—42 (in Russ.), https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_26_42
32. Cherniavsky, A. V., Chepel, A. A. 2025, The input—output analysis of the impact of trade sanctions on the Russian economy, *Voprosy Ekonomiki*, 2025, № 3, p. 29—47, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-3-29-47>
33. Smirnov, E. N. 2023, Escalation of Anti-Russian sanctions and its implications for the global economy, *Russian Foreign Economic Journal*, № 2, p. 80—93 (in Russ.), <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-80-93>
34. Ushkalova, D. I. 2022, Russia's foreign trade under sanctions pressure, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii Journal of the New Economic Association*, vol. 55, № 3, p. 218—226, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
35. Gutmann, J., Neuenkirch, M., Neumeier, F. 2024, Do China and Russia undermine Western sanctions? Evidence from DiD and event study estimation, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 132—160, <https://doi.org/10.1111/roie.12716>
36. Dabrowski, M., Avdasheva, S. 2023, Sanctions and Forces Driving to Autarky, in: Dabrowski, M. (eds.), *The Contemporary Russian Economy*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 271—288, https://doi.org/10.1007/978-3-031-17382-0_14
37. Yotov, Y. V., Piermartini, R., Monteiro, J.-A., Larch, M. 2016, *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*, United Nations and World Trade Organization, URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtoundad2016_e.pdf (accessed 01.08.2025).
38. Larch, M., Piermartini, R., Yotov, Y. V. 2019, On the Effects of GATT/WTO Membership on Trade: They are Positive and Large After All, *WTO working paper*, № ERSD-2019-09, URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201909_e.htm (accessed 01.08.2025).
39. Bergstrand, J. H., Larch, M., Yotov, Y. V. 2015, Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in Gravity Equations, *European Economic Review*, № 78, p. 307—327, <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.06.003>
40. Egger, P. H., Larch, M., Yotov, Y. V. 2022, Gravity Estimations with Interval Data: Revisiting the Impact of Free Trade Agreements, *Economica*, vol. 89, № 353, p. 44—61, <https://doi.org/10.1111/ecca.12394>
41. Izotov, D. A. 2022, Russia's Trade with East Asian Countries: Comparative Costs and Potential, *Spatial Economics*, vol. 18, № 3, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.3.017-041>
42. Wellhausen, R. L., Peinhardt, C. 2025, Adjudicating while Fighting: Political Implications of the Ukraine-Russia Bilateral Investment Treaty, *Perspectives on Politics*, p. 1—13, <https://doi.org/10.1017/S1537592724002809>

The author

Dr **Dmitrii A. Izotov**, Leading Research Fellow, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

E-mail: izotov@ecrin.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

УСТОЙЧИВАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗА 2012–2024 ГОДЫ

А. А. Новикова^{1, 2}

Д. Г. Ажинов²

¹ Калининградский государственный технический университет, 236022, Россия, Калининград, Советский просп., 1

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 09.10.2025 г.

Принята к публикации 23.11.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-6

© Новикова А. А., Ажинов Д. Г., 2025

Современные геоэкономические условия усилили необходимость пространственного анализа устойчивости научно-технологического развития регионов России в контексте перехода от импортозамещения к обеспечению технологического суверенитета. Исследование направлено на выявление типологических различий субъектов Российской Федерации по состоянию и динамике их научно-технологической деятельности за 2012–2024 гг. и определение регионов, продемонстрировавших стабильно высокие результаты, способных выступить опорными центрами реализации государственной технологической политики в современной ситуации трансформации внешних связей. Методология исследования опирается на иерархический кластерный анализ, проведенный на основе изучения многолетних статистических рядов, отражающих кадровые, финансовые и результативные характеристики научно-технологической деятельности регионов. Использование длинной временной шкалы позволило рассматривать регионы как носители устойчивых динамических профилей, обеспечивших выявление структурных различий и долговременных закономерностей развития, что особенно актуально для современных условий формирования опоры в области НТР страны на собственные ресурсы, возможности и технологии. Полученные результаты показали существование устойчивой иерархии регионов по уровню научно-технологического развития и выявили ядро национальной научно-технологической системы, отличающееся высокой концентрацией ресурсов и стабильностью показателей. Сделан вывод о том, что учет пространственно-временной динамики позволяет выделить регионы, устойчивые к внешним изменениям и обладающие потенциалом для реализации долгосрочной государственной стратегии в сфере науки, технологий и инноваций.

Ключевые слова:

научно-технологическое развитие, пространственная типология, импортозамещение, экономическая безопасность, технологический суверенитет, внешние связи, импорт технологий, эксклав, Калининградская область

Введение и постановка вопроса

Актуальная направленность государственной политики связана с поиском путей достижения страной технологической независимости [1]¹ и формирования опоры на собственные разработки для ее устойчивого развития, что вовлекает в процесс решения этой задачи реальный сектор экономики и университеты. Сложившиеся внешние условия также подталкивают к решению данной задачи, прежде всего из-за санкционного режима, который привел к существенным ограничениям в сфере внешнеэкономической деятельности, в том числе сократил возможности для простого приобретения высокотехнологических решений за рубежом. Действительно, например, в 2012 г. Российскую Федерацию указали в качестве партнера по импорту 158 стран, по экспорту — 43 страны². По итогам 2024 г. таких стран как по импорту, так и по экспорту стало меньше на 40 %³.

Это, конечно, не свидетельствует о полном прекращении внешнеэкономических связей, но иллюстрирует сокращение прямого взаимодействия и реальность перестройки состава и структуры логистических цепочек технологических (научных, торговых и индустриальных) взаимодействий. Хотя, например, динамика импорта РФ услуг в сфере научных разработок за 2012—2024 гг. также показывает почти такое же сокращение — на 43 %⁴, что позволяет предположить схожую динамику и в отношении изменения возможностей для импорта и объемов импорта Россией технологий по соглашениям с зарубежными странами. Доступ к фактическим данным приостановлен с 2022 г.⁵ Объем средств, ранее направляемых на приобретение иностранных технологий, был весьма значителен и вполне сопоставим с величиной всех расходов федерального бюджета на науку (около 60 % за 2019—2021 гг.)⁶.

Таким образом, к вопросу поиска направлений для вложений в развитие собственных технологий в стране добавляется ввиду изменений во внешних связях вопрос использования и частично «высвобождаемых» средств.

При этом проблематика эффективного расходования или распределения финансовых средств по регионам страны сформирована двумя составляющими:

- 1) наличием региональной диспропорции развития субъектов РФ⁷;

¹ Концепция технологического развития на период до 2030 г., утверждена в 2023 г. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р (ред. от 21.10.2024), URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/80349.html> (дата обращения: 15.05.2025).

² Trade Data, 2025, *UN Comtrade*, URL: <https://comtradeplus.un.org/TradeFlow> (дата обращения: 16.08.2025).

³ Напрямую в качестве партнеров указана Российская Федерация (по состоянию на август 2025 г.).

⁴ Внешняя торговля РФ услугами в структуре расширенной классификации услуг, 2025, *Банк России*, URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ets/ (дата обращения: 16.08.2025).

⁵ Выплаты по импорту технологий по соглашениям с зарубежными странами с 2017 г., 2017, *ЕМИСС Государственная статистика*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58697> (дата обращения: 17.08.2025).

⁶ Выплаты по импорту технологий по соглашениям с зарубежными странами с 2017 г., *ЕМИСС Государственная статистика*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58697> (дата обращения: 17.08.2025); Годовой отчет об исполнении федерального бюджета, 2025, *Минфин*, URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/process/otchet/> (дата обращения: 17.08.2025).

⁷ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-п), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 17.08.2025).

2) необходимостью соблюдения баланса между уровнем вложения средств и результатами, отдачей от них и решением тех задач, которые были поставлены, например, в рамках технологического развития¹.

В связи с этим важным представляется определение конкретного места каждого региона² в функционировании научно-технологической подсистемы страны, в том числе для эффективного распределения имеющегося и будущих объемов финансирования между ними с возможно более гарантированным получением результата от этих вложений, а также установление степени региональной дифференциации путем анализа основных показателей, характеризующих уровень НТР, на основе построения типологии субъектов РФ по уровню НТР. В настоящей публикации предлагается подобное исследование, основанное на данных за 13 лет (с 2012 по 2024 г. включительно).

Выбранный авторами временной интервал ограничен 2012—2024 гг., поскольку за этот период страна и, соответственно, экономики регионов столкнулись с тремя «точками перехода» к новым условиям функционирования³ (рис. 1).

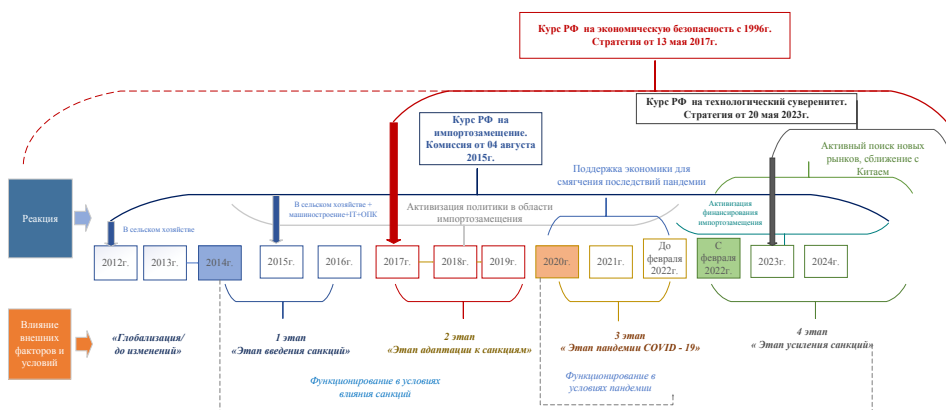

Рис. 1. Активизация национальных векторов развития под влиянием внешних факторов и условий

Целью настоящего исследования является построение устойчивой типологии субъектов Российской Федерации за период 2012—2024 гг. на основе кластеризации, по ключевым статистическим показателям, отражающим ресурсную и результативную составляющие региональных научно-технологических подсистем, для выявления опорных регионов для решения задач научно-технологического развития в соответствии с актуальным направлением государственной политики.

Гипотеза исследования заключается в том, что опорные регионы характеризуются наиболее высокими показателями развития их научно-технологических подсистем в течение длительного времени и являются ограниченно зависимыми⁴ от изменения внешних факторов и условий хозяйствования, что особенно важно для обеспечения устойчивости научно-технологического развития страны, достижения

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом президента РФ от 28.02.2024 г. №145), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/ (дата обращения: 17.08.2025).

² С учетом доступных данных по субъектам Российской Федерации.

³ 1. Март 2014 г. 2. Март 2020 г. 3. Февраль 2022 г.

⁴ В большинстве случаев демонстрируют уровень зависимости ниже среднего или являются быстро адаптирующимися к внешним условиям.

технологического суверенитета и решения задач обеспечения экономической безопасности при концентрации научно-технологической деятельности на базе этих опорных регионов.

Географическая связность регионов России в некоторой степени позволяет нивелировать процессы региональной диспропорции. В этом смысле особое внимание в работе уделяется исследованию результативности научно-технологической подсистемы эксклавной Калининградской области как одного из наиболее зависимых от внешних условий субъекта РФ [2] для оценки перспектив реализации задач НТР региона в новых условиях.

Теоретическая основа исследования

Вопросы дифференциации регионов по показателям, характеризующим уровень их научно-технологического развития и инновационного потенциала [3], являются предметом длительной научной дискуссии. Связано это с тем, что такое распределение выступает базовым условием для реализации практически любой стратегии экономического развития страны, предполагающей независимость собственной технологической базы (рис. 2).

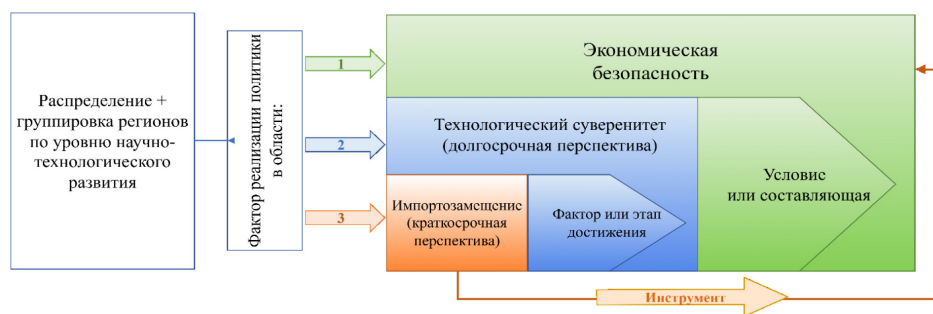

Рис. 2. Группировка регионов по уровню научно-технологического развития как основа для выработки и реализации разных видов стратегий развития

Составлено на основе: [1; 5; 7; 9; 11; 15; 21].

Научный интерес к показателям, критериям и необходимым условиям для распределения регионов по уровню НТР и использования результатов этого распределения обычно связан с переходом к новому общегосударственному курсу, который часто связан с внешними факторами или ожиданием их изменения в будущем [2; 4–6] (см. рис. 1).

Сейчас особенно важен вклад каждого региона в обеспечение экономической безопасности страны как «защищенности экономики от внешних вызовов и угроз» [7]¹, в том числе обусловленных высокой степенью зависимости от внешних партнеров, их ресурсов, кадров и технологий [8–10]. Соответственно, дифференциация регионов по уровню НТР преимущественно используется при решении задач обеспечения научно-технологической [9; 10] и инновационной безопасности [11–13], в которую включают и научно-технологическую составляющую [13]. Хотя научно-технологическая деятельность (НТД) значима для всех составляющих безопасности, необходимо отметить, что не всем регионам нужно обладать высоким уровнем

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 11.08.2025).

показателей научно-технологического развития, они должны функционировать в условиях баланса и взаимного дополнения для обеспечения решения общегосударственных задач.

В настоящее время в РФ в эпоху перехода «от импортозамещения к технологическому суверенитету»¹ [5], что можно рассматривать как смену приоритетов от использования тактических мер к долгосрочному развитию, требующему наличия или ускоренного формирования собственной научно-технологической базы (рис. 2), поиск регионов, в которых такая база функционирует, равно как и регионов, где ее наиболее целесообразно формировать, является все более актуальной задачей.

Термин «технологический суверенитет» трактуется в литературе по-разному — от акцента на независимости государства в техносфере и защите национальных интересов до понимания его как способности сохранять субъектность в глобальных технологических цепочках без автаркии [4; 14; 15].

Консенсус заключается в разграничении суверенитета и импортозамещения: первый предполагает создание и контроль собственных критических технологий, второй — лишь замену поставок без гарантии конкурентоспособности.

В России обновленная Стратегия научно-технологического развития закрепила приоритеты и механизмы реализации политики НТР, однако сохраняются институциональные барьеры — несогласованность приоритетов и слабая восприимчивость экономики к инновациям. Без устранения этих проблем даже масштабная поддержка не ведет к устойчивому снижению технологической зависимости. Исследователи сходятся во мнении, что ключевые драйверы суверенитета — инвестиции в НИОКР и человеческий капитал, развитие институтов и инфраструктуры, а также сетевые формы кооперации. При этом суверенизация критических технологий может временно снижать эффективность, но в долгосрочной перспективе уменьшает риски внешнего давления [16—18].

Научно-технологическая составляющая, будучи основой для обеспечения экономической безопасности [9], формирует базу и определяет возможности для достижения технологического суверенитета страны.

Для оценки состояния научно-технологической базы страны в определенный период, обеспечения понимания возможного источника «технологического прорыва» и сосредоточения лучших условий для внедрения новых технологий используются различные оценки состояния научно-технологической подсистемы, в том числе рейтинговые. Например, в научном докладе специалистов Института экономики РАН по пространственным аспектам инновационного и научно-технологического развития России [19] сгруппированы 7 региональных рейтингов, рассматривающих научно-технологические показатели и столько же методик оценки инновационного потенциала регионов России. Н. Н. Волкова и Э. И. Романюк в рамках разрабатываемого ими рейтинга научно-технологического развития, включающего 28 показателей, сгруппированных по 4 блокам, также отмечают «актуализацию вопроса разработки рейтингов НТР в условиях антироссийских санкций, в результате которых для нашей страны заблокирован доступ к зарубежным технологиям» [20, с. 50]. Среди рейтингов отметим исследования НИУ ВШЭ, который ведет активное распределение регионов РФ для различных целей, с учетом доступности для них первичных статистических данных уже более 10 лет². Блок исследования научно-технологического потенциала регионов в самостоятельном формате представлен до 2019 г., а в комплексе входит в региональный рейтинг инновационного развития субъектов (РРИИ). Первый рейтинг РРИИ (2012) базируется на 35 показателях, а актуальный

¹ Отметим, что переход к технологическому суверенитету рассматривают сейчас многие технологически развитые страны.

² Рейтинги регионального развития, 2025, НИУ ВШЭ, URL: <https://region.hse.ru/rankingstp14> (дата обращения: 12.09.2025).

десятый (2025)¹ (вышел в июле 2025 года) — на оригинальной методике из 51 показателя (в шестом рейтинге (2019) было 53 показателя)². Для составления рейтинга используются около 20 различных баз и информационных платформ с данными. Кроме того, в методологии НИУ ВШЭ сами авторы указывают, что применяемые ими методы нормирования показателей позволяют только сравнивать регионы между собой, а не в динамике, за разные годы.

Центр экономических исследований «РИА Рейтинг» 28 октября 2024 г. представил второй рейтинг НТР регионов³. Данный рейтинг формируется по данным Росстата по 19 агрегированным показателям, характеризующим различные составляющие НТД, объемы финансирования, активность инноваций и др. Кроме того, два года подряд — в 2022 и 2023 г. — Минобрнауки публикует национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов РФ. Рейтинг за 2022 г. включал 33 показателя, в рейтинге за 2023 г. — 43 показателя, сгруппированных по трем блокам⁴. Существенные различия в методической базе при составлении рейтинга значительно затрудняют возможность прямого сопоставления и сравнения данных для оценки произошедших изменений, даже за один год. Например, у 22 субъектов РФ их место за год изменилось на десятки (табл. 1). Возникает вопрос о влиянии на такой результат не только стремительно изменившейся ситуации в рассматриваемых регионах, но и обновленных критериев оценки.

Применяться рейтинги должны совершенно автономно, с указанием источника их разработки, что позволяет уточнить методическую базу каждой работы и перечень рассматриваемых в ней показателей. Например, в рейтинге НТР Минобрнауки за 2023 г. Калининградская область занимает 24-е место, в аналогичном рейтинге НТР⁵, составленном «РИА Рейтинг», — 56-е место.

Рейтинг, будучи иерархическим списком достижения результатов, таким образом, представляет собой «моментальный снимок», хотя и формируется в привязке к реальным данным с некоторым опозданием.

Другим возможным вариантом для распределения регионов по итогам оценки достигнутого или потенциального уровня НТР являются различные группировки (например, в форме классификации или кластеризации).

В числе результатов таких группировок выделим типологию регионов по их предрасположенности к НТР, включающую 9 индикаторов, распределенных на социальный, производственный и институциональный блоки, и построенную по данным субъектов РФ за 2015—2019 гг. [21]; дифференциацию субъектов для реализации региональной политики в области развития науки, технологий и инноваций, включающую 40 показателей, разделенных по 3 блокам, базирующуюся на рейтинговой оценке субъектов РФ за 2017—2021 гг. [22], а также актуальную работу кластерной оценки вклада субъектов в технологический суверенитет страны по показателям, сгруппированным по 4 блокам: потенциал, инфраструктура, результативность и уровень цифровизации, по данным за 2022 г. по двум вариантам показателей: первоначальному, включающему 29 показателей, и новому с 31 показателем [14]. Изменение некоторых используемых показателей и включение новых было произведено в том числе ввиду недоступности отдельных данных в условиях санкций [14].

¹ С 2012 г. рейтинг формирует Институт статистических исследований НИУ ВШЭ (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ).

² Рейтинг инновационного развития субъектов РФ, 2025, № 10, ВШЭ, URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 12.09.2025).

³ Рейтинг регионов по научно-технологическому развитию, 2024, *РИА Новости*, <https://ria.ru/20241028/tazvitie-1979499343.html> (дата обращения: 22.09.2025).

⁴ Национальный рейтинг субъектов Российской Федерации, 2025, *Минобрнауки*, URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/rating/> (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ Аналогичном, исходя из названия рейтинга.

Таблица 1

Данные по рейтингам и группировкам субъектов РФ по показателям научно-технологического развития¹

Субъект	Рейтинг		Дифференциация		Кластеризация			Результат по устойчивой типологии				
	Рейтинг Минобрнауки (среда для НТР)	РИА «Рейтинг» (НТР) Росстат	Дифференциация регионов (2017 — 2021) / 40 показателей (31 показатель по 1 блоку)		По данным за 2022 г.: 29 показателей / 31 показатель		По данным: 2012 — 2024 гг. / 4 показателя	Варианбельность за 2012 — 2024 гг., %	Тип региона			
			Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Группа региона по дифференциации	Группа региона по первоначальным показателям (29)				Группа региона по новым показателям (31)	Группа региона по устойчивой типологии регионов: 2012 — 2024 гг.	
г. Москва	Место в 2022 г.	Место в 2023 г.	Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Место в 2022 г.	Место в 2023 г.	Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Группа региона по первоначальным показателям (29)	Группа региона по новым показателям (31)	Группа региона по устойчивой типологии регионов: 2012 — 2024 гг.	33	Опорный	
г. Санкт-Петербург	3	2	-1	2	2	0	2	2	1	1	17	Опорный
Республика Татарстан	2	3	1	3	3	0	1	2	2	1	15	Опорный
Нижегородская область	9	6	-3	4	4	0	1	2	2	1	21	Опорный
Московская область	4	7	3	5	5	0	1	2	2	1	19	Опорный
Томская область	6	4	-2	14	13	-1	1	2	2	1	20	Опорный
Свердловская область	7	9	2	10	10	0	1	3	3	1	20	Опорный
Челябинская область	10	22	12	16	20	4	1	2	3	1	192	Опорный
Пермский край	25	13	-12	7	8	1	1	3	3	1	45	Опорный
Воронежская область	24	21	-3	21	18	-3	1	3	3	1	40	Опорный
Новосибирская область	5	5	0	13	16	3	1	2	2	1	24	Опорный
Красноярский край	21	23	2	22	22	0	2	3	3	1	44	Опорный

¹ Для кластеризаций группа региона (1-2-3-4-5) соответствует номеру кластера (K1-K2-K3-K4-K5), в который он входит. Для дифференциации субъектов группа региона соответствует выделенному типу региона (1(I)-2 (II)-3(III)-4(IV)), в который он входит. Подробная таблица с результатами группировки субъектов: Azhinov, D. 2025, Ratings and groupings of Russian regions by the level of scientific and technological development, *Mendeley Data*, vol. 1, doi: 10.17632/95pkd68ht.1.

Продолжение табл. 1

Субъект	Рейтинг			Дифференциация	Кластеризация			Результат по устойчивой типологии		
	Рейтинг Минобрнауки (среда для НТР)	РИА «Рейтинг» (НТР) Росстат			По данным за 2022 г.: 29 показателей / 31 показатель	По данным: 2012 — 2024 гг. / 4 показателя	Варианбельность за 2012 — 2024 гг., %	Тип региона		
		Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Место в 2022 г.						Место в 2023 г.	Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)
Субъект	Самарская область	20 10	-10	6 6	2	3	3	1	26	Опорный
	Ульяновская область	11 16	5	9 9	2	3	3	1	31	Опорный
	Ярославская область	45 18	-27	18 21	2	3	3	1	48	Опорный
	Калужская область	33 27	-6	20 15	2	2	3	1	36	Опорный
	Тюменская область	12 12	0	11 7	2	3	3	1	72	Опорный
	Пензенская область	32 38	6	27 27	2	3	4	1	28	Опорный
	Республика Башкортостан	8 8	0	12 12	2	3	3	2	18	Перспективный I уровня
	Ростовская область	15 17	2	15 14	2	3	3	2	35	Перспективный I уровня
	Саратовская область	48 40	-8	36 33	2	3	3	2	53	Перспективный I уровня
	Белгородская область	18 11	-7	24 23	2	3	4	2	33	Перспективный I уровня
Хабаровский край	36 47	11	28 29	2	3	4	2	64	Перспективный I уровня	
Омская область	14 19	5	17 17	2	3	3	2	143	Перспективный I уровня	

Удмуртская Республика	37 30	-7	25 26	1	2	4	4	2	94	Перспективный I уровня
Тверская область	31 32	1	40 40	0	2	4	4	2	52	Перспективный I уровня
Владимирская область	39 43	4	30 25	-5	2	3	3	2	33	Перспективный I уровня
Тульская область	16 25	9	8 11	3	2	3	3	2	38	Перспективный I уровня
Чувашская Республика	35 29	-6	26 31	5	2	4	4	2	65	Перспективный I уровня
Волгоградская область	43 45	2	33 34	1	3	4	4	2	53	Перспективный I уровня
Рязанская область	29 35	6	23 24	1	3	4	4	2	40	Перспективный I уровня
Республика Мордовия	17 14	-3	19 19	0	3	3	4	2	23	Перспективный I уровня
Новгородская область	30 57	27	29 32	3	3	4	4	2	69	Перспективный I уровня
Кировская область	52 60	8	34 30	-4	3	4	4	2	70	Перспективный I уровня
Курская область	53 49	-4	38 37	-1	3	4	4	2	69	Перспективный I уровня
Архангельская область	38 20	-18	32 35	3	3	4	4	2	213	Перспективный I уровня
Иркутская область	19 28	9	41 46	5	2	3	3	3	74	Перспективный II уровня
Приморский край	26 31	5	43 39	-4	2	3	3	3	160	Перспективный II уровня
Республика Саха (Якутия)	41 52	11	58 59	1	3	4	4	3	155	Перспективный II уровня
Ханты-Мансийский автономный округ	47 66	19	45 41	-4	3	4	4	3	36	Перспективный II уровня
Мурманская область	40 48	8	31 28	-3	3	3	4	3	127	Перспективный II уровня
Республика Коми	44 46	2	61 64	3	3	3	4	3	95	Перспективный II уровня

Продолжение табл. 1

Субъект	Рейтинг			Дифференциация	Кластеризация			Результат по устойчивой типологии		
	Рейтинг Минобрнауки (среда для НТР)	РИА «Рейтинг» (НТР) Росстат			По данным за 2022 г.: 29 показателей / 31 показатель		По данным: 2012 — 2024 гг. / 4 показателя	Вариатбельность за 2012 — 2024 гг., %	Тип региона	
		Место в 2022 г.	Место в 2023 г.		Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Группа региона по первоначальным показателям (29)				Группа региона по новым показателям (31)
Республика Карелия	28 34	6	63 53	−10	3	3	4	3	121	Перспективный II уровня
Смоленская область	65 80	15	50 52	2	3	3	4	3	60	Перспективный II уровня
Магаданская область	68 73	5	68 67	−1	3	4	4	3	331	Перспективный II уровня
Республика Бурятия	58 70	12	59 50	−9	3	5	5	3	73	Перспективный II уровня
Сахалинская область	64 50	−14	65 63	−2	3	4	5	3	150	Перспективный II уровня
Ленинградская область	75 51	−24	37 36	−1	3	3	3	3	76	Перспективный II уровня
Камчатский край	62 65	3	64 65	1	3	4	4	3	76	Перспективный II уровня
г. Севастополь	66 26	−40	60 62	2	3	5	5	3	47	Перспективный II уровня
Калининградская область	22 24	2	56 51	−5	3	4	4	3	82	Перспективный II уровня
Краснодарский край	34 53	19	46 48	2	2	3	3	4	153	Перспективный III уровня

Ставропольский край	23 42		19	44 45	1	2	4	4	26	Перспективный III уровня
Алтайский край	46 39		-7	51 54	3	2	3	4	22	Перспективный III уровня
Кемеровская область	13 15		2	55 56	1	2	4	4	90	Перспективный III уровня
Липецкая область	60 69		9	42 47	5	3	3	4	66	Перспективный III уровня
Ивановская область	27 36		9	52 60	8	3	4	4	118	Перспективный III уровня
Ямало-Ненецкий авто- номный округ	80 54		-26	49 49	0	3	3	4	274	Перспективный III уровня
Астраханская область	55 59		4	66 70	4	3	4	4	82	Перспективный III уровня
Оренбургская область	42 44		2	47 55	8	3	4	4	49	Перспективный III уровня
Тамбовская область	50 33		-17	54 42	-12	3	3	4	42	Перспективный III уровня
Вологодская область	70 41		-29	35 38	3	3	4	4	102	Перспективный III уровня
Орловская область	69 64		-5	62 57	-5	3	4	4	67	Перспективный III уровня
Брянская область	57 63		6	48 44	-4	3	4	4	96	Перспективный III уровня
Амурская область	67 72		5	70 68	-2	3	4	4	31	Перспективный III уровня
Республика Марий Эл	49 37		-12	39 43	4	3	4	4	117	Перспективный III уровня
Курганская область	71 58		-13	57 58	1	3	4	4	49	Перспективный III уровня
Кабардино-Балкарская Республика	56 78		22	72 74	2	3	5	4	55	Перспективный III уровня
Псковская область	73 68		-5	67 69	2	4	4	4	63	Перспективный III уровня

Окончание табл. 1

Субъект	Рейтинг			Дифференциация	Кластеризация			Результат по устойчивой типологии					
	Рейтинг Минобрнауки (среда для НТР)	РИА «Рейтинг» (НТР) Росстат			По данным за 2022 г.: 29 показателей / 31 показатель	По данным: 2012 — 2024 гг. / 4 показателя	Варианбельность за 2012 — 2024 гг., %		Тип региона				
		Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Место в 2023 г.							Место в 2022 г.	Разница места региона (в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Место в 2023 г.	Место в 2022 г.
Костромская область	76	56	-20	69	66	-3	4	4	91	Перспективный III уровня			
Республика Дагестан	61	79	18	73	76	3	3	5	86	Развивающийся			
Республика Крым	51	55	4	53	61	8	3	5	108	Развивающийся			
Республика Северная Осетия - Алания	78	71	-7	74	71	-3	3	5	71	Развивающийся			
Забайкальский край	72	74	2	80	80	0	4	4	63	Развивающийся			
Республика Калмыкия	81	76	-5	78	81	3	4	5	89	Развивающийся			
Республика Хакасия	59	62	3	82	84	2	4	4	129	Развивающийся			
Карачаево-Черкесская Республика	63	61	-2	81	79	-2	4	5	104	Развивающийся			
Республика Ингушетия	83	83	0	85	85	0	4	5	97	Развивающийся			
Чеченская Республика	79	77	-2	83	77	-6	4	5	168	Развивающийся			
Республика Алтай	84	81	-3	79	75	-4	4	5	74	Развивающийся			
Республика Адыгея	54	75	21	71	73	2	4	5	73	Развивающийся			
Республика Тыва	74	67	-7	77	78	1	4	5	258	Развивающийся			

Составлено на основе рейтингов, итогов дифференциации регионов [22] и кластеризаций [14].

Таким образом, можно отметить тенденцию к увеличению количества используемых показателей и усложнению применяемых методов оценки. Однако такой подход при наличии в качестве одной из целей отслеживания динамики изменений может привести к неверным выводам, в том числе за счет усложнения модели и субъективности экспертных мнений (при их использовании).

Небольшое количество ключевых показателей обеспечивает получение более четкой, сфокусированной картины, снижает затраты на сбор и обработку данных, делает оценку результатов более доступной для понимания не только для экспертов, но и для лиц, принимающих решения в области государственной политики. В данном исследовании подробнее остановимся на оценке целесообразности использования многофакторных моделей из нескольких десятков показателей. Приведем слова естествоиспытателя Ганса Селье: «Вы никогда не узнаете, на что похожа мышь, если будете тщательно изучать ее отдельные клетки под микроскопом, так же как не поймете прелести готического собора, подвергая каждый его камень химическому анализу» [23] и будем при формировании исследовательской базы руководствоваться принципом «разумной достаточности эмпирического материала» [24].

Особенность предлагаемой работы обусловлена тем, что научно-технологическая деятельность требует значительных инвестиций и временных затрат [25]. Накопление необходимой инфраструктуры и создание благоприятных условий для развития в регионе науки и создания инноваций, как правило, представляет собой длительный процесс, в котором, конечно, имеют место высокие достижения и прорывные технологии [26], но не менее важны повторяемость и постоянство прогресса. Только благодаря этому регионам удастся создать фундамент для собственного устойчивого научно-технологического, а по итогам, и социально-экономического развития, а также сформировать эффективную исследовательскую базу. Исследования, построенные по данным за один год или на коротких промежутках времени, как правило, не имеют возможности уловить долгосрочные тенденции и степень стабильности происходящих в сфере НТР регионов процессов. Поэтому данная работа основана на интервале в 13 лет и, как отмечалось выше, включает как минимум три «точки перехода» к новым условиям функционирования экономики:

- 1) 2012—2016 гг. (включает «точку перехода» — 2014 г.);
- 2) 2016—2021 гг. («точка перехода» — 2020 г.);
- 3) 2021 г. — настоящее время¹ («точка перехода» — 2022 г.) (см. рис. 1).

Это позволило оценить возможную реакцию на изменение условий со стороны научно-технологической подсистемы каждого из рассматриваемых регионов, а также сформировать итоговые результаты типологизации по достаточно устойчивой структуре регионов в рамках каждого из сформированных кластеров, в условиях разнообразия влияющих за такой период внешних факторов.

Данные и методы исследования

Для построения устойчивой типологии регионов по уровню НТР на интервале 2012—2024 гг. использовался иерархический кластерный анализ, включающий предварительную стандартизацию данных, а также реализацию агломеративной иерархической кластеризации с отдельным выделением кластеров на основе пони-

¹ В данной работе до 2024 г. включительно.

женного порога отсечения дендрограммы [27]¹. Все расчеты выполнены с использование языка программирования Python 3.11 и библиотек: Pandas 2.2.2; NymPy; Scikit-learn 1.4.2.

Ключевая методологическая особенность подхода — кластеризация по временным траекториям. Каждое наблюдение представлено не одним значением индикатора, а последовательностью значений за многие годы, причем по всем четырем показателям одновременно. В результате евклидово расстояние между регионами измеряет схожесть их многоиндикаторных многолетних профилей: регионы, близкие по уровням и динамике (форме траектории), попадают в одни и те же ветви дендрограммы и, при заданном разрезе, в один кластер. Этот прием повышает устойчивость типологии к краткосрочным отклонениям и позволяет идентифицировать «структурное» сходство регионов, проявляющееся на протяжении длительного периода наблюдений.

Эмпирической базой исследования стали статистические данные, отражающие только ключевые характеристики функционирования научно-технологической подсистемы регионов, что позволило сконцентрироваться на наиболее значимых аспектах его НТД. Выбор показателей обусловлен необходимостью охвата как ресурсных, так и результативных компонентов научно-технологической подсистемы, доступностью сопоставимых данных в региональном разрезе за достаточный период (2012—2024) для выявления долгосрочных тенденций и степени стабильности процессов, происходящих в НТД регионов (рис. 3).

Перед проведением кластерного анализа все показатели были преобразованы путем логарифмирования.

Источниками для анализа НТР регионов стали данные, находящиеся в открытом доступе, за 2012—2024 гг.² Для обеспечения сопоставимости на 10 000 жителей субъекта использовались данные по численности населения³.

Анализ ключевых показателей НТР позволил выявить позицию каждого региона⁴ в научно-технологической подсистеме Российской Федерации, которая является частью производственной системы, что подробно рассматривалось в предыдущих

¹ Кластеризация выполнена в два этапа: предварительная подготовка признаков с учетом длинной временной шкалы и последующая агломерация методом Варда в евклидовом пространстве стандартизированных признаков. Разработанный программный код загружает четыре входных файла. Поскольку каждый исходный файл содержит многолетние ряды (2012—2024), объединение формирует «широкую» матрицу, в которой каждая строка — регион, а каждый столбец — конкретный показатель в конкретном году; тем самым каждый регион представлен полной временной траекторией по всем четырем показателям, а не только значениями за отдельный год. Такой прием обеспечивает кластеризацию по динамическому профилю, отражая устойчивые или меняющиеся особенности регионов на длинном интервале наблюдений, а не мгновенное состояние.

² Наука, инновации и технологии, 2025, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 02.06.2025); Статистическая информация об использовании объектов интеллектуальной собственности, 2025, Федеральный институт промышленной собственности, URL: https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/statisticheskaya-informatsiya-ob-ispolzovanii-intellektualnoy-sobstvennosti.php?sphrase_id=9130 (дата обращения: 02.06.2025).

³ Перепись населения, 2020, *Росстат*, URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 02.06.2025).

⁴ Из-за отсутствия необходимых данных из анализа исключены Чукотский АО, Еврейская АО, Ненецкий АО, Херсонская область, Запорожская область, Луганская Народная Республика и Донецкая Народная Республика. Для обеспечения сопоставимости и полноты массива недостающие данные по г. Севастополю и Республике Крым за 2012 и 2013 гг. замещены данными за 2014 г.

работах авторов, например в [28]. Применяемая авторами кластеризация регионов по данным за длительный период¹ ориентирована на формирование устойчивой типологии регионов, в том числе для выявления опорных из их числа.

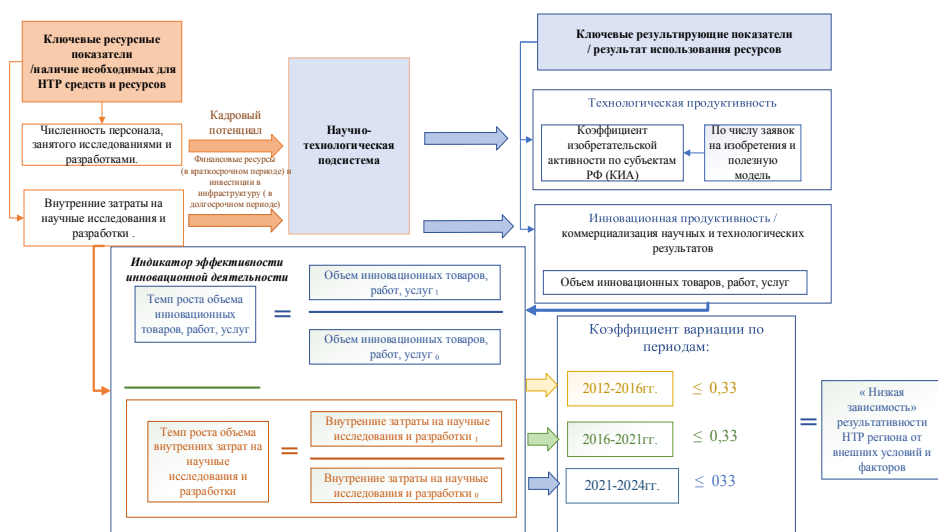

Рис. 3. Взаимосвязь ресурсных и результирующих показателей, применяемых для оценки уровня НТР регионов²

Составлено на основе данных: Статистическая информация об использовании объектов интеллектуальной собственности, 2025, *Федеральный институт промышленной собственности*, URL: https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/statisticheskaya-informatsiya-ob-ispolzovanii-intellektualnoy-sobstvennosti.php?sphrase_id=9130 (дата обращения: 02.06.2025).

В связи с тем что базовая гипотеза исследования заключается в предположении, что опорные регионы, регионы, характеризующиеся наиболее высокими показателями развития их научно-технологических подсистем в течение длительного времени, являются ограниченно зависимыми (или быстро адаптирующимися) от изменения внешних факторов и условий хозяйствования, то по итогам кластеризации

¹ Для обеспечения сопоставимости финансовых показателей за длительный период времени использовался индекс-дефлятор ВВП.

² Анализ кадровых ресурсов отражает плотность человеческого капитала, вовлеченного в создание новых знаний и технологий. Рост численности исследовательского персонала свидетельствует о формировании территорий опережающего развития, тогда как снижение требует корректировки региональных и федеральных мер поддержки НТР.

Внутренние затраты на исследования и разработки характеризуют концентрацию финансовых ресурсов в регионе. Высокие значения указывают на развитую инфраструктуру науки и инноваций, низкие — на риски технологического отставания.

Коэффициент изобретательской активности показывает интенсивность создания и защиты новых технических решений. Его рост отражает наличие благоприятной инновационной среды и кооперации науки и бизнеса; низкие значения сигнализируют о структурных барьерах и слабом стимулировании патентной деятельности.

Объем инновационных товаров, работ и услуг служит интегральным показателем результативности НТД, отражая масштабы внедрения разработок и степень их коммерциализации. Высокие значения могут свидетельствовать о сформировавшейся инновационной экосистеме, низкие — о недостаточной интеграции науки и бизнеса и слабом спросе на инновации.

авторы используют дополнительный индикатор для оценки степени зависимости НТД регионов от внешних факторов и условий. Степень зависимости НТД регионов от внешних условий в работе оценивается посредством вариабельности показателя эффективности инновационной деятельности (см. подробнее порядок расчета на рисунке 3). В данном исследовании предполагается, что регионы, отличающиеся низким уровнем зависимости от внешних факторов и условий, демонстрируют в рамках всех трех временных этапов, включающих «точки перехода», стабильные результаты эффективности инновационной деятельности (как результата научно-технологической), что, соответственно, может означать высокую степень их самостоятельности вне влияния внешнего контекста. Стабильность достигнутого результата оценивалась посредством расчета коэффициента вариации на каждом временном этапе. Регионы с низкой вариабельностью эффективности инновационной деятельности считаются менее зависимыми от внешних условий.

Кластеризация за длительный период времени на основе ключевых показателей НТД регионов позволяет сформировать устойчивую типологию регионов. Расширенная типология, дополненная расчетом изменчивости показателя эффективности инновационной деятельности на разных временных отрезках, обеспечивает возможность для выявления регионов, демонстрирующих стабильные результаты в разных внешних условиях, а значит, вероятно, и в значительной степени, независимых от их изменения.

Результаты исследования

В результате кластеризации выделены пять кластеров регионов, различающихся по уровню и темпам научно-технологического роста (результаты иерархической кластеризации представлены на рисунке 4).

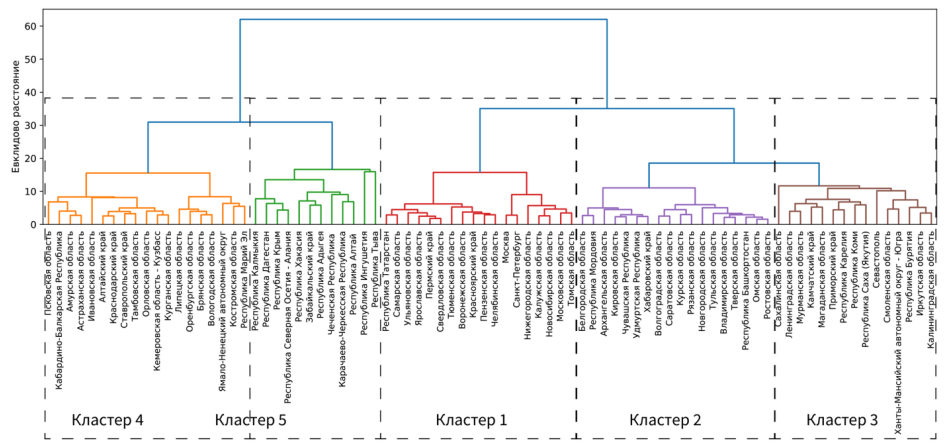

Рис. 4. Дендрограмма иерархической кластеризации (метод Варда)

Кластер 1 — «опорные регионы» (18 субъектов) — представляет ядро российской научно-технологической системы. Средние значения всех четырех показателей существенно превышают национальный уровень, в динамике за 2012—2024 гг. наблюдается устойчивый рост при относительном снижении внутрикластерной неоднородности. Кластер объединяет крупнейшие научно-образовательные и индустриальные центры страны, характеризующиеся высокой концентрацией исследовательского персонала и постоянным расширением сектора НИОКР. Для

большинства регионов группы характерен умеренный темп роста при сохранении лидирующих позиций, что указывает на переход к стадии стабилизированного технологического лидерства.

Кластер 2 — «перспективные регионы I уровня» (18 субъектов) — занимает промежуточное положение между ядром и периферией. Показатели обеспеченности персоналом НИОКР и внутренних затрат приближаются к значениям «опорных регионов», тогда как изобретательская активность и инновационный выпуск остаются умеренными. Вместе с тем именно эта группа демонстрирует наиболее высокие среднегодовые темпы роста (CAGR) по ряду показателей, особенно по объему инновационных товаров и затратам на НИОКР, что свидетельствует о постепенном сокращении разрыва с лидерами.

Кластер 3 — «перспективные регионы II уровня» (15 субъектов) — представляет средний уровень развития. Средние значения показателей остаются ниже общероссийских, однако темпы роста по отдельным направлениям, прежде всего по инновационному выпуску, сопоставимы с темпами роста в регионах кластера 2. Рост сопровождается высокой вариативностью, что отражает неоднородность исходных условий и точечный характер технологического обновления. В географическом отношении группа включает преимущественно индустриальные субъекты с формирующимися научно-образовательными центрами и отраслевыми нишами.

Кластер 4 — «перспективные регионы III уровня» (19 субъектов) — характеризуется относительно низкими средними значениями всех показателей и выраженной внутригрупповой дифференциацией. Для ряда регионов наблюдаются краткосрочные всплески изобретательской активности или роста инновационного выпуска, что указывает на чувствительность к локальным факторам — наличию отдельных предприятий-лидеров, участию в федеральных программах, развитию университетских инициатив. Несмотря на отдельные успехи, общий темп роста показателей ниже, чем в вышестоящих группах, что подтверждает сохраняющееся отставание по основным параметрам НТР.

Кластер 5 — «развивающиеся регионы» (12 субъектов) — занимает нижние позиции по всем показателям. Для них характерны минимальные значения обеспеченности исследовательским персоналом и затрат на НИОКР, низкий уровень изобретательской активности и ограниченные масштабы инновационного выпуска. При этом в 2012—2024 гг. в ряде субъектов фиксируются сравнительно высокие темпы прироста по отдельным показателям, что объясняется эффектом низкой базы и реализацией единичных проектов в сфере научно-технологического развития. Высокие значения внутрикластерной дисперсии отражают наличие отдельных «точек роста» на фоне общей слабости инфраструктуры НИОКР.

Сравнительный анализ динамики по четырем индикаторам позволяет выявить несколько закономерностей. Во-первых, кадровый потенциал остается ключевым маркером устойчивого технологического лидерства: уровень обеспеченности персоналом НИОКР наиболее стабилен во времени и четко дифференцирует кластеры. Во-вторых, затраты на НИОКР демонстрируют наиболее резкую поляризацию между верхними и нижними группами, при этом «догоняющие кластеры» (I—II уровни) показывают опережающие темпы роста. В-третьих, изобретательская активность отличается высокой волатильностью и чувствительностью к институциональным изменениям. Наконец, инновационный выпуск выявляет разнонаправленные траектории: у «опорных регионов» — высокий и устойчивый уровень, у «догоняющих» — высокие темпы прироста при еще умеренных масштабах.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает наличие иерархически организованной и пространственно-дифференцированной структуры научно-технологического развития России, в которой «опорные» и «перспективные регионы

I уровня» формируют ядро национального научно-технологического пространства, тогда как остальные кластеры представляют зоны трансформации и догоняющего роста (рис. 5).

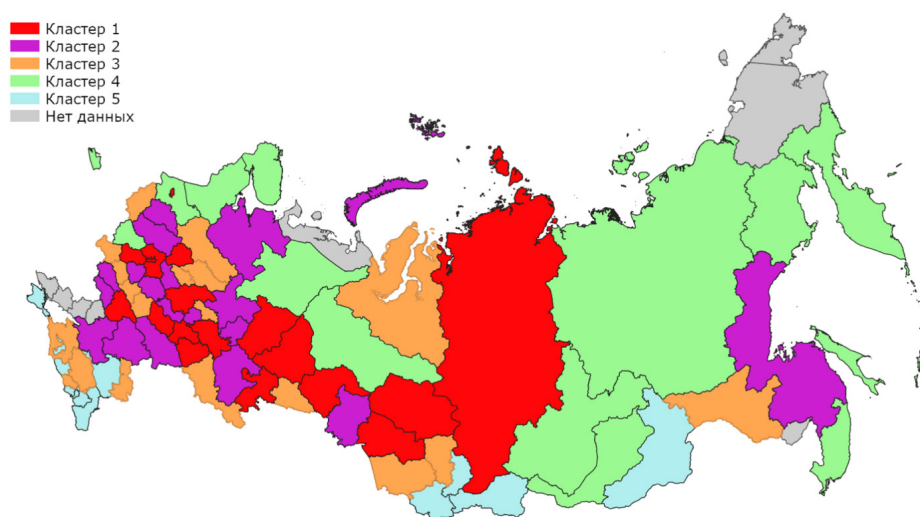

Рис. 5. Фоновая картограмма распределения кластеров НТР по территории Российской Федерации

Устойчивость положительных трендов в 2012—2024 гг. позволяет говорить о постепенном сокращении разрыва между верхними и средними группами, однако периферийные регионы по-прежнему остаются на этапе формирования базовой инфраструктуры и кадровых условий для включения в национальную систему научно-технологического развития.

Следует отметить, что проведенная кластеризация и динамический анализ позволяют не только зафиксировать текущее состояние региональной научно-технологической системы, но и выявить направления для пространственно-ориентированной региональной политики.

Место Калининградской области в устойчивой типологии регионов

Эксклавная Калининградская область — одновременно приграничный и приморский регион РФ [29]. Экономика региона является или являлась, так как данные по внешней торговле субъектов не публикуются с 2022 г., одной из наиболее открытых к внешним связям среди экономик регионов РФ с учетом того, что в отдельные периоды величина импорта существенно (например, в 2014 г. в 1,6 раза) превышала уровень ВРП области [2]. Это позволяет предположить и более высокий уровень зависимости региона от изменения внешних условий по сравнению с другими регионами страны [29].

В рейтинге Минобрнауки, сконцентрированном на оценке условий для осуществления НТД, Калининградская область по итогам 2023 г.¹ переместилась на два пункта вниз — с 22-го на 24-е место. В рейтинге «РИА Рейтинг», базирующемся на оценке объемов финансирования, изобретательской активности и результа-

¹ По состоянию на сентябрь 2025 г. рейтинг за 2024 г. еще не опубликован.

тивности НТД по данным Росстата, область также переместилась, но уже с 51-го на 56-е место. Отметим общую направленность рейтингов в сторону ухудшения результатов региона, а также тот факт, что по анализируемым разным рейтинговыми методиками составляющим НТД возможности региона с точки зрения условий для НТД, создаваемых органами власти и параметрами среды, для наукоемкого бизнеса примерно в 2,3 раза превышают фактические достижения региона в этих «благоприятных» условиях (56-е место по результату против 24-го по условиям).

Причем «благоприятные» условия для наукоемкой деятельности пока не предусматривают возможности значимого увеличения для Калининградской области затрат на научные исследования и разработки, поскольку доля затрат региона в общем объеме таких затрат по РФ в 2012 г. составляла 0,13 % (что меньше 1 % в 7,7 раза), в 2024 г. — 0,16 % (что меньше 1 % в 6 раз). По результатам типологизации за 2012—2024 гг. область занимает место в кластере 3 («перспективные регионы II уровня») и пока не входит в число «опорных», которые могут выступать в качестве устойчивой платформы для реализации актуальных задач государственной политики. Кроме того, базовый показатель вариабельности НТД Калининградской области по периодам, соответствующим «точкам перехода», составляет: 1) 2012—2016 гг. — 92 %; 2) 2016—2021 гг. — 100 %; 3) 2021—2024 гг. — 64 %, то есть в рамках каждого из рассматриваемых периодов существенно превышал не только уровень в 33 %, принятый как граница стабильности изменений, но и среднерегionalный уровень в 79 % (кроме 2021—2024 гг.). Поэтому зависимость НТД региона от внешних изменений характеризуется как «высокая». Динамика показателей региона в значительной степени разнонаправленна по сравнению с общероссийской (рис. 6).

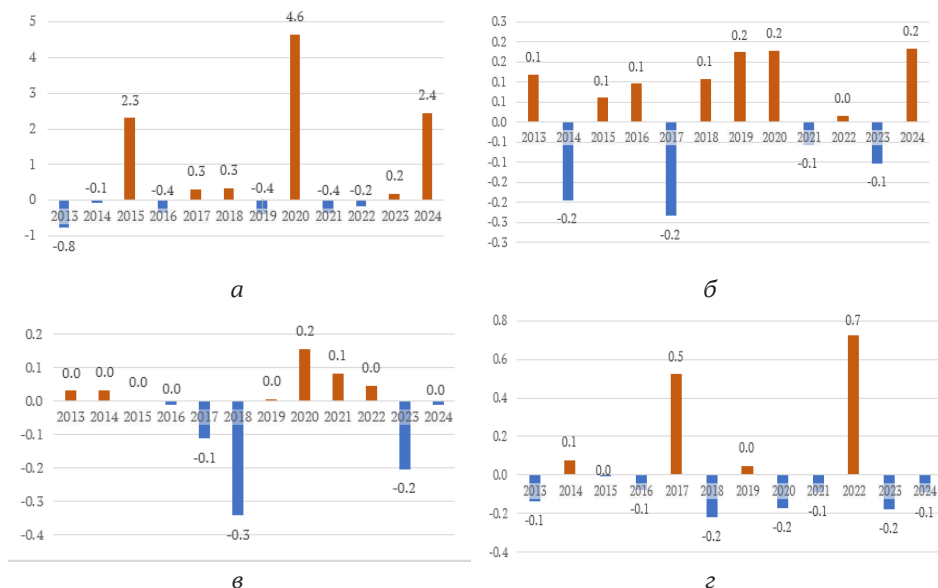

Рис. 6. Разница между темпами роста ключевых показателей НТР

Калининградской области и РФ, п. п.; а — объем инновационной продукции;
б — внутренние затраты на научные исследования и разработки; в — численность
персонала, занятого научными исследованиями; г — изобретательская активность
(коэффициент изобретательской активности (КИА))

Рассчитано на основе данных Росстата.

Финансирование исследований и разработок в регионе (средний темп роста в год за период 2012—2024 гг. — 112 %) осуществляется несколько активнее, чем по стране в целом (109 %). Эта цифра даже несколько превышает средний официальный уровень инфляции примерно в 7 %¹. За период существенно изменилась результативность (эффективность) НТД Калининградской области в показателях результативности по РФ (или «отдача от инвестиций в инновации», оцениваемая здесь как отношение объема инновационной продукции к внутренним затратам на научные исследования, руб./руб.).

В начале рассматриваемого периода достижения региона составляли менее 1 руб. инновационной продукции на рубль средств, вложенных в научные разработки, или в среднем 17 % от результата по РФ (рис. 7). После 2020 г. показатель отдачи от вложенных средств стабильно превышает единицу, что позволило достичь в период 2021—2024 гг. 84 % от общероссийского уровня, а по итогам 2024 г. даже превысить его на 64 % (с уровнем отдачи 8 руб./руб. при среднем по РФ за 2024 г. — 5 руб./руб.) при росте внутренних затрат на исследования только на 14 %, что может рассматриваться как наличие потенциала у региона в сфере НТД при достаточном для планируемых результатов объеме финансирования разработок.

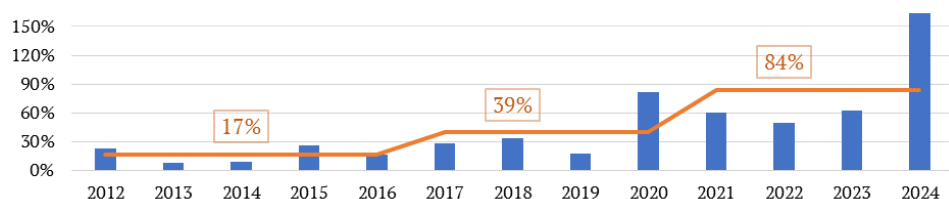

Рис. 7. Доля Калининградской области в данных по РФ по величине отдачи от затрат в объемах инновационной продукции, %

Рассчитано на основе данных Росстата.

Результаты актуальных рейтингов и группировок (типологий и кластеризаций) субъектов РФ по уровню научно-технологического развития

С учетом актуальности вопроса оценки фактического и/или потенциального вклада регионов (или группы регионов) в достижение целей обеспечения экономической безопасности в целом, технологического суверенитета как одной из ее ключевых составляющих, устойчивого научно-технологического развития страны и понимания иерархии результативности регионов по показателям НТР обобщим конкретные итоги наиболее актуальных работ по теме, включая данную, в таблице 1.

В исследовании уже отмечалось многообразие рейтингов, акцентирующих на различных аспектах НТР регионов. Сопоставление результатов устойчивой типологии с актуальными рейтингами научно-технологического развития выявило ряд принципиальных расхождений, обусловленных различиями в методологических подходах.

Во-первых, для ряда регионов характерна высокая изменчивость рейтинговых позиций, связанная с чувствительностью рейтингов к изменению состава показате-

¹ Ключевая ставка Банка России и инфляция, 2025, Банк России, URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=17.09.2013&UniDbQuery.To=22.09.2025 (дата обращения: 22.09.2025).

лей и методик нормирования: например, Свердловская, Самарская и Нижегородская области в разных рейтингах могут смещаться на десятки позиций, тогда как в многолетней кластеризации они устойчиво входят в группы лидеров (кластеры 1 и 2).

Во-вторых, некоторые регионы демонстрируют заметный разрыв между оценкой создаваемых условий (по рейтингу Минобрнауки) и фактическими результатами НТД (по «РИА Рейтинг» и устойчивой типологии). Так, Калининградская область, имея высокие показатели институциональной среды, по многолетним динамическим профилям сохраняет умеренные значения результативности и входит в кластер 3.

В-третьих, ряд субъектов, занимающих высокие места в ежегодных рейтингах за счет реализации отдельных крупных проектов или кратковременного роста финансирования (например, Республика Саха (Якутия), Краснодарский край, Ханты-Мансийский автономный округ), при рассмотрении траекторий за 2012—2024 гг. демонстрируют значительную неустойчивость показателей, что не позволяет им войти в верхние кластеры устойчивой типологии. Наконец, выявлены регионы — «скрытые лидеры», чьи позиции в рейтингах остаются средними, но многолетняя стабильность и высокая интенсивность научно-технологической деятельности в расчете на 10 000 жителей обеспечивают попадание в группу «опорных регионов» — наиболее ярким примером выступает Пензенская область. Эти расхождения подчеркивают, что рейтингование отражает преимущественно моментное состояние региональной НТД, тогда как устойчивые многолетние профили, лежащие в основе предлагаемой типологии, позволяют выявлять структурную стабильность, качество динамики и способность регионов сохранять результаты вне зависимости от внешних шоков и методических изменений. Таким образом, рейтинговые оценки и иерархии регионов по НТР не являются инструментом планирования, тем более долгосрочного, и цели такой также не имеют.

Другим вариантом распределения субъектов служат их группировки по заданным критериям, прежде всего с учетом попадания значений рассматриваемых показателей в определенные, установленные авторами границы. В.И. Бывшев и др. [22] предлагают результаты дифференциации субъектов для более направленной региональной политики в области НТР, которые также базируются на рейтинговых оценках регионов за период 2017—2021 гг.¹, однако с учетом временного интервала, используемого авторами в агрегированном виде (сумма баллов по рейтингам за 5 лет)².

Несмотря на разные исходные предпосылки и временные рамки работ, отметим, что субъекты [22], отнесенные по 40 показателям к типу «передовых регионов»³ (группа 1 регионов в рамках дифференциации), полностью входят в состав кластера 1 в рамках устойчивой типологии, сформированной только по четырем ключевым показателям, что важно для настоящего исследования.

В качестве итогового варианта для сопоставления рассмотрим результаты кластеризации субъектов. Одной из наиболее актуальных по состоянию на октябрь 2025 г. является работа 2024 г. [14], в которой представлены два варианта кластеризации для оценки вклада субъектов в технологический суверенитет страны. Первый вариант кластеризации осуществляется по набору из 29 показателей, второй вари-

¹ Публикация в журнале вышла 30 сентября 2024 г. и рассматривает данные субъектов РФ за 2017—2021 гг., что сократило срок актуальности результатов.

² Отметим, что распределение субъектов по группам произведено авторами данного исследования самостоятельно с учетом границ агрегированного рейтинга, поскольку работа [22] помимо показателей НТР рассматривает пространственный и административно-исторический блоки.

³ Кроме показателей НТР авторы в [22] используют показатели социально-экономического, пространственного и административно-исторического блоков.

ант — из 31 показателя . Авторы в [14] отмечают, что модификация системы показателей осуществлена ими ввиду недоступности отдельных данных в санкционных условиях (например, по внешней торговле субъектов), что привело к необходимости искать альтернативы. О сложностях корректного сопоставления результатов группировки за длительный период времени при наличии большого количества сравниваемых показателей уже говорилось нами ранее. В работе [14] в отличие от настоящего исследования для кластеризации применялся итеративный метод k-средних. Метод k-средних, в отличие от метода Варда, требует заранее заданного числа кластеров, что может привести к формированию неоптимальных кластеров. Кроме того, в работе [14] полная наполняемость первого кластера сформирована у авторов всего одним субъектом — г. Москвой.

Далее используем результаты дифференциации и кластеризации субъектов (см. табл. 1) для целей верификации базовой гипотезы настоящего исследования, которая заключается в предположении, что регионы, характеризующиеся наиболее высокими показателями развития их научно-технологических подсистем¹, демонстрируют и стабильные темпы инновационной деятельности, что рассматривается в данной работе как высокая степень независимости от изменения внешних факторов и условий хозяйствования (табл. 2).

Таблица 2

Показатели вариабельности темпов инновационной деятельности к темпам внутренних затрат на научные исследования и разработки по группировкам и результатам кластеризации субъектов по уровню НТР

Группа регионов	Устойчивая кластеризация (2012—2024)	Кластеризация по 29 показателям [14]	Кластеризация по 31 показателю [14]	Дифференциация субъектов [22]
	Средняя вариация эффективности инновационной деятельности регионов в группе / кластере ² , %			
1	41	33	33	40
2	65	43	19	60
3	111	71	65	94
4	84	90	87	110
5	110	103	100	—
Разница между вариабельностью в крайних группах / кластерах	В 2,7 раза	В 3,1 раза	В 3 раза	В 2,2 раза

Действительно, во всех представленных исследованиях и работах регионы, входящие в первую и вторую группы, соответствующие наиболее высоким показателям НТР (с учетом разных исходных предпосылок у разных авторов), демонстрируют гораздо более высокий уровень стабильности темпов изменений (то есть низкий уровень вариабельности) по сравнению со всеми остальными группами, выделенными в разных исследованиях. Как отмечалось, накопление необходимой инфраструктуры и создание благоприятных условий для развития в регионе науки и создания инноваций, как правило, длительный процесс, в котором важны повторяемость и постоянство прогресса, отчетливо демонстрируемые прежде всего «опорными регионами» (кластер 1), а также «перспективными регионами I уровня» (кластер 2).

¹ Что оценивается авторами с учетом разных базовых предпосылок и методологий.

² Для возможности сопоставления по результатам за 2012—2024 гг.

Для оценки возможности использования только ключевых показателей в целях распределения регионов по показателям НТР сопоставим результаты рейтингов (ранжирования) и кластеризации субъектов (по двум группам показателей) с результатами произведенной авторами кластеризации (по итогам типирования субъектов за 2012—2024 гг.)¹, с учетом ограничений, накладываемых разными временными рамками работ. В отношении рейтингов используем порядковый номер субъектов в рейтинге соответствующего года. Для типирования результатов кластеризации используем также порядковый номер субъекта, представленный в работе [14] в соответствии с инновационным индексом (индексом НТР)² (табл. 3).

Таблица 3

Результаты типирования субъектов РФ по показателям НТР

Разница по группе	Рейтинги НТР				Кластеризация			
	19 показателей		19 показателей		29 показателей		31 показатель	
	По данным рейтинга НТР, 2022 г.	Доля от общего числа субъектов, %	По данным рейтинга НТР, 2023 г.	Доля от общего числа субъектов, %	По первоначальному данным кластеризации, 2022 г.	Доля от общего числа субъектов, %	По новым показателям кластеризации, 2022 г.	Доля от общего числа субъектов, %
-3	—	—	—	—	1	1	—	—
-2	—	—	—	—	5	6	4	5
-1	16	20	15	18	12	15	14	17
0	51	62	52	63	45	55	47	57
1	14	17	15	18	13	16	13	16
2	1	1	—	—	6	7	3	4
3	—	—	—	—	—	—	1	1
Общее число: от -1 до +1	81	99	82	100	70	85	74	90

Среднее количество показателей, задействованных для точного распределения субъектов по уровню НТР в приведенных рейтингах и результатах кластеризации, — 25. При этом только ключевые показатели позволили авторам обеспечить абсолютное совпадение по группе для 59 % субъектов в среднем. В соседние группы, то есть в границах от -1 до +1, попадают 94 % всех субъектов, что обеспечивает достаточно релевантный вариант их использования и дает возможность отслеживания прогресса в достижении регионами целей НТР исключительно на базе ключевых показателей, являющихся доступными для регулярного мониторинга.

Выводы

Результаты исследования демонстрируют комплексную картину пространственной структуры научно-технологического развития субъектов РФ за длительный период — 2012—2024 гг. Применяемый метод иерархической кластеризации на мно-

¹ Результаты типирования субъектов по кластеризации за 2012—2024 гг.: кластер 1 — 18 субъектов; кластер 2 — 18; кластер 3 — 15; кластер 4 — 19; кластер 5 — 12.
² Результаты типирования по данным агрегированного рейтинга для дифференциации субъектов в работе [22] не включаются, так как помимо показателей НТР оценки построены и на ряде социально-экономических показателей.

голетних данных открывает путь для использования результатов оценки регионов не по разовым значениям показателей, а по их устойчивым временным траекториям. Такой подход позволил сформировать типологию, отражающую не только текущее положение регионов, но и степень стабильности их научно-технологического потенциала в различных внешнеэкономических условиях.

Кластеризация выявила пять устойчивых групп регионов, отличающихся по уровню и темпам научно-технологического развития. Вершину иерархии составляют «опорные регионы» — ядро национальной научно-технологической системы, обеспечивающее концентрацию кадровых, финансовых и институциональных ресурсов. Эти регионы демонстрируют высокие и стабильные показатели по всем ключевым индикаторам и наименьшую чувствительность к внешним изменениям, что подтверждает их роль как пространственных опор технологического суверенитета страны. Перспективные регионы I уровня формируют ближайший к ядру контур научно-технологического пространства: они демонстрируют динамичное догоняющее развитие, высокие темпы роста по показателям инновационной активности и постепенное сокращение разрыва с лидерами. Регионы II и III уровней характеризуются средними и ниже средних значениями показателей, однако именно в них фиксируются значительные резервы роста и наибольшая вариативность результатов, что указывает на наличие потенциала при условии активной государственной поддержки. Развивающиеся регионы занимают периферию национальной системы, оставаясь часто зависимыми от внешних факторов и ограниченными в ресурсах, но даже среди них выявляются отдельные территории с признаками локального научно-технологического подъема.

Особое значение имеет результат сопоставления кластерной типологии с актуальными группировками и рейтингами научно-технологического развития, что подтвердило высокую конвергенцию подходов: свыше 90 % регионов сохраняют принадлежность к схожим группам при разных методах оценки. Это доказывает, что использование ограниченного числа ключевых показателей (персонал, затраты, изобретательская активность, инновационный выпуск) позволяет адекватно отразить реальное положение регионов и динамику их научно-технологического развития.

Полученные результаты имеют прикладное значение для пространственно-ориентированной научно-технологической политики. Кластеризация за длительный период позволяет выделить регионы с подтвержденной устойчивостью научно-технологической деятельности и относительно низкой зависимостью от внешних факторов, которые могут рассматриваться в качестве опорных территорий при реализации государственной политики технологического суверенитета. Для регионов II и III уровней приоритетным направлением становится наращивание кадрового и инфраструктурного потенциала, а для периферийных субъектов — включение в межрегиональные и сетевые формы сотрудничества, способные компенсировать ограниченность внутренних ресурсов, на чем и планируется сосредоточить дальнейшие исследования по теме.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-27-20063, <https://rscf.ru/project/25-27-20063>.

Список литературы

1. Афанасьев, А. А. 2025, Технологический суверенитет: сущность, цели и механизм достижения, *Вопросы инновационной экономики*, т. 15, № 2, с. 469—488, EDN: FJXXBM, <https://doi.org/10.18334/vinec.15.2.122986>

2. Новикова, А. А. 2020, Оценка изменений международной и межрегиональной открытости экономики российского эксклава на Балтике, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 6 (16), № 1, с. 13—30, EDN: SXEMBU
3. Furman, J. L., Porter, M. E., Stern, S. 2002, The determinants of national innovative capacity, *Research Policy*, vol. 31, № 6, p. 899—933, [https://doi.org/10.1016/s0048-7333\(01\)00152-4](https://doi.org/10.1016/s0048-7333(01)00152-4)
4. Гареев, Т. Р. 2023, Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации, *Terra Economicus*, т. 21, № 4, с. 38—54, EDN: RAJNXU, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
5. Капогузов, Е. А., Шерешева, М. Ю. 2024, От импортозамещения к технологическому суверенитету: содержание дискурса и возможности нарративного анализа, *Terra Economicus*, т. 22, № 3, с. 128—142, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-128-142>
6. Ван, В. 2023, Новая эра девестернизации, *Россия в глобальной политике*, т. 21, № 2 (120), с. 180—183, EDN: EKZNQL, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-180-183>
7. Волошенко, К. Ю. 2024, Экономическая безопасность как фактор экономического развития российского эксклава в национальных интересах, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 31—50, EDN: КОНЕKL, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-2>
8. Ускова, Т. В. 2019, Ключевые угрозы экономической безопасности России, *Проблемы развития территории*, № 1 (99), с. 7—16, EDN: YWTDXF, <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.1.99.1>
9. Васильева, Л. П. 2020, Экономическая безопасность: определения и сущность, *Журнал прикладных исследований*, № 3, с. 6—13, EDN: UMUYDN, https://doi.org/10.47576/2712-7516_2020_3_6
10. Власова, М. С., Степченкова, О. С. 2019, Показатели экономической безопасности в научно-технологической сфере, *Вопросы статистики*, т. 26, № 10, с. 5—17, EDN: LYZOKW, <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-10-5-17>
11. Багаряков, А. В., Никулина, Н. Л. 2012, Исследование экономической безопасности в аспекте взаимосвязи «Инновационная безопасность — инновационная культура», *Экономика региона*, № 4 (32), с. 178—185, EDN: PJOBNH, <https://doi.org/10.17059/2012-4-18>
12. Суховой, А. Ф. 2014, Проблемы обеспечения инновационной безопасности в Российской Федерации, *Экономика региона*, № 4 (40), с. 141—152, EDN: TFGKNV, <https://doi.org/10.17059/2014-4-11>
13. Михайлова, А. А. 2017, Оценка инновационной безопасности регионов России, *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, т. 13, № 4 (349), с. 711—724, EDN: YLOOTR, <https://doi.org/10.24891/ni.13.4.711>
14. Волкова, Н. Н., Романюк, Э. И., 2024, Вклад регионов в технологический суверенитет страны: использование возможностей статистического анализа, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 93—115, EDN: QWLHMY, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_6_93_115
15. Земсков, В. В. 2023, Научно-технологический суверенитет: новые вызовы и решения, *Экономическая безопасность*, т. 6, № 4, с. 1321—1334, EDN: XBQUAU, <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.4.118817>
16. Афанасьев, А. А. 2023, Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы, *Вопросы инновационной экономики*, т. 13, № 2, с. 689—706, EDN: ZIAOXU, <https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117375>
17. Грандонян, К. А., Бехер, В. В., Киселева, О. Н., Солдунов, А. В. 2023, О драйверах достижения технологического суверенитета России в современных условиях, *Основы экономики, управления и права*, № 2 (37), с. 78—82, EDN: DOTWRT, https://doi.org/10.51608/23058641_2023_2_78
18. Горячева, Т. В., Мызрова, О. А. 2023, Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России, *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*, т. 23, № 2, с. 134—145, EDN: GHNDZK, <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145>
19. Доржиева, В. В., Сорокина, Н. Ю., Беляевская-Плотник, Л. А., Волкова, Н. Н., Романюк, Э. И. 2022, *Пространственные аспекты инновационного и научно-технологического развития России*, Научный доклад, Институт экономики РАН, EDN: CCGFRF

20. Волкова, Н.Н., Романюк, Э.И. 2023, Рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 2, с. 50—72, EDN: QBNXNT, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_50_72
21. Мыслякова, Ю.Г. 2021, Разработка типологии регионов по их предрасположенности к научно-технологическому развитию, *Экономика и управление*, т. 27, № 10 (192), с. 775—785, EDN: UMBMYG, <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-10-775-785>
22. Бывшев, В.И., Пантелеева, И.А., Писарев, И.В. 2024, Дифференциация субъектов Российской Федерации для реализации региональной научно-технологической и инновационной политики, *Экономика региона*, т. 20, № 3, с. 702—717, EDN: EJRQZ, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-7>
23. Selye, H. 1964, *From Dream to Discovery*. New York, (цит. по: Мирская, Е.З. 1969, Противоречивость научного творчества, Микулинский, С.Р., Ярошевский, М.Г. (ред.), *Научное творчество*, М., с. 298.).
24. Аскарова, В.Я. 2006, О принципах выявления разумной достаточности эмпирического материала в книговедческих исследованиях, *Библиосфера*, № 2, с. 31—35, EDN: HSNPGF
25. Dosi, G., Llerena, P. Labini, M.S. 2006, The Relationships between Science, Technologies and Their Industrial Exploitation: An Illustration through the Myths and Realities of the So-Called European Paradox, *Research Policy*, vol. 35, № 10, p. 1450—1464, <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2006.09.012>
26. David, P.A. 1985, Clio and the Economics of QWERTY, *The American Economic Review*, Papers and Proceedings of the Ninety-Seventh Annual Meeting of the American Economic Association, vol. 75, № 2, p. 332—337.
27. Корячко, В.П. 2023, Выбор числа кластеров в задачах кластеризации с использованием метода силуэтов. В: *BIG DATA и анализ высокого уровня = BIG DATA and Advanced Analytics*, сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции, Минск, 17—18 мая 2023 г.: в 2 ч. Ч. 1, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минск, с. 333—340, EDN: SRYUVQ
28. Ажинов, Д.Г., Лапшова, Т.Е. 2023, Типологизация стран Балтийского региона по уровню научно-технологического развития, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 78—95, EDN: KZOMRU, <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-5>
29. Федоров, Г.М. 2020, Оценка уровня экономической безопасности эксклавного региона России — Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 40—54, EDN: RIXCWE, <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-3>
30. Волощенко, К.Ю., Новикова, А.А. 2022, Влияние изменений территориального распределения внешней торговли на развитие Калининградской области, *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, т. 5, № 4, с. 127—141, EDN: SOOYWW

Об авторах

Анна Александровна Новикова, кандидат географических наук, доцент, кафедре менеджмента, Калининградский государственный технический университет, Россия; аналитик, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
<https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

E-mail: anna.novikova@klgtu.ru, aanovikova@kantiana.ru

Данил Геннадьевич Ажинов, директор, Дирекция проектного управления, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-1968-8840>

E-mail: dazhinov@gmail.com

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS: A TYPOLOGICAL ANALYSIS, 2012–2024

A. A. Novikova^{1, 2}

D. G. Azhinov²

¹ Kaliningrad State Technical University,
1 Sovetsky Prospekt, Kaliningrad, 236022, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 09 October 2025

Accepted 23 November 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-6

© Novikova, A. A., Azhinov, D. G., 2025

Contemporary geoeconomic transformations have heightened the need for spatial analysis of the sustainability of scientific and technological development across Russian regions, particularly in light of the strategic transition from import substitution to technological sovereignty. This study examines typological differences in the level and dynamics of scientific and technological activity of Russian regions between 2012 and 2024, identifying territories that have consistently demonstrated strong performance and are therefore capable of serving as centres for national technological policy amid changing external conditions. The analysis applies hierarchical cluster methods to longitudinal data on regional scientific and technological inputs (staff, funding) and outputs (performance). The extended temporal scope enables the identification of stable regional dynamic profiles, revealing structural distinctions and long-term developmental trajectories. This approach is especially relevant today, as national scientific and technological development increasingly depends on domestic resources, capabilities and competencies. The study establishes a typology of regions, with a core group distinguished by substantial resource concentration and persistently superior performance. It is concluded that the analysis of spatial and temporal dynamics enables the identification of regions that demonstrate resilience to external shifts and have the capacity to contribute to the implementation of a long-term state strategy in science, technology and innovation.

Keywords:

scientific and technological development, spatial typology, import substitution, economic security, technological sovereignty, external relations, technology import, exclave, Kaliningrad region

Funding. This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (№ 25-27-20063).

References

1. Afanasyev, A. A. 2025, Technological sovereignty: nature, goals and mechanism of achievement, *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 15, № 2, p. 469–488, <https://doi.org/10.18334/vinec.15.2.122986>
2. Novikova, A. A. 2020, Evaluation of changes in the international and interregional economic openness of the Russian exclave on the Baltic, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, № 1, p. 13–30 (in Russ.).

To cite this article: Novikova, A. A., Azhinov, D. G. 2025, Scientific and technological development of Russian regions: a typological analysis, 2012–2024, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 107–135.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-6

3. Furman, J. L., Porter, M. E., Stern, S. 2002, The determinants of national innovative capacity, *Research Policy*, vol. 31, № 6, p. 899—933, [https://doi.org/10.1016/s0048-7333\(01\)00152-4](https://doi.org/10.1016/s0048-7333(01)00152-4)
4. Gareev, T. 2023, Technological sovereignty: from conceptual contradiction to practical implementation, *Terra Economicus*, vol. 21, № 4, p. 38—54, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
5. Kapoguzov, E. A., Sheresheva, M. Y. 2024, From import substitution to technological sovereignty: Related discourse and a narrative approach perspective, *Terra Economicus*, vol. 22, № 3, p. 128—142, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-128-142>
6. Wang, W. 2023, A new era of de-westernization, *Russia in Global Affairs*, vol. 22, № 3, p. 180—183, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-180-183>
7. Voloshenko, K. Yu. 2024, Economic security as a driver of Russian exclave development in alignment with national interests, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 31—50, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-2>
8. Uskova, T. V. 2019, The key threats to Russia's economic security, *Problems of Territory's Development*, № 1 (99), p. 7—16, <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.1.99.1>
9. Vasilyeva, L. 2020, Economic security: definitions and essence, *Journal of applied research*, № 3, p. 6—13, https://doi.org/10.47576/2712-7516_2020_3_6
10. Vlasova, M. S., Stepchenkova, O. S. 2019, Indicators of economic security in the scientific and technological sphere, *Voprosy Statistiki*, vol. 26, № 10, p. 5—17, <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-10-5-17>
11. Bagaryakov, A. V., Nikulina, N. L. 2012, Investigation of economic security in terms of relations innovation security — Innovation culture, *Economy of Regions*, № 4, p. 178—185, <https://doi.org/10.17059/2012-4-18>
12. Sukhovey, A. F. 2014, The problems of providing innovative security in Russia, *Economy of Regions*, № 4, p. 141—152, <https://doi.org/10.17059/2014-4-11>
13. Mikhailova, A. A. 2017, Evaluation of innovative security of the Russian regions, *National Interests: Priorities and Security*, № 4, p. 711—724, <https://doi.org/10.24891/ni.13.4.711>
14. Volkova, N. N., Romanyuk, E. I. 2024, Contribution of regions to the technological sovereignty of the country: using the possibilities of statistical analysis, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 93—115, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_6_93_115
15. Zemskov, V. V. 2023, Scientific and technological sovereignty: new challenges and solutions, *Economic security*, vol. 6, № 4, p. 1321—1334, <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.4.118817>
16. Afanasev, A. A. 2023, Technological sovereignty: variant approaches, *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 13, № 2, p. 689—706, <https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117375>
17. Grandonian, K. A., Bekher, V. V., Kiseleva, O. N., Soldunov, A. V. 2023, The drivers of achieving technological sovereignty of Russia in modern conditions, *Economy, Governance and Lave Basis*, № 2, p. 78—82, https://doi.org/10.51608/23058641_2023_2_78
18. Goryacheva, T. V., Myzrova, O. A. 2023, The role and place of technological sovereignty in ensuring the Russian economy sustainability, *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, № 2, p. 134—145, <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145>
19. Dorzhieva, V. V., Sorokina, N. Yu., Belyaevskaya-Plotnik, L. A., Volkova, N. N., Romanyuk, E. I. 2022, *Spatial Aspects of Innovative and Scientific-Technological Development in Russia*, Scientific Report, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (in Russ.).
20. Volkova, N. N., Romanyuk, E. I. 2023, Rating of scientific and technological development of the subjects of the Russian Federation, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 2, p. 50—72, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_50_72
21. Myslyakova, Yu. G. 2021, Developing a typology of regions based on their predisposition to scientific and technological development, *Economics and Management*, vol. 27, № 10, p. 775—785, <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-10-775-785>
22. Byvshev, V. I., Panteleeva, I. A., Pisarev, I. V. 2024, Differentiation of the Constituent Entities of the Russian Federation for the Implementation of Regional Scientific, Technological and Innovation Policy, *Economy of Regions*, vol. 20, № 3, p. 702—717, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-7>

23. Selye, H. 1964, *From Dream to Discovery*. New York.
24. Askarova, V. Y. 2006, On the principles of identifying reasonable sufficiency of empirical material in book studies, *Bibliosphere*, № 2, p. 31 — 35 (in Russ.).
25. Dosi, G., Llerena, P., Labini, M.S. 2006, The Relationships between Science, Technologies and Their Industrial Exploitation: An Illustration through the Myths and Realities of the So-Called European Paradox, *Research Policy*, vol. 35, № 10, p. 1450 — 1464, <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2006.09.012>
26. David, P. A. 1985, Clio and the Economics of QWERTY, *The American Economic Review*, Papers and Proceedings of the Ninety-Seventh Annual Meeting of the American Economic Association, vol. 75, № 2, p. 332 — 337.
27. Koryachko, V. P. 2023, Selecting the Number of Clusters in Clustering Problems Using the Silhouette Method. In: *BIG DATA and Advanced Analytics, collection of scientific articles from the IX International Scientific and Practical Conference*, Minsk, May 17 — 18, 2023: in 2 parts. Part 1, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, p. 333 — 340 (in Russ.).
28. Azhinov, D. G., Lapshova, T. E. 2023, A typology of the Baltic Region states according to excellence in science and technology, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 78 — 95, <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-5>
29. Fedorov, G. M. 2020, On the economic security of Russia's Kaliningrad exclave, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 40 — 54, <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-3>
30. Voloshenko, K. Y., Novikova, A. A. 2022, Impact of changes in the territorial distribution of foreign trade on the development of the Kaliningrad Region, *Vestnik Moskovskogo Universiteta Seriya Geografiya*, vol. 5, № 4, p. 127 — 141.

The authors

Dr **Anna A. Novikova**, Associate Professor, Department of Management, Kaliningrad State Technical University, Russia; Analyst, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

E-mail: anna.novikova@klgtu.ru, aanovikova@kantiana.ru

Danil G. Azhinov, Director, Project Management Office, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-1968-8840>

E-mail: dazhinov@gmail.com

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

UXHLAZ

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Г. Н. Никонова

Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр
Российской академии наук,
199178, Россия, Санкт-Петербург, 14-я линия В. О., 39

Поступила в редакцию 30.08.2025 г.
Принята к публикации 31.10.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-7
© Никонова Г. Н., 2025

Цель исследования — анализ современного состояния и перспектив территориальной трансформации сельскохозяйственного землепользования для определения направлений и угроз при вовлечении неиспользуемых земель в хозяйственный оборот. Объектом исследования выступало сельскохозяйственное землепользование в Ленинградской области как территории с высокоразвитым аграрным производством, входящей в состав Балтийского региона. Методология исследования базировалась на оценке пространственных изменений в территориальной структуре сельскохозяйственного землепользования в регионе, анализе динамики структурных сдвигов в распределении сельхозугодий, пашни и посевных площадей. Проанализированы показатели структурных сдвигов, темпы их прироста в разрезе муниципальных районов в период между Всероссийской сельскохозяйственной переписью 2006 г. и микропереписью 2021 г. Показана степень интенсивности территориальных сдвигов в сельскохозяйственном землепользовании Ленинградской области в целом за период 1990—2006, 2006—2016 и 2016—2021 гг. Выявлены особенности трансформационных процессов и их направленность по векторам «север — юг» и «центр — периферия». Рассмотрено влияние процесса урбанизации на территориальные сдвиги в сельскохозяйственном землепользовании и последствия для территорий, примыкающих к Санкт-Петербургу. Проанализированы территориальные различия и выделены три основных ареала в распределении неиспользуемых сельхозугодий на территории области. На примере северного периферийно расположенного Приозерского района показано, что при целенаправленном формировании благоприятной для землепользования системы социально-экономических и институциональных факторов сельскохозяйственные угодья могут сохранять свою ценность для агробизнеса. Определены территориальные различия в путях предотвращения вероятных угроз сельскохозяйственному землепользованию при условии сохранения существующего тренда его трансформации.

Ключевые слова:

территориальные сдвиги, муниципальные районы, ареалы, неиспользуемые земли, землепользование, Ленинградская область

Для цитирования: Никонова Г. Н. Изменения территориальной структуры сельскохозяйственного землепользования в Ленинградской области // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 4. С. 136—159.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-7

Введение

В условиях, когда развитию национального аграрного сектора придается статус стратегического приоритета, актуальность проблем эффективного использования ресурсов не только не уходит с повестки дня, но и значительно усиливается. При этом растет значимость их первоочередного решения в территориальном аспекте, так как это, в частности, определяет особенности и степень оптимальности размещения аграрного производства по территории страны.

В период рыночной экономики в аграрном секторе Российской Федерации произошли существенные территориальные сдвиги, породившие риски в сельскохозяйственном землепользовании, чему способствовал целый ряд предпосылок институционального и социально-экономического характера. Прежде всего был осуществлен поэтапный переход от исключительно государственной формы собственности на землю к многообразию ее видов, от полного доминирования колхозов и совхозов в землепользовании к широкому спектру пользователей, включая различные организационно-правовые формы сельскохозяйственных организаций, крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальных предпринимателей и др.

Переход был осуществлен путем раздела сельскохозяйственных угодий колхозов и совхозов на земельные доли, которые получили их работники и представители сельской интеллигенции вместе с правом распоряжения ими. Тем самым был запущен неэффективный механизм землепользования, представляющий собой «институциональную ловушку» [1]. Земельные доли не были выделены на местности, но стали предметом не только их аренды, но и купли-продажи, что позволило девелоперам в пригородных районах скупать земельные участки под строительство жилых домов, коммерческих зданий, объектов инфраструктуры, выводя их из сферы сельскохозяйственного землепользования. Это резко активизировало процесс урбанизации, который до перехода к рыночной экономике всячески сдерживался властными структурами, прежде всего путем лимитирования прописки в городах.

Таким образом, однонаправленные векторы земельной реформы и урбанизации усилили друг друга, разрушая сельскохозяйственное землепользование и порождая рост концентрации населения в городах. Земельные доли на остальной территории регионов либо способствовали аккумуляции земельных ресурсов крупными землевладельцами типа «Мираторг», «Агрокомплекс им. Н. И. Ткачева», «Русагро», «ГК Эко-Нива» и др., либо выбывали из хозяйственного оборота в районах с неблагоприятным местоположением. В отдаленных от городских центров районах, особенно на депрессивных территориях, земельные доли оказались невостребованными, колхозы и совхозы обанкротились, а новые производители сельскохозяйственной продукции не появились.

Совокупность данных предпосылок и специфика рыночных отношений привели к тому, что значительная часть земель сельскохозяйственного назначения и в особенности сельскохозяйственных угодий оказалась выбывшей из хозяйственного оборота. По данным на 1 января 2021 г., площадь неиспользованных земель сельскохозяйственного назначения в целом по стране составляла 44,5 млн га, или 11,7 % от их общей площади. Удельный вес неиспользуемых сельскохозяйственных угодий еще выше — 16,7 % (33,0 млн га).¹ Вследствие остроты ситуации, в мае 2021 г.

¹ Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году, 2024, М., ФГБНУ Росинформаргопотех, URL: <https://cloud.mail.ru/public/k5yz/RJzLaBcqV> (дата обращения 15.06.2025).

была принята специальная Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации.¹

Следует отметить, что распределение неиспользуемых земель имеет четко выраженный пространственный аспект, связанный с региональной спецификой природных и социально-экономических особенностей землепользования. Вариация удельного веса выбывших из оборота сельскохозяйственных угодий во всей их площади по федеральным округам (ФО) Российской Федерации на начало 2024 г. составила от 1,3 % (Северо-Кавказский ФО) до 58 % (Северо-Западный ФО), по субъектам Федерации — от 0,0 % (Ставропольский край, Республика Ингушетия) до 78,9 % (Тверская область). Причем, несмотря на тенденцию сокращения удельного веса неиспользуемых сельскохозяйственных угодий, в том числе пашни в целом по Российской Федерации, он остается достаточно высоким в субъектах Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ. Также достаточно дифференцированы данные показатели землепользования и в пределах российской части Балтийского региона: Калининградская область — 32,8 %, Ленинградская — 31,3 %, Новгородская — 54,8 %, Псковская — 75,5 %. Это требует регионального подхода в исследовании перспектив эффективности мероприятий в ходе реализации Госпрограммы с учетом произошедших в годы рыночных реформ территориальных структурных сдвигов и вероятных угроз при вовлечении в оборот заброшенных земель, чему и посвящена данная статья.

Обзор литературных источников

При изучении литературных источников по данной теме выяснилось, что основной всплеск активности публикаций о территориальных сдвигах в сельскохозяйственном землепользовании, которые привели к неоднозначным последствиям и рискам для аграрного производства, был характерен для 2012—2020 гг. Причем особо следует выделить период после Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., когда появилась новая информация о состоянии земельных ресурсов и их использовании, в то время как после 2020 г. в печати можно найти лишь отдельные работы. Все публикации, в которых представлены территориальные аспекты сельскохозяйственного землепользования, можно объединить в три группы: рассматривающие усиление межрегиональных различий; посвященные влиянию урбанизации на землепользование; исследующие проблемы заброшенных земель.

Усиление межрегиональных различий. Трансформацию сельскохозяйственного землепользования в регионах России в ходе современных социально-экономических реформ рассмотрел М. А. Казьмин [2]. Его исследования показали, что наиболее активно трансформационные процессы проходили в Европейской части России, начиная от освоенных регионов центра страны на севере и до лесостепей и степей на юге, а также на юге Сибири и Дальнего Востока. В результате произошедших изменений зафиксированы процесс концентрации посевных площадей в пределах степной и сухостепной природных зон Европейской России, динамика распределения площадей сельскохозяйственных угодий и пашни по экономическим районам Российской Федерации.

Проблемы трансформации сельскохозяйственных земель Европейской части России с точки зрения эколого-экономической оценки анализируются Г. Д. Мухиным. В его статье рассмотрены территориальные особенности трансфор-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731, 2021, URL: <http://government.ru/docs/all/134619/> (дата обращения 15.06.2025).

мации землепользования в разрезе федеральных округов с выделением отдельно Нечерноземной зоны России, в которой отмечены высокие темпы сокращения площадей сельскохозяйственных угодий, пашни и посевов. Показано, что многие изменения в межрегиональном отношении просматриваются в направлении «север — юг», а внутри регионов — по вектору «центр — периферия». Динамика изменений при продвижении с севера (Нечерноземная зона) на юг (зона степей) становится более позитивной: в меньшей степени сократились посевные площади (в том числе зерновых культур). При этом в большинстве регионов Нечерноземья отмечена поляризация масштаба их сокращения в координатах «центр — периферия» [3].

Результаты пространственного анализа факторов и последствий трансформации сельскохозяйственного землепользования в условиях Смоленской области на локальном уровне — сельских поселений — представлены в статье Е. Ю. Колбовского, О. А. Климановой и И. М. Бавшина [4]. Авторы статьи выявили, что в пространственном отношении дифференциация процессов зарастания земель в масштабе сельских поселений наиболее активно проявляется на расстоянии 30 км к северу и югу от основных федеральных автомагистралей, проходящих через регион, а степень освоенности земель меняется волнообразно в направлении с востока на запад, определяя чередование ареалов более залесенных и более сельскохозяйственных поселений.

Н. М. Скобеев исследовал тенденции в изменении землепользования в Тульской области на основе сопоставления показателей Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг., а также данных Росреестра и, несмотря на не всегда их соответствие друг другу, смог прийти к выводу об усилении внутриобластной поляризации землепользования. Так, в северных районах области, примыкающих к Московской агломерации, была установлена отрицательная динамика площадей сельскохозяйственных угодий, чему способствовала смена функционального использования земель, а в южных районах — концентрация пахотных угодий. При продвижении с юга и юго-востока региона на север и северо-запад была выявлена тенденция роста площадей неиспользуемых земель [5].

Влияние урбанизации на землепользование. Процесс урбанизации формирует комплекс проблем землепользования в пригородной зоне крупных агломераций, в том числе крупнейших Московской и Санкт-Петербургской. При этом в различных публикациях по данному вопросу делаются схожие выводы о том, что урбанизация, рост площади городов, промышленных и застроенных территорий приводят к сокращению площади сельскохозяйственных угодий, а также выбытию земель из аграрного оборота, что сельскохозяйственные предприятия не выдерживают конкуренции за землю с организациями с альтернативными видами землепользования [6—8].

Данная ситуация характерна практически для всех стран мира, прежде всего для Китая, где отмечаются высокие темпы урбанизации, которые предопределяют конкуренцию городских территорий за высокопродуктивные пригородные сельскохозяйственные земли, что приводит не только к их сокращению, но и к выбытию плодородных сельскохозяйственных угодий [9].

Об оставленных без обработки сельскохозяйственных землях в пригородах городов в научных публикациях можно встретить данные относительно различных стран мира. Так, ученые из Италии [10] указанные пространства на периферии городов между застроенными районами и сельскохозяйственными землями называют маргинальными. Здания, сооружения, объекты инфраструктуры разрастающихся городов вторгаются в сельскохозяйственные угодья, фрагментируя их и приводя к образованию значительного количества земель, которые представляют собой «пустоты на окраинах города» и будут неумолимо

поглощены или преобразованы урбанизацией. Авторы предлагают такие земли использовать для отдыха городских жителей, оказания сельскохозяйственных услуг, местного производства товаров, сокращения выбросов парниковых газов, сохранения биоразнообразия.

Урбанизация также отрицательно влияет на землепользование в отдаленных периферийных районах, формируя там ареалы покинутых земель. Данная закономерность характерна для многих стран и описывается на примере городской агломерации в дельте р. Чжуцзян (Китай) [9], где под влиянием процесса урбанизации, вызванной быстрой промышленной трансформацией и модернизацией, произошел большой приток сельских жителей в городские районы, что способствовало заброшенности сельскохозяйственных угодий на периферии.

Проблемы заброшенных земель. Т.Г. Нефедова и А.А. Медведев исследовали вопросы сельскохозяйственного землепользования во взаимосвязи с процессом сжатия уже освоенного пространства в Центральной России. Сделан вывод, что в данном макрорегионе крупноареальная система земледелия и расселения под влиянием сужения освоенного пространства преобразовывается в более очаговую. При этом ставятся вполне прагматичные вопросы: «Какие очаги могут стать драйверами развития? Какая экономика может в них развиваться? Что может быть на тех территориях, откуда уходят население и сельское хозяйство?» [11].

Сжатие освоенного пространства напрямую связано с проблемой отказа от использования сельскохозяйственных земель, то есть их запустения, которое может быть обусловлено как социально-демографическими, экономическими, технологическими, политическими и институциональными, так и культурными факторами. Рациональное экономическое поведение в целях максимизации прибыли и увеличения альтернативных издержек из-за особенностей сельского хозяйства предопределяет в большинстве случаев отказ от маргинальных земель [9].

В статье [12] изложены результаты исследования, которое проводилось с использованием спутниковых классификаций изменений в сельскохозяйственном землепользовании, а также социально-экономических и агроклиматических данных на материалах Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской областей, входящих в Нечерноземную зону. Среди факторов, предопределяющих пространственное распределение заброшенных земель, авторы выделяют основные: низкую сельскохозяйственную продуктивность; местоположение участков вблизи кромки леса или изолировано внутри лесных массивов; удаленность от центров муниципальных образований, населенных пунктов с плотностью более 500 чел. и рынков сбыта. В то же время сделан вывод, что биофизические факторы достаточно мало влияют на пространственное распределение заброшенных земель.

Исследования показали тенденцию заброшенности сельскохозяйственных земель на агроклиматически и социально маргинальных для агробизнеса территориях, которые удалены от рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и/или имеют отрицательные тренды демографических показателей [13]. Обратный процесс — вовлечение в оборот сельскохозяйственных земель — с точки зрения экономики достаточно хорошо объясняется теорией земельной ренты Давида Рикадо, когда в первую очередь осваиваются неиспользуемые земельные участки, имеющие лучшее местоположение (вблизи населенных пунктов), более плодородные почвы при условии наличия рабочей силы [14; 15].

Вместе с тем решения о перспективах рекультивации тех или иных заброшенных участков формируются в зависимости от особенностей субъектов предпринимательской деятельности, их результативности, биофизических и природных

условий, оценки перспективности использования того или иного участка и, что важно, от намерений освоения и вовлечения в оборот заброшенных сельхозугодий [14].

Говоря о неиспользуемых землях, академик РАН А. А. Чибилёв отмечает, что в степной зоне России возникла необходимость повторного освоения малонаселенных территорий с использованием новых форм землепользования. Речь идет «о реализации проектов диверсификации аграрного производства и развитии природоохранной, экосистемной, рекреационной и аграрной функций не востребованного земельного фонда: развитие мясного животноводства, пастбищного скотоводства и табунного коневодства, агротуризма, создание степных особо охраняемых природных территорий (в том числе трансграничных) и т. д.» [16].

Поиски альтернативных видов (без распашки) использования заброшенных земель ведутся в различных странах. Например, на необрабатываемых землях лесных районов Северной, Центральной и Южной Швеции К. И. Кумм и А. Хессле после экономической оценки альтернативных вариантов предложили организовать производство органической говядины [17].

Альтернативный взгляд на проблему неиспользуемых сельскохозяйственных земель имеет член-корреспондент РАН Ю. А. Цыпкин с идеей реализации на этих землях климатических проектов. Речь идет о проектах по созданию углеродных единиц и продаже их на углеродном рынке организациям, которые хотят компенсировать свои выбросы [18]. Данная идея подтверждается зарубежными публикациями, в которых указывается на взаимосвязь между сельскохозяйственным землепользованием и изменением климата и на то, что перевод пахотных земель в пастбища или леса будет способствовать восстановлению и накоплению запасов органического углерода [19; 20]. Вместе с тем отмечается, что для обеспечения стабильного поглощения углерода после прекращения сельскохозяйственной деятельности заброшенными сельскохозяйственными землями необходимо управлять, учитывая при этом множество факторов, таких как методы землепользования в прошлом и будущем, местные климатические условия, качество почвы и содержание углерода в ней [21]. Таким образом, для решения проблемы заброшенных (неиспользуемых) сельскохозяйственных угодий есть несколько путей: вернуть их в хозяйственный оборот по назначению, использовать для организации альтернативных видов деятельности либо превратить в полигон для производства углеродных единиц.

На основе рассмотрения публикаций по трансформации распределения сельскохозяйственных земель можно сделать вывод, что в данном процессе существует ряд закономерностей, которые позволяют спроецировать развитие ситуации в будущем. При этом, как представляется, следует выделить следующие закономерности:

- трансформация земель сельскохозяйственного назначения осуществляется по векторам «север — юг» и «центр — периферия»;
- трансформация земель на локальном уровне происходит в зависимости от близости сельскохозяйственных угодий к лесным опушкам и федеральным автострадам;
- движущей силой трансформации является процесс урбанизации, предопределяющий ситуацию с сельскохозяйственным землепользованием в пригородных, периферийных и срединных районах;
- формой выражения территориальной трансформации является динамика структуры сельскохозяйственного землепользования;
- трансформация сельскохозяйственного землепользования в условиях рыночных отношений сжимает и фрагментирует сельское пространство;

— наилучшим индикатором трансформации сельскохозяйственного землепользования выступает динамика посевных площадей всех сельскохозяйственных культур;

— проблемным следствием территориальной трансформации сельскохозяйственного землепользования является наличие заброшенных (неиспользуемых) земель;

— детерминанты роста площадей заброшенных земель определяются совокупностью социально-демографических, экономических, технологических, политических, институциональных, мотивационных и иных факторов;

— неиспользуемые сельскохозяйственные земли должны быть объектом управления и каждый земельный участок в зависимости от социально-экономической и экологической эффективности должен быть использован в сельском хозяйстве или в иных альтернативных видах деятельности.

С учетом изложенного целью исследования является анализ современного состояния и перспектив территориальной трансформации сельскохозяйственного землепользования для определения направлений и угроз при вовлечении неиспользуемых земель в хозяйственный оборот.

Задачи исследования:

— определить территориальные структурные сдвиги в сельскохозяйственном землепользовании;

— установить влияние урбанизации на факторы и закономерности территориальной трансформации сельскохозяйственного землепользования;

— выявить детерминанты и закономерности территориального распределения заброшенных земель;

— установить угрозы сельскохозяйственному землепользованию при условии сохранения существующего тренда трансформации и предложить пути их предотвращения.

Объектом исследования выступает сельскохозяйственное землепользование в Ленинградской области как региона с высокоразвитым аграрным производством, воспроизводственные процессы в сельскохозяйственном производстве которого также находятся под воздействием последствий неблагоприятных условий рыночных преобразований. Предмет исследования — закономерности территориальной трансформации в использовании сельскохозяйственных угодий региона.

Материалы и методы

Исследование проведено на основе материалов Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. (ВСХП-2006¹ и ВСХП-2016)² и сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.³ Дополнительно использовались статистические данные Росстата, Ленинградской областного и городского управлений статистики, а также Петростата.

¹ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по муниципальным районам Ленинградской области (по краткой программе), 2007, Статистический сборник, Санкт-Петербург, Петростат, 112 с.

² Окончательные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, 2017, Т. 3. Земельные ресурсы и их использование, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том+3.+Земельные+ресурсы+и+их+использование..pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года по Ленинградской области, 2022, Официальная публикация, Санкт-Петербург.

Для определения изменений территориальной структуры в сельскохозяйственном землепользовании в целом по Ленинградской области применялся индекс (критерий) Рябцева [22 – 24]:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{i_1} - d_{i_0})^2}{\sum_{i=1}^n (d_{i_1} + d_{i_0})^2}},$$

где d_{i_1} — доля районов в общеобластных показателях площади сельхозугодий, пашни и посевов в исследуемом периоде (2021); d_{i_0} — доля районов в общеобластных показателях площади сельхозугодий, пашни и посевов в базисном периоде (2006).

Для оценки меры существенности изменения территориальных структур использовалась шкала, предложенная В. М. Рябцевым.

Шкала оценки меры структурных различий по критерию Рябцева

Интервалы значений коэффициента	Характеристика меры структурных различий
До 0,030	Тождественность структур
0,031 – 0,070	Весьма низкий уровень различий
0,071 – 0,150	Низкий уровень различий
0,150 – 0,300	Существенный уровень различий
0,301 – 0,500	Значительный уровень различий
0,501 – 0,700	Весьма значительный уровень различий
0,701 – 0,900	Противоположный тип структур
0,901 и более	Полная противоположность структур

Пространственные изменения в распределении сельхозугодий, пашни и посевных площадей определялись на основе показателей структурных сдвигов, произошедших между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

В качестве аналитических показателей структурных сдвигов выступали:

- абсолютный прирост структурных сдвигов, п. п. ($d_{i_1} - d_{i_0}$);
- темпы прироста структурных сдвигов, %:

$$K_d = (d_{i_1}/d_{i_0} \cdot 100) - 100.$$

Результаты

Территориальные структурные сдвиги в сельскохозяйственном землепользовании Ленинградской области

В результате земельной реформы в сельскохозяйственном землепользовании региона произошли принципиальные изменения: возникли новые категории товаропроизводителей — крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) и индивидуальные предприниматели (ИП), при этом снизилась значимость сельскохозяйственных организаций (СХО) и личных подсобных хозяйств населения (ЛПХ). По данным ВСХП-2006, общая площадь земель, находящихся в пользовании КФХ и ИП, составляла 56,5 тыс. га, или 3,5 % от хозяйств всех категорий Ленинградской области. Причем в землепользовании КФХ и ИП почти вся земельная площадь (98,4 %) приходилась на сельскохозяйственные угодья, удельный вес которых за период между сельскохозяйственными переписями 2006 и 2021 гг. увеличился с 9,2 до 10,4 %.

Для определения зависимости структуры землепользования по категориям хозяйств, которая во многом связана с размерами сельскохозяйственных угодий, нами была выполнена группировка муниципальных районов Ленинградской области (табл. 1).

Таблица 1

Структура распределения сельскохозяйственных угодий по категориям хозяйств в зависимости от их площади в районах Ленинградской области, по данным сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Группа районов	Группировочные признаки, тыс. га	Число районов	Доля, %		
			СХО	КФХ и ИП	ЛПХ и другие индивидуальные хозяйства граждан
I	До 10	4	33,6	46,2	20,2
II	10—20	6	82,7	9,5	7,8
III	Свыше 20	7	83,9	8,1	8,0
Всего и в среднем по области		17	81,1	10,4	8,5

Разработано на основе материалов сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Как следует из данных таблицы 1, в группе I районов с землепользованием до 10 тыс. га (преимущественно северо-восточные и восточные) доминируют КФХ и ИП при значительной доле ЛПХ и других индивидуальных хозяйства граждан. В последующих группах районов удельный вес КФХ и ИП снижается, а сельскохозяйственных организаций растет.

Относительно территориальной структуры сельскохозяйственного землепользования нами прежде всего была проведена оценка интенсивности степени ее изменения в целом по Ленинградской области по периодам начиная с 1990—2006 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Интенсивность территориальных сдвигов в сельскохозяйственном землепользовании хозяйств всех категорий Ленинградской области (по методике В. Рябцева)

Вид угодий	1990—2006	2006—2016	2016—2021	1990—2021
Сельхозугодья	Низкая	Низкая	Низкая	Существенная
Пашня	Низкая	Низкая	Низкая	Существенная
Посевные площади всех сельскохозяйственных культур	Существенная	Существенная	Существенная	Существенная

Разработано на основе материалов Леноблгостата и ВСХП-2006 и ВСХП-2016.

Данные таблицы 2 вполне реально отражают ситуацию с трансформацией в сельскохозяйственном землепользовании, так как площади сельхозугодий, в том числе пашни на отдельных временных промежутках, меняются незначительно. Только сравнение 2021 г. с 1990 г. показало наличие существенных изменений территориальной структуры. Причем следует заметить, что эти структурные изменения происходят исключительно в связи с различиями в темпах динамики рассматриваемых площадей.

Интенсивность территориальных сдвигов в размещении посевных площадей на протяжении всех выделенных периодов была существенной. Это подтвердило

вывод, сделанный нами на основе литературного обзора, о том, что наилучшим индикатором трансформации сельскохозяйственного землепользования является динамика посевных площадей всех сельскохозяйственных культур.

Наибольшие изменения территориальной структуры происходили у сельскохозяйственных организаций как основных землепользователей. Группировка муниципальных районов по темпам отрицательного прироста площадей сельхозугодий, пашни и посевов между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г. позволила выявить закономерности их территориальной концентрации и произошедшие структурные сдвиги (табл. 3).

Таблица 3

Территориальная структура и структурные сдвиги в распределении сельхозугодий, пашни и посевных площадей в сельскохозяйственных организациях Ленинградской области по группам муниципальных районов, выделенных в зависимости от темпов прироста их площадей в период между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

Группа районов	Число районов	Темп прироста, %	Доля от итога по региону, %			Структурные сдвиги		Темп прироста структурных сдвигов, %
			2006	2016	2021	2016 / 2006	2021 / 2006	
Сельскохозяйственные угодья								
I	6	До – 50	38,8	48,3	52	9,5	13,2	34,0
II	5	От – 50 до – 60	34,6	35,5	35,1	0,9	0,5	1,4
III	6	Ниже – 60	26,6	16,2	12,9	– 10,4	– 13,7	– 51,5
Пашня								
I	5	До – 20	20,4	30,2	29,2	9,8	8,8	43,1
II	7	От – 20 до – 70	61,1	60,1	63,4	– 1	2,3	3,8
III	5	Ниже – 70	18,5	9,7	7,4	– 8,8	– 11,1	– 60,0
Посевные площади всех сельскохозяйственных культур								
I	6	До – 10	35,4	43,5	43,0	8,0	7,6	21,5
II	6	От – 10 до – 20	48,6	46,2	47,6	– 2,4	– 0,9	– 2,1
III	5	Ниже – 20	16,0	10,4	9,4	– 5,6	– 6,6	– 41,3

Разработано на основе данных ВСХП-2006, ВСХП-2016 и сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

На рисунке 1 представлены территориальные различия муниципальных районов Ленинградской области в темпах прироста и структурных сдвигах сельскохозяйственных угодий в СХО в период между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

Исходя из данных таблицы 3, можно констатировать, что группа I районов Ленинградской области отличается менее низкими темпами сокращения площадей сельхозугодий (1-й критерий), пашни (2-й критерий) и посевных площадей (3-й критерий), наиболее высокой долей в территориальной структуре сельхозугодий и высокой (на уровне группы II) — посевных площадей, а также положительными показателями структурных сдвигов и высокими темпами их прироста в периоды между ВСХП-2006, ВСХП-2016 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

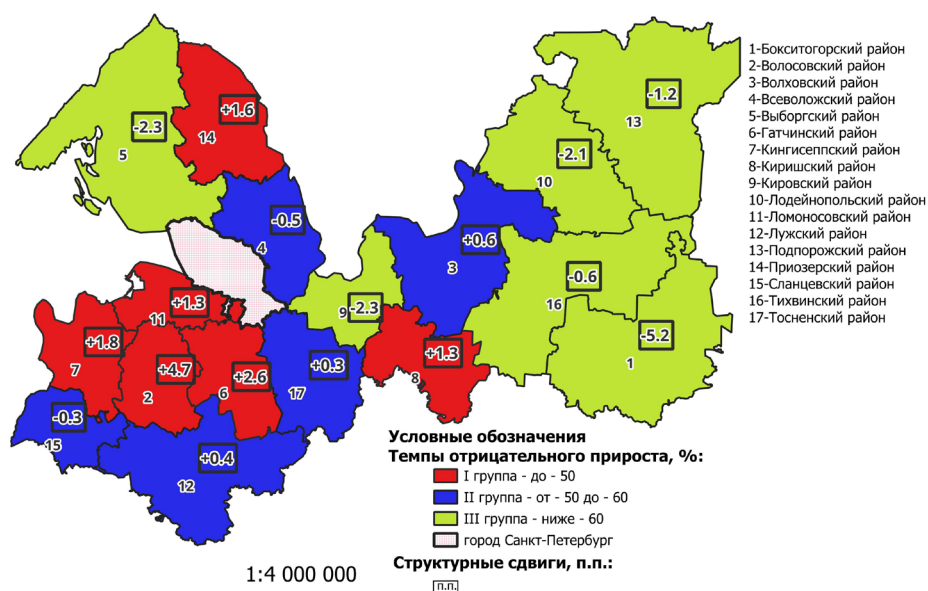

Рис. 1. Территориальные различия муниципальных районов в темпах отрицательного прироста сельхозугодий в СХО Ленинградской области и структурных сдвигах в период между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

Разработано на основе данных ВСХП-2006, ВСХП-2016 и сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Группа II характеризуется средними темпами сокращения площадей по всем трем критериям, самыми высокими показателями в территориальной структуре площадей пашни (свыше 60 % общеобластных показателей) и посевов, а также минимальными значениями как положительных, так и отрицательных структурных сдвигов, крайне низкими темпами их прироста.

Группа III отличается самыми высокими темпами сокращения площадей сельхозугодий, пашни и посевных площадей, их низким удельным весом в общеобластных показателях, высокими значениями отрицательных структурных сдвигов в периоды между переписями и самыми высокими темпами их прироста.

Сопоставление результатов группировки по сельхозугодьям, пашне и посевным площадям показывает следующее:

1. К группе I по всем критериям относятся Кингисеппской и Приозерский районы, по двум из трех — Киришский, Сланцевский и Тосненский. Кингисеппской и Сланцевский районы образуют один ареал.

2. К группе II по всем критериям относится только Волховский район, но в нее следует включить Волосовский, Волховский, Всеволожский, Гатчинский, Ломоносовский и Лужский районы, которые по двум критериям из трех входят в эту группу. Примечательно, что Волосовский, Гатчинский, Ломоносовский и Лужский районы также образуют единый ареал.

3. По всем критериям к группе III относятся пять районов (Бокситогорский, Выборгский, Кировский, Лодейнополюский и Подпорожский). При этом Бокситогорский, Лодейнополюский и Подпорожский районы образуют единый ареал, к которому примыкает Тихвинский район, входящий в группу III по первому и третьему критерию и близкий к ним по второму.

Из вышесказанного следует, что обозначенные темпы роста ведут к сокращению площадей сельхозугодий (в том числе пашни) и посевных площадей во всех выделенных группах. Наиболее высокими темпами уменьшение площади землепользования происходит в северных и северо-восточных районах области, а также в примыкающем к Санкт-Петербургу Кировскому району, а также в Выборгском районе, расположенном на северо-западе региона. Районы к югу от Санкт-Петербурга за анализируемый период в большей степени сохранили масштабы землепользования.

Таким образом, как отмечают относительно различных регионов другие авторы, территориальные сдвиги в землепользовании Ленинградской области также осуществляются по вектору «север — юг». Исключение составляет Приозерский район, расположенный на северо-западе региона, который по всем критериям входит в группу I.

Влияние вектора «центр — периферия» на трансформацию сельскохозяйственного землепользования противоречиво: примыкающий к Санкт-Петербургу Кировский район входит в группу III районов с самыми отрицательными показателями динамики территориальной структуры в землепользовании. С другой стороны, по показателям сохранения площади сельскохозяйственных угодий Ломоносовский и Гатчинский районы, примыкающие к Санкт-Петербургу с юга, входят в группу I, а Всеволожский и Тосненский — только в группу II.

Влияние урбанизации на территориальные сдвиги в сельскохозяйственном землепользовании

Процессы урбанизации в Ленинградской области развиваются прежде всего в районах, примыкающих к Санкт-Петербургу: Всеволожском, Гатчинском, Кировском, Ломоносовском и Тосненском, в которых в совокупности численность городского населения от дореформенного периода до начала 2024 г. увеличилась на 813,9 тыс. чел. Темп роста составил 184,2 %, в то время как в остальных районах области произошло его снижение (90,4 %). Во всех пригородных районах произошел прирост городского населения от 10,6 % (Кировский район) до 333,8 % (Всеволожский район), а на остальной территории области население городов и поселков городского типа сократилось почти на 10 % (рис. 2).

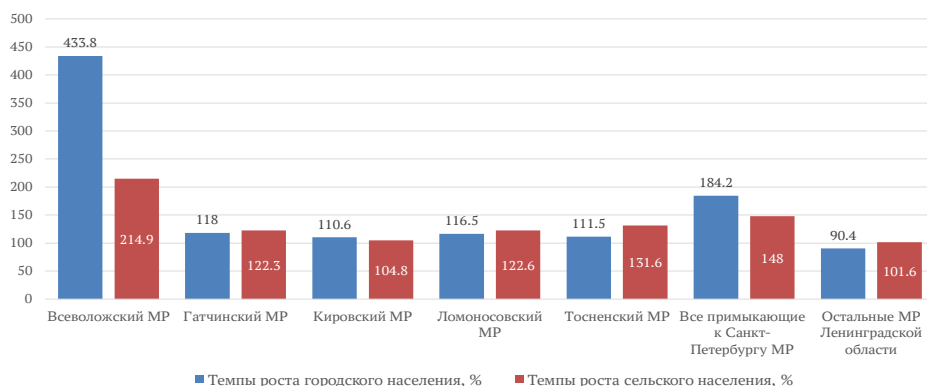

Рис. 2. Темпы роста городского и сельского населения в муниципальных районах (МР), примыкающих к Санкт-Петербургу, и остальных районах Ленинградской области в период с 1989 по 2024 г., %

Разработано на основе данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. и данных Росстата на 1 января 2024 г.

Процесс урбанизации оказал сильное влияние и на динамику сельского населения, которое выросло во всех пригородных районах в целом на 48 %, а в остальных — всего на 1,6 %. Данная ситуация заставляет по-новому смотреть на место пригородных хозяйств в системе сельскохозяйственного землепользования. Если в недалеком прошлом считалось, что местоположение вблизи крупного города способствовало интенсивному сельскохозяйственному производству, и земли, на которых оно велось, эффективно охранялись государством, то в связи с бурным развитием процесса урбанизации ситуация изменилась. С ростом городов быстрыми темпами стали возникать новые промышленные предприятия и объекты производственной и транспортной инфраструктуры (кольцевая автодорога, складское хозяйство, оптовая торговля, логистические центры, индустриальные парки и др.), вытесняя сельскохозяйственное производство с занимаемых сельхозугодий [25]. Например, ЗАО «Племенной завод «Ручьи» только в связи со строительством КАД вокруг Санкт-Петербурга потерял 1020 га плодородной пашни и после многолетних поисков земель в Псковской области и Кировском районе Ленинградской области приобрело земельные участки в Лужском районе, перебазировав туда часть своего производства из пригорода [7].

Новым явлением также стали коттеджные поселки, возводимые на пригородных землях (табл. 4).

Таблица 4

**Изменение количества СХО, площади сельхозугодий в них
и количества коттеджных поселков в муниципальных районах
Ленинградской области, примыкающим к Санкт-Петербургу**

Муниципальный район	1990		2021 (данные сельскохозяйственной микропереписи)		Темпы сокращения площади сельхозугодий, 2021/1990, %	Количество коттеджных поселков, на 1 января 2025 г., ед.
	Число совхозов и птицефабрик, ед.	Площадь сельхозугодий, га	Число СХО, не относящиеся к субъектам малого предпринимательства, ед.	Площадь сельхозугодий, га		
Всеволожский	12	31 289	14	5496	82,4	240
Гатчинский	21	56 348	13	15 433	72,6	44
Кировский	7	23 960	6	1730	92,8	21
Ломоносовский	19	41 919	8	7951	81,0	81
Тосненский	13	46 644	10	9249	80,2	24
<i>Всего</i>	72	200 160	51	39 859	80,1	410

Рассчитано на основе данных Леноблгостата¹, сельскохозяйственной микропереписи 2021 г. и официального сайта «Загородная недвижимость в Ленинградской области и Санкт-Петербурге»².

¹ Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности совхозов Ленинградской области в 1990 году, 1991, Статистический сборник, Л., 307 с.

² Коттеджные поселки в Ленинградской области, 2025, URL: <https://zagorod.spb.ru/kottedjnie-poselki/leningradskaya-oblast/rayon-vsevolzhskiy-lo?page=13> (дата обращения: 15.06.2025).

Как следует из данных таблицы 4, из районов, примыкающих к Санкт-Петербургу, в наибольшей степени урбанизация повлияла на сельскохозяйственное землепользование во Всеволожском районе, на территории которого только за последние 9 лет появились четыре города: Бугры, Колтуши, Кудрово, Мурино и поселок городского типа Янино-1. Несколько ранее — в 1998 г. — статус города получил пос. Сертолово. Общая численность населения в этих городах и поселке, по данным Петростата, на начало 2025 г. составила 398,3 тыс. чел.¹ Часть земель сельскохозяйственного назначения ушла под коттеджную застройку, масштабы которой на территории Всеволожского района были на порядок выше, чем в других пригородных районах Ленинградской области. Вследствие урбанизации площадь сельхозугодий в сельскохозяйственных организациях Всеволожского муниципального района сократилась в 5,6 раза, из 12 СХО в 1990 г. в реестре на 31 января 2024 г. значились только 7 крупных сельскохозяйственных организаций.

В меньшей степени последствия процесса урбанизации затронули остальные пригородные районы. Тем не менее, например, в Тосненском районе за период реформ полностью прекратили свою деятельность бывшие молочно-овощеводческие совхозы «Шушары», «Ленсоветовский», «Федоровское», а их сельхозугодья площадью свыше 12 тыс. га выбыли из системы сельскохозяйственного землепользования. Также резко сократились площади сельхозугодий в бывшем «Совхозе им. Тельмана», а его центральная усадьба — пос. Тельмана — в 2024 г. получила статус города.

Проблема неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения

Всероссийские сельскохозяйственные переписи в отношении неиспользуемых земель приводят данные только по объектам переписи, а заброшенные земли, то есть находящиеся вне границ землепользования сельскохозяйственных производителей, остаются при этом без учета. В свою очередь, в «Докладе о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году» помещены данные о всех неиспользуемых и заброшенных землях на территории каждого региона. Сведения о таких землях предоставляются в Министерство сельского хозяйства РФ субъектами Федерации, и они заметно отличаются от материалов сельскохозяйственных переписей. Так, если, по результатам сельскохозяйственной микропереписи 2021 г., доля неиспользуемых сельскохозяйственных угодий в Ленинградской области составляла 21,4 %, то в указанном докладе Минсельхоза России — 47,4 %. И это вполне объяснимо, так как с 1990 г. число основных товаропроизводителей — сельскохозяйственных организаций как субъектов переписи — в северо-восточных и восточных районах региона резко сократилось. Например, в Бокситогорском, Лодейнопольском, Подпорожском районах не осталось ни одного бывшего сельхозпредприятия, в то время как сельскохозяйственные угодья на их территориях остались, превратившись в статус заброшенных.

В целом по Ленинградской области в межпереписной период 2016—2021 гг. доля неиспользуемых земель выросла. Вместе с тем отмечаются существенные территориальные различия (табл. 5, рис. 3).

¹ Письмо Петростата о согласовании бланков служебных документов, 2025, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ЛО%20числ%20на%2001.01.2025%20по%20МО%20.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

Таблица 5

**Группировка районов Ленинградской области
по удельному весу неиспользуемых сельхозугодий в СХО, КФХ и ЛПХ в 2021 г.
и структурные сдвиги относительно 2016 г.**

Группа районов	Число районов	Группировочные признаки, %	Доля неиспользуемых сельхозугодий, %		Структурный сдвиг, п. п.
			2016	2021	
I	5	До 15	11,5	10,3	– 1,2
II	6	С 15 до 30	20,1	21,9	1,9
III	6	Свыше 30	30,2	41,9	11,7
<i>Всего</i>	17	—	19,6	21,4	1,8

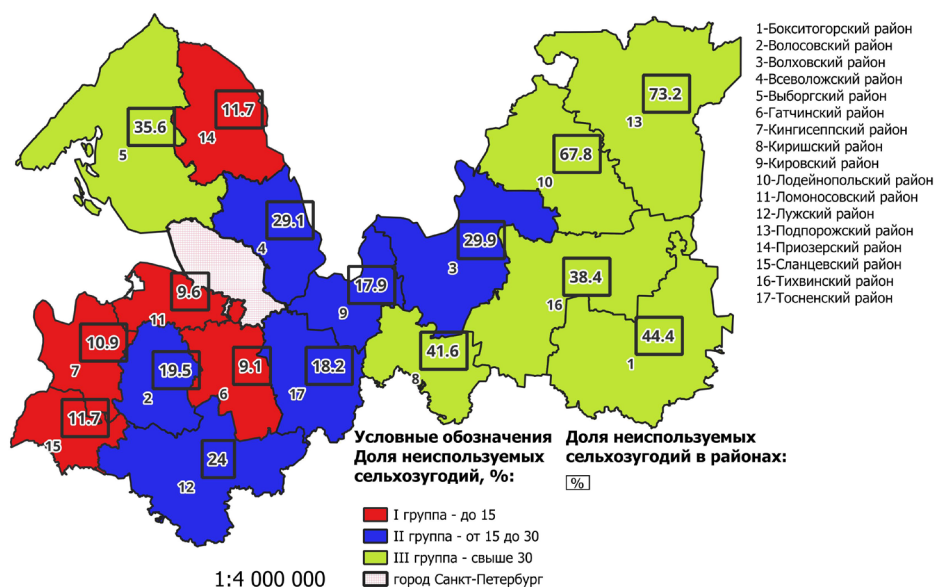

Рис. 3. Группы районов Ленинградской области по удельному весу неиспользуемых сельхозугодий в хозяйствах всех категорий в 2021 г., %

Рассчитано на основе данных сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Распределение неиспользуемых сельхозугодий по районам Ленинградской области (рис. 3) четко коррелирует с территориальными различиями в темпах прироста сельхозугодий и структурных сдвигах в период между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

На рисунке 3 видно, что по показателям доли неиспользуемых сельхозугодий в хозяйствах всех категорий территория Ленинградской области четко делится на три основных ареала. Районы группы I (Гатчинский, Кингисеппский, Ломоносовский и Сланцевский районы) с наименьшим удельным весом неиспользуемых сельхозугодий располагаются к югу и юго-западу от Санкт-Петербурга и входят в группу территорий Ленинградской области с самым высоким рентным потенциалом этого вида земель.

Волосовский и Лужский районы, также входящие в группу с самым высоким рентным потенциалом земель, находятся в составе районов со средними показате-

лями доли неиспользуемых сельхозугодий. Лужский район попал в данную группу по причине периферийного положения и удаленности от Санкт-Петербурга на расстояние свыше 100 км, а неиспользуемые сельхозугодья более близко расположенного Волосовского района, входящего в 2016 г. в группу I, должны быть включены в план первоочередного вовлечения в сельскохозяйственный оборот.

Вне ареала территорий с низкой долей неиспользуемых сельхозугодий находится Приозерский район, расположенный на севере Карельского перешейка, то есть на периферии относительно Санкт-Петербурга. По данным предыдущих группировок он входил в число лучших районов Ленинградской области по показателям динамики сельхозугодий, пашни и посевных площадей, имея один из самых низких рентных потенциалов земли, в том числе самый незначительный в регионе показатель бонитета почвы сельхозугодий и пашни (в среднем соответственно 51 и 56 баллов) [26]. Совокупность факторов указывает на то, что Приозерский район должен был объективно входить в группу III по всем рассмотренным нами выше показателям, так же как и соседний Выборгский район, имеющий более выгодное местоположение, так как примыкает южными территориями к Санкт-Петербургу.

Однако определяющую роль в сохранении масштабов сельскохозяйственного землепользования в Приозерском районе предопределила совокупность социально-экономических и институциональных факторов:

- специализация СХО практически исключительно на производстве молока и племенного молодняка способствовала сохранению площади сельскохозяйственных угодий для производства грубых и сочных кормов;

- с дореформенного периода в районе сохранились и получили дальнейшее развитие семь СХО, являющихся племенными заводами по разведению крупного рогатого скота голштинской породы, которые стабильно субсидировались государством;

- сельскохозяйственные организации в сложный период перехода к рыночным отношениям решили проблему стабильного сбыта производимого молока и получения за него справедливой цены, войдя в мае 1995 г. в партнерские отношения с переработчиком — ЗАО «Пискаревский молочный завод»;

- район на протяжении десятилетий строил свою деятельность на основе научно обоснованных стратегий и программ долгосрочного развития экономики, и в настоящее время здесь реализуется муниципальная программа «Развитие агропромышленного комплекса Приозерского муниципального района Ленинградской области» на 2025—2030 годы»;

- на всех звеньях управления в районе традиционно был высокий уровень менеджмента; в разные годы Приозерский район возглавляли будущий председатель Правительства России В. А. Зубков и депутат Государственной думы РФ С. В. Яхнюк.

В ареал, образуемый районами, отнесенными ко группе II, кроме указанных выше Волосовского и Лужского районов, входят три района, непосредственно примыкающие к Санкт-Петербургу (Всеволожский, Кировский и Тосненский), рост площадей неиспользуемых сельхозугодий в которых связан с влиянием на них Санкт-Петербургской агломерации. Волховский район, который также входит в данный ареал, имеет долю неиспользуемых сельхозугодий на уровне 29,9 %, при том что верхняя граница в данной группе составляет 30 %. По сути, Волховский район по своим параметрам ближе к группе III, являясь в перспективе кандидатом на присоединение к ареалу, образуемому северо-восточными и восточными районами области.

Территория, входящая в данный ареал, характеризуется совокупностью предпосылок к дальнейшему росту площадей неиспользуемых сельхозугодий, так как имеет:

- периферийное положение районов в векторе «центр — периферия»;
- неблагоприятное положение районов в векторе «север — юг»;
- относительно низкую освоенность и мелкоконтурность угодий (на северо-востоке не более 10 %), раздробленность площади сельхозугодий, особенно пашни, на мелкие участки;
- в значительной части утраченный производственно-ресурсный потенциал, необходимый для удержания сельхозугодий в категории используемых.

В то же время рентный потенциал земель, в том числе средний балл бонитета пашни и сельхозугодий, кроме Лодейнопольского района, здесь достаточно высок: соответственно 62—63 и 56—57 баллов, что значительно выше, чем на территории Карельского перешейка [26]. Выборгский район в силу схожих условий с рассмотренными территориями востока региона, прежде всего по вектору «север — юг», и самого низкого в Ленинградской области рентного потенциала земли, в том числе самого низкого (46) среднего балла бонитета сельхозугодий, не случайно также оказался в группе III районов с низкой долей их использования. Выборгский район, так же как и Приозерский, располагается вне выделенных ареалов.

Вероятные угрозы сельскохозяйственному землепользованию при условии сохранения существующего тренда трансформации и пути их предотвращения

Пути решения данной проблемы в силу многоаспектной территориальной неоднородности сельхозугодий требуют дифференцированного подхода.

В районах, примыкающих к Санкт-Петербургу, следует ожидать дальнейшего расширения негативного влияния мегаполиса на сельскохозяйственное землепользование: сокращения сельхозугодий, появления новых заброшенных земель. Предполагаемое строительство очередных веток метро: до Экспофорума и Южного города, а также скоростных трамвайных линий до Колпино, Славянки, Южного города и др. может активизировать жилищное строительство в Ломоносовском и Тосненском районах и в связи с этим изъятие новых сельскохозяйственных земель. В настоящее время во Всеволожском, Кировском и Тосненском районах из-за распада части бывших совхозов сформировались заброшенные пригородные земли, не используемые до сих пор под жилищное строительство, объекты промышленности или инфраструктуры. Для данных районов необходимо предусмотреть перевод этих земель из категории сельскохозяйственного назначения в земли населенных пунктов или промышленности.

В районах северо-востока и востока в силу названных выше предпосылок тенденция роста неиспользуемых площадей может усилиться. Для предотвращения данной угрозы можно предложить переход к стратегии дифференцированного использования земель:

1. Достаточно плодородные (как было указано выше) земельные участки включить в систему сельскохозяйственного землепользования КФХ, для чего создать им дополнительные преференции в виде налоговых льгот и субсидий. Возможен вариант использования сельхозугодий для выращивания лекарственных трав, чему благоприятствует состояние окружающей среды в этих районах.

2. Сельхозугодья, разбросанные мелкими контурами среди лесов, зарастающие кустарником и мелколесьем, можно использовать в лесохозяйственных целях, в том числе для развития пчеловодства, выращивания новогодних елок и т. д.

3. Земельные участки, отличающиеся уникальными рекреационными качествами, целесообразно использовать для организации массового отдыха, туризма, создания охотхозяйств и др.

В данной группе районов в хозяйственный оборот могут быть вовлечены наиболее крупные, благоприятно расположенные земельные участки взамен объективно выбывающим сельхозугодьям.

Юго-западные районы (Волосовский, Кингисеппский, Лужский и Сланцевский), имеющие наиболее благоприятные почвенно-климатические условия и высокую распаханность сельхозугодий, должны стать основными объектами в планах по вовлечению неиспользуемых земель в хозяйственный оборот и недопущению их выбытия из него. На территории Карельского перешейка необходимо обратить внимание на вовлечение в оборот земель неиспользуемых естественных кормовых угодий, необходимых здесь для дальнейшего развития молочного скотоводства. В целом существует неотложная необходимость реализации дополнительных мер по стимулированию активизации спроса на землю на территориях с депрессивными процессами в землепользовании с помощью такого института-механизма, как отдельные целевые программы для данных регионов.

Заключение

Проведенное исследование показало наличие серьезных проблем в трансформации системы сельскохозяйственного землепользования, в значительной степени вызванных непродуманной земельной реформой 1990-х гг. Произошло резкое сокращение площадей сельхозугодий, пашни и посевов, у сельских товаропроизводителей появились неиспользуемые земли, а за пределами землепользования хозяйств появились заброшенные земельные участки.

Происходящие структурные изменения имели ярко выраженную территориальную направленность, в том числе в русле векторов «север — юг» и «центр — периферия», под влиянием которых произошла дифференциация районов по остроте проблем сельскохозяйственного землепользования, которая позволяет определить ареалы территории области с однородными условиями. Границы ареалов, выделенных на основании разных признаков, в значительной степени совпадают и близки к существующему варианту сельскохозяйственного районирования, что указывает на достаточную объективность полученных результатов.

Следует отметить, что для данного региона характерным является активная реализация комплекса мер государственной аграрной политики, в том числе по стимулированию инвестиционной и инновационной активности субъектов агробизнеса, что позволило существенно замедлить или смягчить негативное действие рыночных механизмов. Большое значение имел и фактор «зависимости от траектории предшествующего развития», то есть высокий ресурсный потенциал отрасли, накопленный в период плановой экономики, который удалось не только сохранить, но и масштабировать на основе технической переоснащенности производства.

Это позволило, например, Приозерскому району, территория которого имеет неблагоприятное местоположение (север области, периферия) и низкий бонитет почв, при целенаправленном использовании совокупности результативных социально-экономических и институциональных факторов, определяющих развитие молочного скотоводства, обеспечивать более эффективное использование земель сельскохозяйственного назначения. По рассмотренным выше показателям динамики сельскохозяйственных угодий, пашни и посевных площадей, а также данным о наличии неиспользуемых земель Приозерский район во всех случаях входил в одну

группу с Волосовским, Кингисеппским, Лужским и Сланцевским районами, имеющими наиболее благоприятные почвенно-климатические условия сельскохозяйственного производства.

В результате развития процесса урбанизации на территориях, примыкающих к Санкт-Петербургу, сокращаются масштабы сельскохозяйственного землепользования, появляются заброшенные земельные участки. На более отдаленных территориях области (Бокситогорский, Лодейнопольский и Подпорожский районы) отмечаются наиболее высокие темпы выбытия сельхозугодий из хозяйственного оборота.

При сохранении существующего тренда в динамике снижения площадей сельхозугодий и росте доли неиспользуемых земель вероятно возникновение угроз сельскохозяйственному землепользованию. В силу многоаспектной территориальной неоднородности сельхозугодий меры по предотвращению этих угроз целесообразно осуществлять на основе дифференцированного подхода и реализации отдельных программ. При этом программный подход должен опираться на постоянный мониторинг и глубокий анализ ситуации в районах, в том числе в сравнении с предыдущими годами, с определением при этом достигнутых результатов и возникших территориальных сдвигов с точки зрения востребованности земельных угодий и расширения посевных площадей.

Однако, как справедливо отмечается в [27], при проведении оценки ситуации возникают проблемы с информацией. Основные достаточно подробные источники информации о земельных ресурсах можно получить из итогов Всероссийских сельскохозяйственных переписей, но они проводятся только 1 раз в 10 лет. В промежутках между ними осуществляются сельскохозяйственные микропереписи, в то же время они имеют ограниченный набор показателей. Данные Росреестра и Министерства сельского хозяйства России не всегда совпадают друг с другом, нет сведений в разрезе муниципальных образований внутри субъектов Федерации. Как представляется, цифровая трансформация в АПК, что полностью вписывается в направления государственной аграрной политики по расширению цифровизации в землепользовании и формированию региональных сведений Единой федеральной системы сведений о землях сельскохозяйственного назначения и других баз данных, будет способствовать решению данного вопроса в ближайший период.

Исследования позволяют сделать вывод, что в ходе реализации Госпрограммы по возвращению в оборот ранее выбывших земель необходимы новые механизмы и инструменты для сглаживания территориальных диспропорций в землепользовании, обеспечения обоснованности количественных и временных параметров ожидаемых результатов мероприятий с позиции их реалистичности в условиях современной институциональной среды, при одновременном необходимом ресурсном обеспечении в соответствии с установленными плановыми индикаторами для регионов. Данный вывод подтверждается также другими исследователями, изучающими проблему стратегического развития агропромышленного комплекса в перспективе [28—30].

Происходящие современные территориальные изменения в контексте структурных сдвигов в аграрном землепользовании также актуализируют задачу системного изучения динамики межрегиональной дифференциации, что позволит своевременно выявлять нарастающие тенденции в формировании «точек роста» или «зон депрессии» в процессе развития сельскохозяйственного производства и сельской местности в целом.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки в рамках Госзадания по бюджетной теме № FFZF-2025-0015.

Список литературы

1. Никонова, Г. Н. 2023, Особенности современной институциональной среды земельных отношений в аграрном секторе, *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*, т. 24, № 6, с. 1067 — 1076, EDN: XCEGNT, <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2023.24.6.1067-1076>
2. Казьмин, М. А. 2016, Трансформация сельскохозяйственного землепользования в регионах России в ходе современных социально-экономических реформ, *Региональные исследования*, № 2 (52), с. 103 — 112, EDN: WHTRIL
3. Мухин, Г. Д. 2012, Эколого-экономическая оценка трансформации сельскохозяйственных земель европейской территории России в 1990 — 2009 гг., *Вестник Московского университета, Серия 5: География*, № 5, с. 19 — 27, EDN: PJQDKB
4. Колбовский, Е. Ю., Климанова, О. А., Бавшин, И. М. 2018, Пространственный анализ факторов и последствий трансформации использования сельскохозяйственных земель в Смоленской области, *Региональные исследования*, № 4 (62), с. 96 — 106, EDN: ZCQOCT
5. Скобеев, Н. М. 2017, Новейшие тенденции в изменении землепользования и специфика их учета на примере Тульской области, *Региональные исследования*, № 4 (58), с. 81 — 92, EDN: YQUELH
6. Саитова, А. Р. 2018, Пригородное землепользование, как территориальная основа продовольственной безопасности, *Актуальные проблемы экономики, социологии и права*, № 4, с. 44 — 47, EDN: ZAMUBF
7. Трафимов, А. Г., Костяев, А. И. 2018, Особенности функционирования пригородных сельскохозяйственных организаций, *Никоновские чтения*, № 23, с. 151 — 155, EDN: YWBQTI
8. Белова, Е. В., Розенфельд, Ю. Н. 2015, Влияние урбанизации на использование земель в сельскохозяйственном производстве, *Вестник Московского университета, Серия 6: Экономика*, № 3, с. 60 — 75, EDN: RZWUKM
9. Hou, D., Meng, F., Prishchepov, A. V. 2021, How is urbanization shaping agricultural land-use? unraveling the nexus between farmland abandonment and urbanization in China, *Landscape and Urban Planning*, № 214, art № 104170, <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2021.104170>
10. Russo, P., Tomaselli, G., Pappalardo, G. 2014, Marginal periurban agricultural areas: A support method for landscape planning, *Land Use Policy*, № 41, p. 97 — 109, <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2014.04.017>
11. Нефедова, Т. Г., Медведев, А. А. 2020, Сжатие освоенного пространства в центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 645 — 659, EDN: BFSDZN, <https://doi.org/10.31857/S258755662005012X>
12. Прищепов, А. В., Мюллер, Д., Дубинин, М. Ю., Бауманн, М., Раделофф, В. К. 2013, Детерминанты пространственного распределения заброшенных сельскохозяйственных земель в Европейской части России, *Пространственная экономика*, № 3, с. 30 — 62, EDN: SBPPIR
13. Прищепов, А. В., Шиерхорн, Ф., Мюллер, Д., Курганова, И. Н., Камп, Й., Мейфруа, П. 2017, Исследование изменений землепользования в России и на постсоветском пространстве: состояние исследований и приоритеты, в: *Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития*, Материалы XII Международной ландшафтной конференции, с. 209 — 214, EDN: ZUYSQL
14. Прищепов, А. В., Понькина, Е. В., Сун, Ж., Баворова, М., Екимовская, О. А. 2021, Исследование поведенческих факторов сельхозпроизводителей по вовлечению в оборот заброшенных сельскохозяйственных земель: пример Республики Бурятия, *Пространственная экономика*, т. 17, № 3, с. 59 — 102, EDN: GKHVLK, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.059-102>
15. Костяев, А. И., Никонова, Г. Н. 2024, Особенности и тенденции дифференциации сельского пространства Северо-Запада, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 72 — 99, EDN: TPQBIN, <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-4>
16. Чибилёв, А. А. 2016, Картографический анализ образования неиспользуемых земель в степной зоне Российской Федерации, *Географический вестник*, № 2 (37), с. 40 — 49, EDN: WGBLQN, <https://dx.doi.org/10.17072/2079-7877-2016-2-40-49>
17. Kumm, K. I., Hesse, A. 2020, Economic Comparison between Pasture-Based Beef Production and Afforestation of Abandoned Land in Swedish Forest Districts, *Land*, vol. 9, № 2, p. 42, EDN: SDFQMV, <https://doi.org/10.3390/land9020042>

18. Цыпкин, Ю. А., Коростелев, С. П. 2024, Альтернативный взгляд на проблему неиспользуемых сельскохозяйственных земель, *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*, № 4 (110), с. 71—77, EDN: XGDAXX, <https://doi.org/10.33938/244-71>
19. Rolinski, S., Müller, C., Prishchepov, A. V., Guggenberger, G., Bischoff, N., Kurganova, I., Schierhorn, F., Müller, D. 2021, Dynamics of soil organic carbon in the steppes of Russia and Kazakhstan under past and future climate and land use, *Regional Environmental Change*, vol. 21, № 3, EDN: YQJHYV, <https://doi.org/10.1007/s10113-021-01799-7>
20. Guggenberger, G., Bischoff, N., Shibistova, O., Muller, K., Rolinsky, S., Puzanov, A., Prishchepov, A. V., Sherhorn, F., Mikutta, R. 2021, Chapter 13, interactive effects of land use and climate on the accumulation of organic carbon in steppe soils of western Siberia, in: *Kulunda: agriculture and low-emission technologies of sustainable land use. A collective monograph*, Barnaul, p. 217—237.
21. Bell, S. M., Prishchepov, A. V., Schillaci, C., Goll, D., Ciais, P. 2023, Historical and future perspectives of agricultural land abandonment and carbon sequestration, *EGU General Assembly*, Vienna, Austria, p. 24—28, Apr, EGU23-14564, <https://doi.org/10.5194/egusphere-egu23-14564>
22. Рябцев, В. М. 1996, Критериальные подходы к оценке меры различий структуры региональной экономики по формам собственности, в: Рябцев, В. М., Материалы Всероссийского научного семинара «Реализация и эффективность новых форм экономических отношений», Самара, с. 8—10.
23. Перстенева, Н. П. 2012, Количественные методы измерения трансформации социально-экономических систем, Самара, 80 с., EDN: TWYESD
24. Федорченко, А. В. 2017, Количественная оценка и картографирование территориальных сдвигов в отраслях мирового хозяйства, *Вестник Московского университета, Серия 5: География*, 2017, № 1, с. 13—19, EDN: YHPLQV
25. Костяев, А. И. 2025, Трансформация сельского пространства в регионах с крупным мегаполисом, *АПК: экономика, управление*, № 3, с. 32—41, EDN: LITICX, <https://doi.org/10.33305/253-32>
26. Суханов, П. А. 2024, Такие разные почвы и земли, *Сельскохозяйственные вести*, № 2, с. 52—53, URL: <https://agri-news.ru/zhurnal/2024/2-2024/takie-raznye-pochvy-i-zemli/> (дата обращения: 17.06.2025).
27. Шагайда, Н. И., Светлов, Н. М., Узун, В. Я., Логинова, Д. А., Прищепов, А. В. 2018, Потенциал роста сельскохозяйственного производства России за счет вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных угодий, М., РАНХиГС, 70 с., EDN: VMKUQA
28. Ушачев, И. Г., Колесников, А. В. 2024, О необходимости корректировки Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, *АПК: экономика, управление*, № 9, с. 3—14, EDN: ODFGAF, <https://doi.org/10.33305/249-3>
29. Петриков, А. В. 2022, Приоритеты и механизмы развития сельского хозяйства в России и ее регионах в новой реальности, *Федерализм*, т. 27, № 2 (106), с. 122—142, EDN: MVYRQX, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-122-142>
30. Ушачев, И. Г., Маслова, В. В., Зарук, Н. Ф., Авдеев, М. В. 2022, Механизмы инвестиционного процесса в аграрном комплексе России, *Вестник Российской академии наук*, т. 92, № 2, с. 140—149, EDN: WUNUMW, <https://doi.org/10.31857/S0869587322020104>

Об авторе

Галина Николаевна Никонова, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-7605-0237>

E-mail: galekos@yandex.ru

DYNAMICS OF THE TERRITORIAL STRUCTURE OF AGRICULTURAL LAND USE IN THE LENINGRAD REGION

G. N. Nikonova

Saint Petersburg Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
14th Line, 39 Vasilyevsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia

Received 30 August 2025
Accepted 31 October 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-7
© Nikonova, G. N., 2025

This study aims to examine the current state and prospects of the territorial transformation of agricultural land use, with a view to identifying key development trajectories and potential risks associated with returning unused land to economic circulation. The analysis focuses on agricultural land use in the Leningrad region, a territory with a highly developed agricultural sector and an important part of the Baltic Sea region. The methodological approach combines an assessment of spatial changes in the territorial structure of agricultural land use with an examination of structural shifts in the distribution of farmland, arable land, and sown areas. Indicators of structural change and their growth rates were analysed at the municipal-district level between the 2006 All-Russian Agricultural Census and the 2021 microcensus. The study traces the intensity of territorial shifts in agricultural land use across three periods (1990–2006, 2006–2016, and 2016–2021) and identifies the main characteristics and directions of these transformations, including north–south and centre–periphery patterns. Particular attention is paid to the influence of urbanisation on territorial change, especially in areas bordering Saint Petersburg. The analysis also highlights spatial differentiation within the region and identifies three principal zones of unused farmland. The case of the northern, peripheral Priozersk District shows that, when supported by favourable socioeconomic and institutional conditions, agricultural land can retain its value for agribusiness despite broader structural pressures. The study concludes by outlining region-specific approaches to mitigating potential risks to agricultural land use, assuming that current transformation trends continue.

Keywords:

territorial shifts, municipal districts, areas, unused lands, land use, Leningrad region

Funding. This study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the State Assignment, project № FFZF-2025-0015.

References

1. Nikonova, G. N. 2023, Features of the modern institutional environment of land relations in the agricultural sector, *Agricultural Science Euro-North-East = Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka*, vol. 24, № 6, p. 1067–1076, <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2023.24.6.1067-1076>
2. Kazmin, M. A. 2016, Transformation of agricultural land use in Russian regions in the course of modern socioeconomic reforms, *Regional Research*, № 2, p. 103–112 (in Russ.).
3. Mukhin, G. D. 2012, Ecological-economic assessment of land use structure within the European territory of Russia during two recent decades, *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya Geografiya*, № 5, p. 19–27 (in Russ.).

4. Kolbovskiy, E. Yu., Klimanova, O. A., Bavshin, I. M. 2018, Spatial analysis of determinants and consequences of land use changes in agricultural lands of Smolensk oblast, *Regional Research*, № 4, p. 96—106 (in Russ.).
5. Skobeev, N. M. 2017, Latest trends in land use change and its accounting specifics (Tula oblast case), *Regional Research*, № 4, p. 81—92 (in Russ.).
6. Saitova, A. R. 2018, Suburban land use as a territorial basis of food security, *Current issues in economics, sociology and law*, № 4, p. 44—47 (in Russ.).
7. Trafimov, A. G., Kostyaev, A. I. 2018, Features of the functioning of suburban agricultural organizations, *Nikon Readings*, № 23, p. 151—155 (in Russ.).
8. Belova, E. V., Rozenfeld, Yu. N. 2015, The impact of urbanization on agricultural land use, *Moscow University Economics = Bulletin Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika*, № 3, p. 60—75 (in Russ.).
9. Hou, D., Meng, F., Prishchepov, A. V. 2021, How is urbanization shaping agricultural land-use? unraveling the nexus between farmland abandonment and urbanization in China, *Landscape and Urban Planning*, № 214, art № 104170, <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2021.104170>
10. Russo, P., Tomaselli, G., Pappalardo, G. 2014, Marginal periurban agricultural areas: A support method for landscape planning, *Land Use Policy*, № 41, p. 97—109, <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2014.04.017>
11. Nefedova, T. G., Medvedev, A. A. 2020, Shrinkage of active space in central Russia: Population dynamics and land use in countryside, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 645—659, <https://doi.org/10.31857/S258755662005012X>
12. Prishchepov, A. V., Müller, D., Dubinin, M., Baumann, M., Radeloff, V. C. 2013, Determinants of the spatial distribution of abandoned agricultural lands in the European part of Russia, *Spatial Economics*, № 3, p. 30—62 (in Russ.).
13. Prishchepov, A. V., Schierhorn, F., Müller, D., Kurganova, I. N., Kamp, J., Meyfroy, P. 2017, Research on land use changes in Russia and the post-Soviet space: research status and priorities, in: *Landscape science: theory, methods, landscape-ecological support for nature management and sustainable development*, Proceedings of the XII International Landscape Conference, p. 209—214 (in Russ.).
14. Prishchepov, A. V., Ponkina, E. V., Sun, Z., Bavorova, M., Yekimovskaja, O. A. 2021, Study of farmer's behavior in recultivation of abandoned farmland: Example of the Republic of Buryatia, *Spatial Economics*, vol. 17, № 3, p. 59—102, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.059-102>
15. Kostyaev, A. I., Nikonova, G. N. 2024, Dynamics of differentiation of rural North-West of Russia: main trends and features, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 72—99, <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-4>
16. Chibilyov, A. A. 2016, Cartographic analysis of unused land emergence in the steppe zone of the Russian Federation, *Geographical bulletin*, № 2, p. 40—49, <https://dx.doi.org/10.17072/2079-7877-2016-2-40-49>
17. Kumm, K.-I., Hesse, A. 2020, Economic Comparison between Pasture-Based Beef Production and Afforestation of Abandoned Land in Swedish Forest Districts, *Land*, vol. 9, № 2, <https://doi.org/10.3390/land9020042>
18. Tsyppkin, Yu. A., Korostelev, S. P. 2024, An Alternative view on the problem of unused agricultural land, *Economy, labor, management in agriculture*, № 4, p. 71—77, <https://doi.org/10.33938/244-71>
19. Rolinski, S., Müller, C., Prishchepov, A. V., Guggenberger, G., Bischoff, N., Kurganova, I., Schierhorn, F., Müller, D. 2021, Dynamics of soil organic carbon in the steppes of Russia and Kazakhstan under past and future climate and land use, *Regional Environmental Change*, vol. 21, № 3, <https://doi.org/10.1007/s10113-021-01799-7>
20. Guggenberger, G., Bischoff, N., Shibistova, O., Müller, K., Rolinsky, S., Puzanov, A., Prishchepov, A. V., Schierhorn, F., Mikutta, R. 2021, Chapter 13, interactive effects of land use and climate on the accumulation of organic carbon in steppe soils of western Siberia, in: *Kulunda: agriculture and low-emission technologies of sustainable land use. A collective monograph*, Barnaul, p. 217—237.
21. Bell, S. M., Prishchepov, A. V., Schillaci, C., Goll, D., Ciais, P. 2023, Historical and future perspectives of agricultural land abandonment and carbon sequestration, *EGU General Assembly*, Vienna, Austria, p. 24—28, Apr, EGU23-14564, <https://doi.org/10.5194/egusphere-egu23-14564>

22. Ryabtsev, V.M. 1996, Criterial approaches to assessing the degree of differences in the structure of regional economies by forms of ownership, in: Ryabtsev, V.M. *Proceedings of the All-Russian scientific seminar "Implementation and effectiveness of new forms of economic relations"*, Samara, p. 8—10 (in Russ.).
23. Persteneva, N.P. 2012, *Quantitative Methods for Measuring the Transformation of Socio-Economic Systems*, Samara, 80 p. (in Russ.).
24. Fedorchenko, A.V. 2017, Quantitative evaluation and mapping of territorial shifts in the world economy branches, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, № 1, p. 13—19 (in Russ.).
25. Kostiaev, A.I. 2025, Transformation of rural space in regions with large megalopolises, *AIC: economics, management*, № 3, p. 32—41, <https://doi.org/10.33305/253-32>
26. Sukhanov, P.A. 2024, Such different soils and lands, *Agricultural News*, № 2, p. 52—53 (in Russ.), URL: <https://agri-news.ru/zhurnal/2024/2-2024/takie-raznye-pochvy-i-zemli/> (accessed 17.06.2025).
27. Shagaida, N.I., Svetlov, N.M., Uzun, V.Ya., Loginova, D.A., Prishchepov, A.V. 2018, *Potential for growth of agricultural production in Russia due to the involvement of unused agricultural land in circulation*, Moscow, 70 p. (in Russ.).
28. Ushachev, I.G., Kolesnikov, A.V. 2024, On the need to adjust the strategy for the development of agro-industrial and fisheries complexes of the Russian Federation for the period up to 2030, *AIC: economics, management*, № 9, p. 3—14 (in Russ.), <https://doi.org/10.33305/249-3>
29. Petrikov, A.V. 2022, Priorities and mechanisms of agricultural development in Russia and its regions in the new reality, *Federalism*, vol. 27, № 2, p. 122—142 (in Russ.), <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-122-142>
30. Ushachev, I.G., Maslova, V.V., Zaruk, N.F., Avdeev, M.V. 2022, Mechanisms of the investment process in the agricultural complex of Russia, *Herald of the Russian Academy Of Sciences*, vol. 92, № 2, p. 140—149 (in Russ.), <https://doi.org/10.31857/S0869587322020104>

The author

Prof **Galina N. Nikonova**, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Agrarian Economics and Rural Development, Saint Petersburg Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-7605-0237>

E-mail: galekos@yandex.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

РЫНОК ТРУДА В СФЕРЕ ТУРИЗМА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

А. В. Лялина

А. В. Митрофанова

Е. Г. Кропинова

А. П. Плотникова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 04.09.2025 г.
Принята к публикации 21.10.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-8
© Лялина А.В., Митрофанова А. В.,
Кропинова Е. Г., Плотникова А. П.,
2025

В условиях острых демографических вызовов, ограничений на привлечение иностранной рабочей силы, «гонки» заработных плат в экономике в сфере туризма значительно возросла конкуренция за работников. Она обостряется стремительным развитием внутреннего туризма и вовлечением новых с точки зрения туристического освоения территорий. Эта проблема в полной мере характерна и для Калининградской области, однако поиск решения кадровых проблем в регионе после 2022 г. значительно осложнен обострившимися издержками эксклавноности региона. Целью настоящего исследования стали выявление и оценка пространственных диспропорций в развитии рынка труда в сфере туризма в Калининградской области и на их основе выработка предложений по содействию развитию кадрового обеспечения. Информационную базу исследования составили статистические данные Росстата и его территориального органа в Калининградской области (Калининградстата) о развитии сферы туризма в регионе. Используются данные Минсоцполитики Калининградской области о заявленной потребности в кадрах в регионе, а также данные базы СПАРК-Интерфакс о хозяйствующих субъектах Калининградской области по виду деятельности «гостиницы и общественное питание» в разрезе муниципальных образований. Для обработки исходной информации применялись общенаучные, статистические, картографические методы исследования. Выявлено, что пространственное развитие рынка труда региона отражает постепенный сдвиг туристического освоения на восток области и в менее затронутые сферой туризма ближние и дальние пригороды областного центра. В то же время это достигается за счет развития сферы общественного питания, а вовлеченность трудоспособного населения в официальную занятость в гостиничном секторе здесь остается невысокой. Развитие кадрового потенциала на этих территориях требует принятия мер по адаптации системы подготовки кадров с привлечением представителей турбизнеса, совершенствования механизмов мобильности трудовых ресурсов.

Ключевые слова:

рынок труда, туризм, дефицит рабочей силы, потребность в кадрах, пространственные диспропорции, Калининградская область

Введение

В Калининградской области сфера туризма и рекреации с 2014 г. испытывает «бум» развития: регион неизменно входит в топ рейтингов по туристической привлекательности, появляются новые туристические дестинации и центры притяжения туристов, развивается туристско-рекреационная инфраструктура, из года в год растет поток туристов, на этом фоне увеличивается стоимость отдыха на курортах эксклава. Основными факторами выступили проведение в регионе Чемпионата мира по футболу в 2018 г., импортозамещение отдыха россиян на фоне снижения доступности отдыха за рубежом в период пандемии COVID-19 и после 2022 г.

Сфера гостиниц и предприятий общественного питания (далее — сфера туризма) обеспечивает более 3% занятости в регионе, что выделяет область на фоне других субъектов РФ (12-е место в 2024 г.). Однако ее вклад в развитие территорий региона остается различным: в то время как традиционно наиболее активно развивается северо-западная приморская часть и административный центр региона (Калининград), остальные территории слабо вовлечены в туристско-рекреационную деятельность. Это формирует проблемы и противоречия на социально-экономическом уровне. Все чаще в высокий сезон курортные территории становятся труднодоступными — на дорогах образуются многочасовые пробки, пляжи приморских курортов переполнены, наблюдается рост цен на товары и услуги.

Данные процессы вызывают негативное отношение к росту туристического потока у местного населения. Однако при этом в приморской зоне Калининградской области и в Калининграде за счет спроса на туристические услуги отмечается рост доходов населения, вовлеченного в обслуживание туристов. Получение доходов от туристской деятельности обеспечивается за счет полной, частичной, сезонной занятости, самозанятости, а также сдачи жилья в аренду туристам. Кроме того, в рамках мультипликативного эффекта туристской деятельности формируется спрос на вакансии в сопряженных видах деятельности, таких как изготовление и продажа сувенирной продукции, сервис и торговля.

В то время как курортные территории приморской зоны и Калининград испытывают чрезмерную рекреационную нагрузку, восток Калининградской области слабо вовлечен в туристско-рекреационную деятельность. Несмотря на точечное развитие отдельных объектов, наблюдаются значительные диспропорции в социально-экономическом развитии запада и востока региона. Это отразилось на увеличении разрыва в уровне жизни населения по линии «восток — запад»; крайне низкий уровень безработицы на западе сопряжен с повышенным на востоке. В связи с этим равномерное пространственное развитие сферы туризма становится все более актуальным в свете чрезмерной антропогенной нагрузки в западной агломерационной части области и отставания востока региона по показателям социально-экономического развития. При этом небольшие размеры региона и его высокий уровень транспортной связанности, повышенный уровень автомобилизации населения [1], с одной стороны, высокий и пока еще не раскрытый туристско-рекреационный потенциал обширных территорий на востоке области [2] — с другой, наличие трудовых ресурсов — с третьей [3] — создают условия для более активного вовлечения в сферу туризма таких территорий. Поэтому целью настоящей статьи стало выявить и оценить пространственные диспропорции в развитии рынка труда в сфере туризма в Калининградской области и на их основе предложить меры по улучшению кадрового обеспечения районов с дефицитом трудовых ресурсов.

Теоретический обзор

На рынке труда в сфере туризма и рекреации сложились следующие глобальные тенденции. Во-первых, ускоряются темпы внедрения современных технологий (в частности, электронных программ), обеспечивающих рост производительности труда, и, соответственно, высвобождение работников с наиболее низкой квалификацией [4; 5]. Во-вторых, другой причиной оттока кадров из сферы туризма становится снижение привлекательности работы в отрасли вследствие более низкой заработной платы, нестабильных и краткосрочных трудовых договоров, неудобного графика работы, стресса, отсутствия карьерных перспектив, гарантий занятости, неудовлетворительных условий труда, рисков для здоровья [6—8]. Поэтому влияние пандемии COVID-19 на занятость в туризме оказалось наиболее значимым по сравнению с другими видами деятельности [9—11].

Ключевым для развития сферы туризма становится формирование системы подготовки конкурентоспособных кадров [10; 12]. Немаловажную роль также играет повышение престижа профессий, занятых в обеспечении туристского и сопряженных видов деятельности, в том числе через модели социальной ответственности бизнеса [13; 14]. В соответствии с Национальным проектом Российской Федерации «Туризм и гостеприимство» формирование кадрового потенциала страны в данной сфере является одной из приоритетных задач. Особую роль играет практико-ориентированное образование. В настоящее время в 283 университетах по направлениям подготовки, связанным с туризмом, учатся более 48,7 тыс. чел. Из них почти 36,5 тыс. чел. — в вузах, подведомственных Минобрнауки России. Доля трудоустроенных выпускников, получивших профессию в сфере сервиса и туризма, составляет 73,1 %¹.

Еще одной глобальной тенденцией в постпандемийный период стало развитие внутреннего туризма, что соответствует политике в сфере туризма в Российской Федерации [15]. Это ведет к вовлечению новых территорий в туристическую сферу, стимулирует создание новых рабочих мест, что, в свою очередь, актуализирует решение проблем кадрового дефицита, в том числе посредством вовлечения местного населения в туристическую деятельность [16; 17]. В то же время в настоящий момент ощущается недостаток исследований, посвященных изучению пространственных особенностей развития рынка труда в сфере туризма.

В России сфера туризма в постпандемийный период развивается в условиях проведения специальной военной операции РФ на Украине и действия антироссийских санкций со стороны стран Запада. В связи с этим главными туристическими трендами в стране стали «создание благоприятных условий для развития внутреннего потенциала страны, вовлечение граждан России в деятельность по укреплению целостности и сохранению духовного и культурно-исторического наследия, интенсивное развитие культурно-познавательного, делового, экологического туризма и круизов, ответственное отношение к качеству предоставляемых услуг» [18, с. 101]. На рынке труда с 2021 г. происходят восстановительные процессы, связанные с постепенным увеличением занятости в сфере туризма, прежде всего в организациях, предоставляющих услуги по размещению [19]. Заметен и рост потребности в кадрах, который в 2022 г. составил почти 1,5 раза относительно 2020 г.² Согласно данным рекрутинговых онлайн-платформ, в первом полугодии 2022 г. на уровне

¹ Минобрнауки России подготовило лучшие практики в сфере туристического образования. Минобрнауки России, 2025, *Минобрнауки России*, URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/98033/> (дата обращения: 22.08.2025).

² Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест с 2018, 2025, *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 08.09.2025).

страны в сфере гостиниц и ресторанов наиболее востребованы кадры со средним профессиональным образованием (90,2 %): бармены, официанты, бариста, администраторы кафе и ресторанов, повара, сомелье, администраторы отелей (портье), горничные, швейцары [19]. Тенденцией последних лет стало снижение требований к опыту работы для соискателей со стороны работодателей, что обусловлено обострением дефицита кадров [20]. Отмечается, что в регионах России на фоне роста притока внутренних туристов (например, в Курской области) и увеличения объема предоставляемых услуг рынок труда в данной сфере становится все более конкурентоспособным и привлекательным для квалифицированных специалистов [21].

Проблема нехватки кадров в российской экономике, в сфере туризма, в частности, решается посредством реализации двух национальных проектов «Кадры» и «Туризм и гостеприимство» [22]. В то же время исследователи отмечают, что в условиях прогнозного увеличения дефицита кадров их реализация может быть затруднена. В связи с этим экспертным сообществом предлагается усилить работу по внедрению ИТ-технологий в сферу туризма, создавать условия для перетекания кадров из других отраслей экономики (строительства, например), миграции трудовых ресурсов (сезонной, трудовой, в том числе временной из-за рубежа, миграции соотечественников) и их адаптации [22]. Отдельное место занимают меры по развитию системы подготовки кадров для сферы туризма, особенно в тех областях, которые являются наиболее трудодефицитными (например, агротуризм, экотуризм) [23–25].

В Калининградской области сфера туризма, наиболее пострадавшая в период пандемии [26], в постпандемийный период испытывает «бум» на фоне роста внутреннего спроса [14; 27]. Регион постоянно включается в рейтинги туристической привлекательности, а его туристический потенциал далек от исчерпания [28]. В 2021–2024 гг. отмечается рост числа коллективных средств размещения (КСР) и номерного фонда, прежде всего малой вместимости, вблизи «небольших курортных городов, в то время как восточная часть области остается слаборазвитой в этом отношении» [27, с. 175]. По мере стремительного увеличения туристической нагрузки в западной части области, которая ведет к заметному росту стоимости отдыха здесь, экспертами подчеркивается необходимость развития восточных муниципалитетов, которые обладают туристско-рекреационным потенциалом, особенно это касается полусредних городов (Черняховск, Советск, Гусев) [29]. Основными группами туристов в регионе являются прибывшие из других регионов России с целью досуга и отдыха. При этом этот поток из года в год продолжает расти.

Для рынка труда Калининградской области в сфере туризма сегодня характерна, так же как и для других регионов России, проблема дефицита кадров. Подчеркивается, что в Калининградской области эта проблема осложняется оттоком профессионалов за рубеж [30]. Однако несомненным преимуществом выступает миграционный прирост, сложившийся в регионе, поскольку вновь прибывающие мигранты зачастую проходят трудовую адаптацию именно в сфере туризма по причине относительно невысоких требований к трудоустройству. С другой стороны, среди мигрантов высок предпринимательский потенциал, и частично он реализуется в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса [31].

Методы и материалы

В исследовании изучается сфера гостиниц и предприятий общественного питания (ОКВЭД2 — Раздел I. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания) как наиболее заметная группа видов экономической дея-

тельности в сфере туризма и одновременно прямо относящаяся к ней (в отличие от транспорта и торговли, например). Для характеристики ситуации на рынке труда в сфере туризма использованы данные, доступные в открытых источниках (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели и источники информации
для оценки рынка труда в сфере туризма**

Показатель	Единица измерения	Источник
Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности по Балансу трудовых ресурсов	Чел. и %	ЕМИСС
Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций по видам экономической деятельности	Чел.	ЕМИСС
Численность прибывших и выбывших работников по видам экономической деятельности	Чел.	ЕМИСС
Заявленная работодателями в государственные органы занятости потребность в кадрах по видам экономической деятельности, требованиям к уровню образования и стажа (по состоянию на 1 августа)	Чел.	Предоставленные по официальному запросу данные Минсоцполитики Калининградской области
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике	Руб.	ЕМИСС
Число юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по виду деятельности гостиницы и общественное питание в разрезе муниципальных образований	Ед.	Статистический регистр хозяйствующих субъектов Калининградской области (СПАРК-Интерфакс)
Численность размещенных лиц в КСР в разрезе муниципальных образований	Чел.	Статистический бюллетень Калининградстата «Сведения о деятельности коллективных средств размещения в Калининградской области»
Численность населения в трудоспособном возрасте на 1 января	Чел.	Калининградстат
Среднесписочная численность работников организаций Калининградской области	Чел.	СПАРК-Интерфакс

Рассматриваемый период включает годы активного развития сферы туризма после преодоления регионом кризисных явлений в экономике 2015—2016 гг.: это допандемийные 2017—2019 гг., пандемийные 2020—2021 гг., годы развития региона в новых условиях «закрытых» границ — 2022—2024 гг. Такой выбор временного интервала позволяет проследить особенности воздействия происходящих масштабных изменений в стране и регионе на рынок труда в сфере туризма и динамику его адаптации.

Использованы данные о заявленной в государственные органы занятости населения потребности в кадрах всего и по виду экономической деятельности — деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, по данным на 1 августа 2019—2024 гг. Для нас было важно оценить структуру потребности в кадрах (по профессиям, по муниципальным образованиям) вне высокого летнего сезона,

поскольку мы предполагали, что в этот период размещенные вакансии предлагают постоянную занятость, а не временную. В летний сезон анализируемая структура потребности в кадрах корректируется в сторону увеличения спроса на вспомогательный персонал, не требующий специальных знаний (горничные, разнорабочие, грузчики, мойщики, курьеры, официанты, сторожа и т. д.). В то же время авторы осознают ограниченность применения данных об официальной безработице и заявленной потребности в кадрах в государственные органы занятости населения ввиду сложности оформления статуса безработного, низких пособий и кадровой политики предприятий. Так, безработными не могут быть признаны граждане, отказавшиеся в течение 10 дней от двух вариантов подходящей работы, включая работу временного характера. Отказано в оформлении статуса безработного и самозанятым. А российскому работодателю (особенно в условиях кризиса) выгоднее перевести работника на неполную занятость или снизить заработную плату, чем уволить и отправить на «биржу труда» [32]. Поэтому реальная потребность в кадрах в сфере туризма может быть более высокой, а для ее оценки целесообразно проводить дополнительные качественные и количественные исследования.

Результаты

Рынок труда в сфере туризма на уровне региона. В гостиницах и организациях общественного питания региона занято около 17,2 тыс. чел., или 3,3 % всего занятого населения региона, что позволяет области входить в топ-12 регионов России по этому показателю. В то же время до «бума» развития внутреннего туризма в стране и до пандемии COVID-19 такой уровень позволял региону занимать пятое место среди всех субъектов РФ (2017). Сегодня значительно более высокой долей занятых в сфере туризма характеризуются только Севастополь, Республика Крым и Краснодарский край (более 5 %), Республика Алтай и Астраханская область (более 4 %). Абсолютная численность занятых в сфере росла наиболее высокими темпами в регионе в 2022 и 2023 гг. — на 4—7 % в год.

При этом данные о среднесписочной численности работников в сфере гостиниц и предприятий общественного питания (по полному кругу организаций) демонстрируют сокращение в 2024 г. на 27 % относительно 2017 г., что выше, чем в целом по всем организациям региона (–12 %). Это может быть обусловлено межотраслевым перераспределением работников со смещением в сторону сферы информационных технологий (+159 %), сферы здравоохранения (103 %), добычи полезных ископаемых (148 %), «отходничеством» в другие регионы РФ (рост в 2,5—3 раза относительно 2021—2022 гг.¹), уходом в теневую или частичную занятость, самозанятость².

В целом движение работников сферы туризма в рассматриваемый период было значительно менее динамичным, чем в среднем по стране или Северо-Западному федеральному округу (СЗФО РФ) — средний удельный вес прибывших и выбывших в среднесписочной численности работников в 2017—2024 гг. составил 36 % против 62 % по РФ и 58 % по СЗФО РФ (рис. 1).

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы: стат. бюлл. Росстат, 2025, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 31.07.2025).

² УФНС: Около 2 тыс. самозанятых сдают жилье в Калининградской области легально, 2024, *ФНС*, URL: <https://www.nalog.gov.ru/tm39/ifns/ob9/info/14780150/> (дата обращения: 31.07.2025) ; В Калининградской области резко выросло число самозанятых — минфин, 2025, *Клопс.РУ*, 28.05.2025, URL: <https://klops.ru/kaliningrad/2025-05-28/357726-v-kaliningradskoy-oblasti-rezko-vyroslo-chislo-samozanyatyh-minfin> (дата обращения: 31.07.2025).

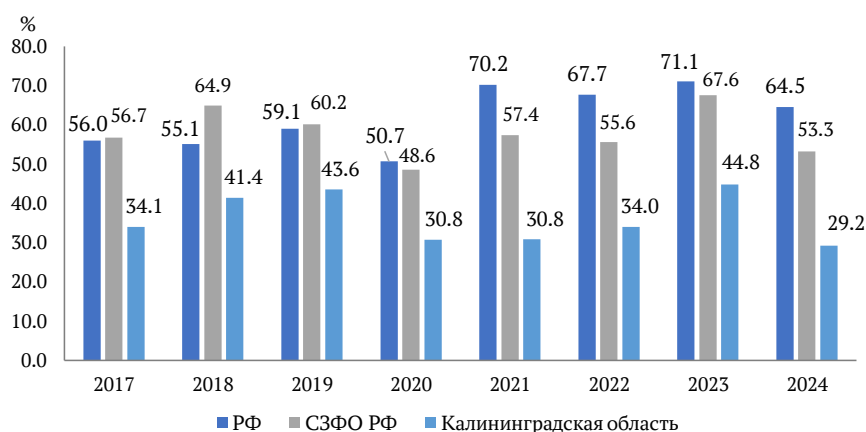

Рис. 1. Доля прибывших и выбывших
в среднесписочной численности работников в сфере туризма, %

Самые низкие значения показателя характерны для периода пандемии COVID-19, когда движение работников в сфере заметно снизилось, что в целом характерно и для других регионов страны. В то же время в Калининградской области этот период сниженной динамики движения работников фактически так и не завершился (всплеск в 2023 г. нельзя считать завершением, поскольку он был краткосрочным и связан с ростом выбытий работников из сферы), в то время как средние показатели по РФ и СЗФО РФ демонстрируют возвращение к допандемийным значениям. Это может свидетельствовать о протекании двух процессов — значительной нехватке трудовых ресурсов, с одной стороны, и незаинтересованности работы по найму в сфере — с другой. Последнее обусловлено, во-первых, тем, что работники в этой сфере оказались наименее защищенными в период пандемии COVID-19 с точки зрения трудовых прав и поэтому наиболее пострадали [26], и, во-вторых, развитием рынка самозанятых и индивидуальных предпринимателей в этой сфере, который во-многом более привлекателен для работников, поскольку предлагает более высокие заработки, не связан с жестким графиком работы и предоставляет возможности удаленной работы, актуальность которой возросла в постпандемийный период.

Так, в сфере туризма Калининградской области категория самозанятых прежде всего касается экскурсоводов и гидов-переводчиков. В 2023 г. аттестацию прошли 300 экскурсоводов, на 1 сентября 2025 г. — 422 чел., 240 заявлений находятся на рассмотрении в региональном Министерстве по культуре и туризму. Большинство экскурсоводов не работают в штате туристических компаний, работают по договору на выполнение услуг, а также оформлены как самозанятые. Кроме того, влияние, вероятно, оказывает и запрет на работу иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России на основании патента, в организациях, ведущих деятельность по предоставлению еды и напитков с мая 2024 г.¹ Такие ограничения скажутся на сворачивании деятельности ряда организаций общественного питания².

¹ Указ губернатора Калининградской области № 38-у от 13 мая 2024 г., 2024, *Официальное опубликование правовых актов*, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3900202405140001> (дата обращения: 31.07.2025).

² Без плова и самсы: из-за запрета на работу мигрантов в Калининграде закрываются популярные кафе и рестораны, 2024, *Клопс.Ру*, 05.09.2024, URL: <https://klops.ru/kaliningrad/2024-09-05/303544-bez-plova-i-samsy-iz-za-zapreta-na-rabotu-migrantov-v-kaliningrade-zakryvayutsya-populyarnye-kafe-i-restorany> (дата обращения: 31.07.2025).

Рассматривая структуру занятости в сфере туризма, можно констатировать, что почти три четверти занятых приходится на организации общественного питания (ООП), что обусловлено как численным преобладанием организаций, удовлетворяющих спрос не только со стороны гостей региона, но и местных жителей, так и особенностями их штатной структуры, предполагающей большее число обслуживающего персонала, чем в гостиничном бизнесе (рис. 2, 3). Снижение занятости в ООП при росте числа организаций объясняется, вероятно, активным замещением штатной занятости аутсорсингом, внедрением более гибких форм занятости (например, частичной), трудосберегающих технологий, а также злоупотреблением режимом самозанятости.

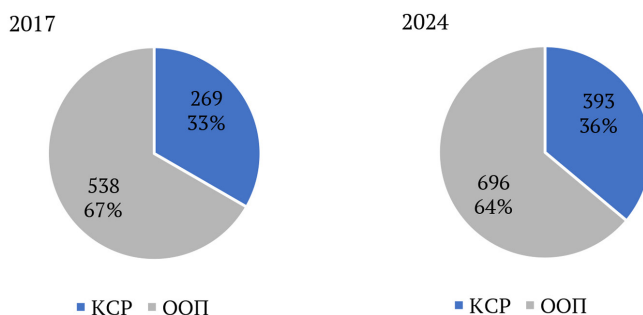

Рис. 2. Количество организаций в коллективных средствах размещения и организациях общественного питания

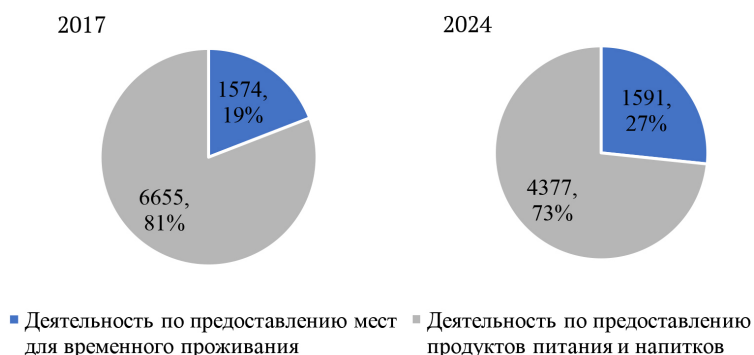

Рис. 3. Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций по виду деятельности — деятельность гостиниц и предприятий общественного питания по Калининградской области

Рассмотренные изменения нашли отражение и в динамике официально заявленной потребности в кадрах, которая сократилась за 2019—2024 гг. в 3 раза — до 300 чел. (рис. 4). При этом структура потребности слабо изменилась: преобладают работники без требований к образованию (55—60 %) и работники со средним профессиональным образованием (35—40 %). Для четверти вакансий установлены требования по наличию опыта работы. Вакансии для специалистов с высшим образованием практически не размещаются в Центре занятости населения Калининградской области. Объясняется это может прямым взаимодействием работодателей с образовательными учреждениями высшего образования в регионе, «переманиванием» сотрудников у конкурентов, использованием иных площадок для размещения вакансий (например, hh.ru).

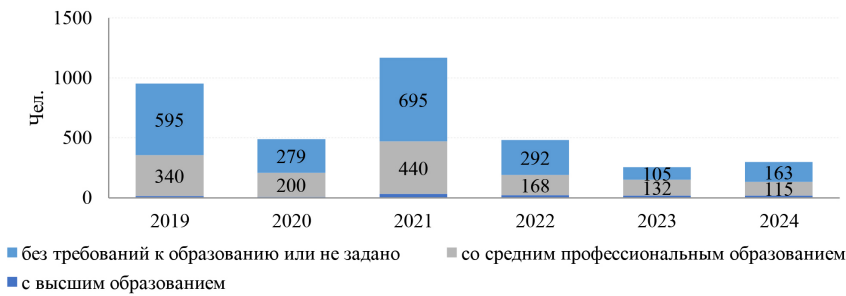

Рис. 4. Заявленная в Центр занятости населения Калининградской области потребность в работниках по разделу I — деятельность гостиниц и предприятий общественного питания

На фоне абсолютного снижения заявленной потребности в кадрах отмечается диверсификация спроса. Как и прежде, наиболее высокий спрос приходится на позиции повара, пекаря, кондитера, бармена, бариста (20 % заявленной потребности), официанта (16 %), горничной (10 %), кухонных, подсобных рабочих и мойщиков посуды (7 %), администратора, кассира, продавца (12 %) (табл. 2). Совокупно сегодня они определяют 59 % потребности в кадрах в сфере, в то время как в 2019—2023 гг. — более 75 %.

Таблица 2

Заявленная в Центр занятости населения Калининградской области потребность в работниках по отдельным вакансиям раздела I — деятельность гостиниц и предприятий общественного питания

Вакансия	Чел.						%					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Повар, бармен, бариста, кондитер, пекарь	334	149	346	147	82	59	35,1	30,5	29,6	30,4	32,0	19,8
Официант	194	78	284	69	26	48	20,4	16,0	24,3	14,3	10,2	16,1
Горничная	69	66	82	50	37	30	7,3	13,5	7,0	10,3	14,5	10,1
Подсобные и кухонные рабочие, мойщики посуды, санитарки	137	75	160	88	37	21	14,4	15,3	13,7	18,2	14,5	7,0
Продавец, кассир	37	11	30	22	15	17	3,9	2,2	2,6	4,5	5,9	5,7
Всего	771	379	902	376	197	175	81,1	77,5	77,3	77,7	77,0	58,7

Анализ платформы HH.RU подтверждает, что сегодня (по данным на сентябрь 2025 г.¹) в сфере «Туризм, гостиницы, рестораны» преобладают вакансии повара, пекаря, кондитера (61 вакансия), официанта, бармена, бариста (52), менеджера (26: менеджер ресторана, менеджер по туризму), уборщика помещений (20), администратора (17), хостес (6). При этом подавляющая часть предложений размещена в областном центре (89 %).

¹ Вакансии, Хэдхантер, URL: https://kaliningrad.hh.ru/search/vacancy?enable_snippets=false&L_save_area=true&area=41&area=1020&industry=50&professional_role=8&professional_role=72&professional_role=74&professional_role=76&professional_role=89&professional_role=94&professional_role=130&professional_role=140&search_field=name&search_field=company_name&search_field=description (дата обращения: 15.09.2025).

Привлекательность работы в сфере туризма в регионе с точки зрения оплаты труда с каждым годом снижается, что отражают данные о росте отставания по размеру среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работающих от среднего по экономике (рис. 5). За восемь лет с 2017 г. он вырос с 30 до 41 %. При этом отставание наблюдается и в сравнении со сложившимся уровнем оплаты труда в сфере туризма в СЗФО РФ и РФ в целом — до четверти.

Рис. 5. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в гостиницах и на предприятиях общественного питания (по полному кругу организаций)

Проблема кадрового дефицита в сфере туризма, как правило, решается более гибкими по сравнению с обращением в Службу занятости способами. Во-первых, это может быть межфирменное перемещение. Примером служит переток кадров (официанты, повара) на побережье в высокий сезон и обратно в Калининград в низкий сезон, что обусловлено разницей в уровне заработной платы в сезоны в силу загрузки. Во-вторых, работодатели активно взаимодействуют с организациями профессионального образования в части привлечения как выпускников, так и студентов, как правило, на полную занятость. В-третьих, для временной сезонной занятости с помощью объявлений активно привлекается местное население, в том числе школьники, пенсионеры. В-четвертых, работодатели используют все доступные площадки для размещения объявлений о вакансиях, наиболее эффективными среди которых считаются hh.ru, Авито. В-пятых, ввиду компактности региона и рынка труда в сфере туризма профессиональное сообщество активно взаимодействует и осуществляет подбор персонала посредством так называемого «сарафанного» маркетинга. В-шестых, работодатели высокого уровня инвестируют в закрепление сотрудников через повышение их лояльности бренду и создание системы мотивации, снижая таким образом текучесть кадров.

Общие характеристики развития сферы туризма на уровне муниципалитетов. Пространственное развитие рассматриваемой сферы на уровне муниципалитетов определяется численностью населения и собственно трудовых ресурсов, с одной стороны, и притоком туристов — с другой (табл. 3). По данным на 2024 г., наибольшая нагрузка размещенных в КСР лиц в расчете на трудоспособное население приходилась на Светлогорский городской округ (ГО) и Зеленоградский муниципальный округ (МО) (более 9,0 чел. при средней по региону — 1,6), Янтарный (6,0) и Калининград (1,7). Второстепенная роль по этим показателям у Полесского МО (1,3), Балтийского и Пионерского ГО, остальные муниципалитеты практически не испытывают нагрузки со стороны туристов. Важно отметить, что в ряде муниципалитетов эта нагрузка значительно возросла по сравнению с 2017 г. — прежде всего в Гурьевском МО (в 5 раз), Балтийском ГО (почти в 4 раза), Зеленоградском МО (в 2,5 раза).

Таблица 3

Некоторые показатели пространственной организации сферы туризма в Калининградской области

Муниципалитеты	Численность размещенных лиц в КСР на 1 трудоспособного жителя, чел.				Доля населения в ТВ на 1 января, %				Пространственное распределение организаций в сфере туризма, %				Пространственная структура мест в КСР, %				Пространственная структура мест в ООП, %			
	2017	2024	2024	2020	2021	2022	2023	2024	2017	2019	2021	2022	2023	2024	2017	2019	2021	2022	2023	2024
Лидеры	1,7	2,7	58,7	73,8	74,9	73,9	73,0	73,1	81,7	82,5	82,5	82,2	80,7	80,0	60,0	59,6	60,7	59,2	58,9	60,1
Калининград	1,3	1,7	58,7	62,6	62,9	61,7	60,5	60,7	41,8	40,8	40,1	37,5	37,0	35,5	43,5	42,9	42,3	41,6	41,1	41,6
Светлогорский	9,5	12,0	55,7	4,6	4,6	4,4	4,4	4,3	23,2	23,1	22,7	23,5	22,8	22,0	7,8	8,2	9,0	9,0	9,3	9,2
Янтарный	3,9	6,0	64,2	0,9	1,0	1,0	1,0	1,1	1,6	1,4	1,7	2,5	2,7	2,9	1,7	1,6	2,5	2,4	2,5	2,6
Зеленоградский	2,8	9,5	58,5	5,7	6,4	6,8	7,1	7,1	15,2	17,2	17,9	18,7	18,1	19,6	7,0	6,9	7,0	6,1	6,0	6,7
Догоняющие	1,0	58,1	4,6	4,6	4,7	4,5	4,7	4,7	3,6	4,2	5,0	4,5	5,4	5,5	6,8	7,1	6,8	6,6	6,8	6,6
Балтийский	0,2	0,8	59,6	1,9	1,8	1,8	1,9	2,0	1,2	1,6	1,9	1,7	2,0	2,3	2,9	3,1	2,9	2,9	2,9	3,0
Пионерский	0,8	0,9	55,4	1,6	1,8	1,7	1,7	1,6	2,3	2,0	2,2	1,6	1,5	1,6	1,8	1,8	1,5	1,3	1,5	1,5
Полесский	К	1,3	57,6	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	К	0,5	1,0	1,2	1,8	1,6	2,1	2,1	2,1	2,4	2,4	2,0
Отстающие			60,1	21,6	20,5	21,6	22,3	22,2	13,3	16,5	12,5	13,3	13,9	14,5	33,1	33,3	32,5	34,2	34,3	33,2
Гусевский	0,3	0,3	61,6	0,8	0,9	1,0	1,3	1,2	1,5	1,6	1,1	1,1	1,1	0,9	3,3	3,3	3,2	3,4	3,4	3,4
Ладушинский	К	0,0	55,9	0,3	0,4	0,3	0,2	0,1	К	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Мамоновский	0,0	0,0	59,9	0,1	0,2	0,2	0,1	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,4	0,2	0,4	0,4	0,4
Светловский	0,1	0,2	58,6	2,2	2,3	2,2	2,2	2,3	1,8	3,1	1,4	1,8	1,7	1,7	2,4	2,4	2,0	2,0	2,0	2,0
Советский	0,3	0,4	60,9	1,7	1,6	1,8	1,8	1,8	2,7	2,7	2,1	1,7	1,4	1,6	3,9	4,7	4,6	4,5	4,5	4,4
Багратионовский	0,2	0,2	59,5	1,4	0,9	0,8	1,0	1,0	1,4	1,0	1,0	0,7	0,7	0,7	1,6	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2
Гвардейский	0,3	0,3	60,6	1,8	1,8	1,8	1,8	1,5	0,5	0,9	0,7	0,7	0,8	0,9	3,0	3,5	3,2	3,2	3,3	3,3
Гурьевский	0,1	0,6	62,6	8,2	7,6	8,8	8,6	8,8	3,8	4,8	4,9	4,7	4,4	4,6	5,7	5,9	6,7	6,7	6,7	6,6
Краснознаменский	0,0	К	58,0	0,4	0,4	0,2	0,3	0,3	0,0	К	К	К	К	К	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1
Неманский	К	0,6	54,0	0,4	0,3	0,3	0,5	0,4	К	К	К	К	1,0	2,4	1,2	0,0	0,0	1,8	1,7	1,7
Нестеровский	К	0,3	57,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3	К	1,1	0,1	0,6	0,6	0,8	1,9	1,8	1,9	1,8	1,8	1,1
Озерский	0,0	К	58,1	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4	0,0	0,0	К	К	К	К	0,0	1,1	1,1	1,1	1,1	1,0
Правдинский	К	0,0	57,9	0,5	0,8	0,9	1,0	1,0	К	К	К	К	0,0	0,0	1,3	1,2	1,3	1,2	1,3	1,3
Славский	0,0	К	57,7	0,6	0,4	0,5	0,4	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	К	К	1,4	0,9	1,0	0,8	0,8	0,8
Черняховский	0,2	0,3	58,6	2,3	2,2	2,1	2,2	2,4	1,6	1,2	1,3	1,0	0,9	1,0	5,4	5,1	4,5	4,5	4,4	4,5
Среднее по региону	1,0	1,6	59,2	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: ООП — объекты общественного питания, ТВ — трудоспособный возраст, пространственные зоны, по Г. М. Федорову [33]: **областной центр**, **близкая пригородная зона**, **дальняя пригородная зона**, **периферийная зона**; К — данные не публикуются Калининградстатом в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (п. 5 ст. 4; п. 1 ст. 9).

На муниципалитеты первой группы (лидеры) — курортно-рекреационные Светлогорский ГО, Зеленоградский МО, Янтарный ГО, а также областной центр Калининград — приходится около 73 % всех организаций сферы туризма в регионе. Несмотря на то что совокупно их доля за 2020—2024 гг. не изменилась, удельный вес и число юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Калининграде и Светлогорском ГО сократилось на 3—6 % при стремительном росте в Зеленоградском МО и Янтарном ГО — более 20 %. В распределении номерного фонда КСР доля этих муниципалитетов более высокая — 80 %. Хотя за 4 года она несколько снизилась в пользу муниципалитетов, менее вовлеченных в обслуживание туристов, в Янтарном ГО отмечается значительный рост числа мест в КСР (в 2 раза), в Зеленоградском МО — на 127 % и, соответственно, увеличение удельного веса этих округов. На группу муниципалитетов-лидеров неизменно приходится около 60 % всех мест в ООП области, однако за 2017—2024 гг. наблюдалось перераспределение мощностей организаций в пользу Светлогорского и Янтарного ГО, удельный вес областного центра при этом несколько снизился — с 43,5 % в 2017 г. до 41,6 % в 2024 г.

Доля муниципалитетов второй группы (Балтийский, Пионерский ГО и Полесский МО) — *догоняющих* — крайне невелика — до 5 % всех организаций сферы туризма. Здесь небольшая позитивная динамика в количестве хозяйствующих субъектов отмечалась только в Балтийском ГО. По номерному фонду доля муниципалитетов незначительно выросла до 5,5 % к 2024 г., главным образом за счет Полесского МО (увеличение числа мест в КСР почти в 4 раза) и Балтийского ГО (более чем в 2 раза). Удельный вес муниципалитетов этой группы в пространственной структуре мест в объектах общественного питания незначительно выше — 6,6 %.

Несмотря на невысокую нагрузку туристов на трудоспособное население в остальных муниципальных образованиях (*муниципалитетах-отстающих*), среди них выделяется Гурьевский МО с заметной долей зарегистрированных в рассматриваемой сфере организаций (почти 9 %). Муниципалитет не обладает выраженной функцией обслуживания туристского спроса, а высокая численность трудоспособного населения определяется пристойным положением округа и, следовательно, промышленной и транспортной специализацией экономики. По причине высоких темпов роста численности населения округа в последний межпереписной период число мест на ООП и удельный вес округа по этому показателю также увеличились — на 27 % и 0,9 п. п. соответственно. Можно также отметить Неманский и Гвардейский МО, где за счет стремительного увеличения числа мест в коллективных средствах размещения (в Неманском МО — в 5 раз) и на ООП их удельный вес заметно возрос. Остальные муниципалитеты на фоне снижения численности населения демонстрировали преимущественно сокращение числа мест на ООП.

Тенденцией последних пяти лет (2020—2024) стал рост доли ИП в сфере туризма — с 58 до 64 %. При этом в муниципалитетах-лидерах рост оказался более значительным, чем в среднем по региону, но здесь же доля ИП пока остается ниже, чем в иных округах.

Рынок труда в сфере туризма на уровне муниципалитетов. Доступные данные Калининградстата о среднесписочной численности работников в организациях (без субъектов малого предпринимательства) демонстрируют повышенную относительно среднерегionalного уровня занятость в сфере туризма (2,2 % — по полному кругу организаций) только в Зеленоградском МО (3,0 %). В Светлогорском ГО доля занятых в крупных и средних организациях сферы составляет 2 %. Более полные данные о численности занятых по данным базы СПАРК-Интерфакс, агрегирующей информацию от организаций разного размера, подтверждают более высокий уровень вовлеченности трудоспособного населения в деятельность гостиниц и ресто-

ранов относительного среднего по региону в Светлогорском ГО и Зеленоградском МО, а также в областном центре (рис. 6, 7). Обращают внимание относительно высокие значения показателя в периферийном Краснознаменском МО — 101 % к среднерегиональному уровню, в то время как остальные муниципалитеты-догоняющие отстают более, чем на 70 %.

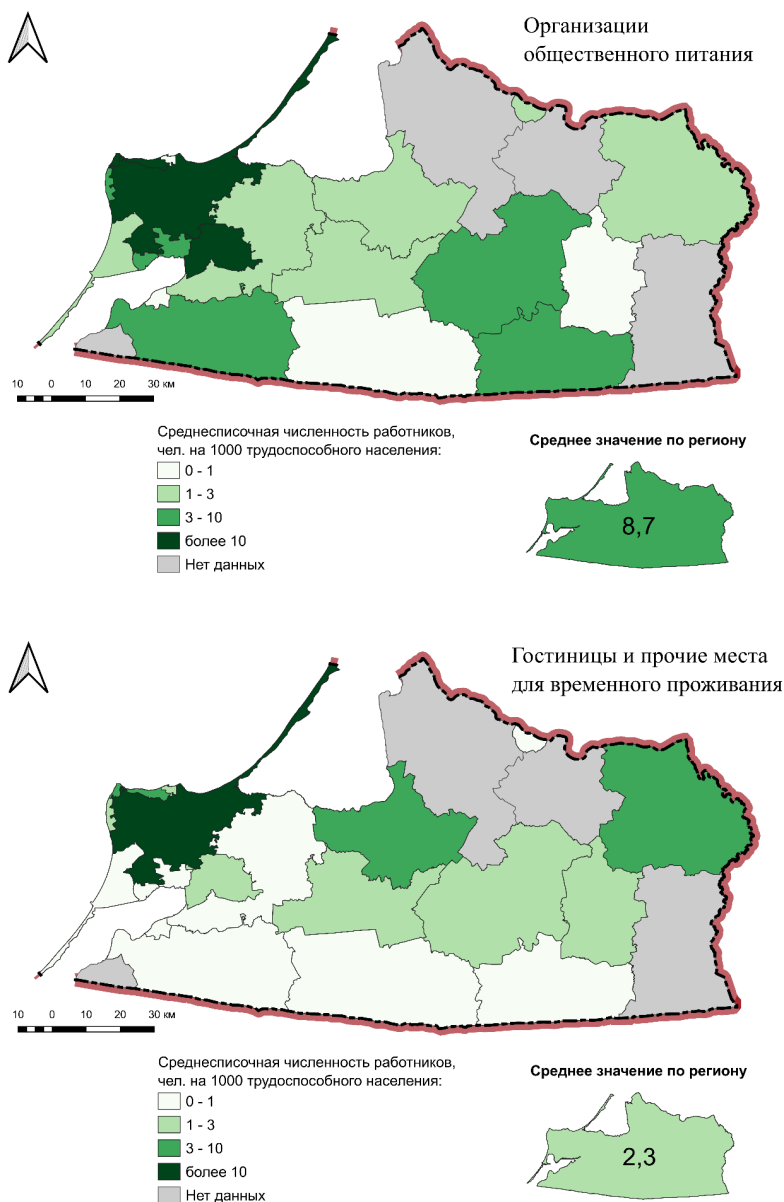

Рис. 6. Численность работников организаций в сфере туризма по состоянию на 2023 г.

Рассчитано на основе данных базы СПАРК-Интерфакс.

Согласно данным базы СПАРК-Интерфакс, почти половина всех гостиниц и прочих мест для временного проживания в регионе расположена в областном центре, однако с 2020 г. эта доля сократилась на 5 п.п., несмотря на абсолютное уве-

личение числа хозяйствующих субъектов. Напротив, в этот период вырос удельный вес Зеленоградского МО (21,7 % в 2024 г. против 15,4 % в 2020 г.). Обращает внимание рост вклада муниципалитетов-догоняющих в распределение работников в объектах размещения — их доля выросла вдвое — с 1,6 % в 2020 г. до 3,2 % в 2024 г. Удельный вес муниципалитетов-отстающих также возрос (с 17 % в 2020 г. до 19 % в 2024 г.) преимущественно за счет пригородных Гурьевского МО и Светловского ГО, а также удаленных Советского ГО и Краснознаменского МО. Оценивая муниципалитеты по показателю уровня вовлеченности трудоспособного населения в деятельность гостиниц и прочих мест для временного проживания, отмечаем, что в 7 округах из 22 он выше среднерегионального — в Зеленоградском МО, Светлогорском ГО и Краснознаменском МО — более чем в 4 раза, в Калининграде, Янтарном ГО, Пионерском ГО, Полесском МО — до 50 %. Данные о занятости в КСР (взвешенным по среднегодовой численности трудоспособного населения), учитывающие работающих в малых и микроорганизациях, также отражают превышение средних значений по региону в Светлогорском ГО (в 20 раз — 163 чел. на 1000 трудоспособного населения), Зеленоградском МО (в 5,5 раза), Пионерском и Янтарном ГО (в 2,5—3,0 раза). Важно отметить, что наиболее существенно в рассматриваемый период относительная занятость в КСР выросла в Зеленоградском МО — более чем в 2 раза к 2019 г. В этих муниципалитетах гостиничный бизнес играет важнейшую роль в обеспечении занятости населения.

Пространственная организация занятости в объектах общественного питания более концентрирована — в областном центре неизменно занято около 80 % всех работников сферы, что определяется их ориентацией не только на спрос со стороны туристов, но и местного населения. Наиболее заметно произошло увеличение числа работников в общепите в муниципалитетах-отстающих, в результате чего их совокупная доля возросла с 8,6 % в 2020 г. до 9,5 % в 2024 г. При этом в Гвардейском, Багратионовском и Черняховском МО рост составлял более 100 %. Примечательно, что по числу работников в общепите Черняховский МО в 2024 г. перегнал приморский курортный Светлогорский ГО, в то время как в 2020 г. отставание составляло более 35 %. В то же время относительные показатели вовлеченности трудоспособного населения в деятельность организаций общественного питания свидетельствуют о высоком, все более возрастающем уровне только в Калининграде, Светлогорском ГО и Зеленоградском МО — на 50—80 % выше среднего по региону. В Черняховском МО отмечается тенденция стремительного роста — с 36 % к среднему уровню по области в 2020 г. до 72 % в 2023 г.

Главная потребность в кадрах для сферы туризма приходится на областной центр (табл. 4), где преимущественно и расположены основные хозяйствующие субъекты сферы туризма, кроме того, здесь зачастую регистрируются крупные организации, расположенные в других муниципалитетах (например, загородный комплекс «Фишдорф», расположенный в Полесском МО). На областной центр в разные годы приходилось от 30 (2023) до 66 % (2019) всей заявленной в государственные службы занятости населения потребности в кадрах. Доля других муниципалитетов-лидеров в приморской зоне также подвергалась колебаниям: Зеленоградский МО — 1—12 %, Светлогорский ГО — 6—20 %, Янтарный ГО — 1—6 %. В то же время важно отметить, что гостиницы и рестораны представляют достаточно заметную долю в общей совокупности вакансий в муниципалитетах ближней пригородной зоны (Полесском МО) и округах восточной периферии, образованных полусредними городами (Черняховском МО, Гусевском ГО, Советском ГО). В последних трех округах отмечается заметный рост числа вакантных мест — совокупно спрос на кадры увеличился в 2 раза, а в 2024 г. на Гусевский и Черняховский муниципалитеты пришлось уже более 10 % всей региональной потребности организаций сферы.

Таблица 4

Заявленная в государственных службы занятости населения Калининградской области потребность в кадрах в сфере туризма

Муниципальное обра- зование	Структура вакансий в сфере по муниципалитетам, %						Доля вакансий в сфере от общей потребности, %					Нагрузка на рынок труда, безра- ботных на 1 вакансию (всего)			
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2019 — 2024, среднее	2021	2022	2023	2024	2021	2022	2023	2024
Муниципалитеты-лидеры															
Калининград	66,1	42,7	65,7	57,1	30,1	52,5	52,4	6,2	4,5	1,1	2,1	0,3	0,4	0,2	0,1
Светлогорский ГО	7,2	19,4	6,3	8,1	13,7	14,8	11,6	12,4	12,7	15,6	8,8	0,2	0,2	0,2	0,1
Зеленоградский МО	6,1	5,7	11,7	10,0	5,1	1,3	6,7	11,9	7,2	2,6	0,5	0,2	0,1	0,1	0,1
Янтарный ГО	6,3	6,5	1,6	1,5	3,1	3,0	3,7	8,5	11,7	8,7	7,3	0,1	0,3	0,1	0,0
Муниципалитеты-догоняющие															
Балтийский ГО	0,0	0,0	1,4	0,0	0,0	0,0	0,2	1,8	0,0	0,0	0,0	0,3	0,3	0,1	0,1
Пионерский ГО	3,2	5,3	0,9	0,0	0,0	0,0	1,6	3,1	0,0	0,0	0,0	0,3	0,2	0,2	0,1
Полесский МО	2,7	2,7	2,1	3,6	4,7	0,0	2,6	10,5	16,0	11,0	0,0	0,7	0,7	0,5	0,4
Муниципалитеты-отстающие															
Гусевский ГО	1,1	2,7	1,0	0,4	7,4	11,4	4,0	1,9	1,3	3,9	6,7	0,5	1,3	0,3	0,2
Светловский ГО	0,6	2,9	0,9	2,6	0,4	3,4	1,8	1,4	2,5	0,4	1,6	0,3	0,4	0,3	0,1
Советский ГО	0,7	0,2	1,0	0,6	11,3	1,7	2,6	2,6	2,3	7,2	1,2	0,7	1,3	0,3	0,1
Багратионовский МО	0,6	0,4	0,2	0,2	0,8	0,0	0,4	0,4	0,2	0,5	0,0	0,9	0,5	0,4	0,2
Гвардейский МО	0,0	0,0	0,0	0,0	5,5	0,0	0,9	0,0	0,0	3,6	0,0	0,5	0,8	0,4	0,3
Гурьевский МО	3,3	5,9	5,3	12,6	4,7	0,7	5,4	6,6	7,3	2,4	0,3	0,6	0,3	0,3	0,1
Неманский МО	0,1	0,0	0,2	0,0	1,2	0,0	0,2	1,3	0,0	1,6	0,0	1,8	5,6	0,6	0,2
Правдинский МО	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,0	0,0	0,0	0,9	1,6	0,6	0,5
Черняховский МО	1,9	5,5	1,7	3,2	12,1	11,1	5,9	2,8	5,0	4,7	4,8	0,8	1,3	0,5	0,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	5,0	4,4	2,0	2,1	0,4	0,5	0,3	0,2

Примечание: пространственные зоны, по Г.М. Федорову [33]: **областной центр**, *ближняя пригородная зона*, *дальняя пригородная зона*, *периферийная зона*.

Заключение

На уровне региона в структуре занятости в сфере туризма отмечается несколько тенденций. Во-первых, диверсификация спроса на кадры с преобладанием профессий, не требующих высокой квалификации. Во-вторых, требования к соискателям снижаются в части как уровня образования, так и опыта работы. В-третьих, динамика найма работников в сфере туризма, сокращение спроса на кадры, заявленного в государственные службы занятости, на фоне роста туристического потока свидетельствуют о распространении гибкого подхода к обеспечению занятости в сфере туризма и отсутствии статистических данных о кадровом дефиците. В-четвертых, увеличивается разрыв в уровне оплаты труда работников сферы туризма как относительно средней по региону, так и в сфере туризма в других регионах России и СЗФО РФ.

Пространственная организация рынка труда в сфере туризма Калининградской области отражает медленный сдвиг занятости в сторону территорий, слабо вовлеченных в сферу туризма. В их числе главным образом находятся муниципалитеты-догоняющие (приморские Пионерский ГО и Балтийский ГО, а также Полесский МО), динамично развивающийся на востоке области Черняховский МО, а также ближние и дальние пригороды областного центра (Светловский ГО, Багратионовский, Гвардейский МО). Достигается это преимущественно за счет развития сферы общественного питания, в то время как вовлеченность трудоспособного населения в официальную занятость в гостиничном секторе здесь остается невысокой. Спрос на работников в индустрии гостеприимства имеет тенденцию медленного роста в связи с реализацией проектов по созданию туристско-рекреационных объектов, что актуализирует принятие адекватных и своевременных мер по минимизации рисков и угроз.

Балансирование спроса и предложения на рынке труда в сфере туризма осуществляется в условиях сформированного сектора (основные объекты в сфере туризма функционируют уже более 10 лет) и пространственной компактности региона, концентрации объектов сферы туризма в приморской части и областном центре. Это определяет активное взаимодействие профессионального турсообщества в балансировании в высокий и низкий сезоны.

Проблема дефицита кадров в развитых туристических и рекреационных центрах региона решается за счет реализации образовательных программ высшими и средними профессиональными организациями. Большинство данных программ практикоориентированы, включают элементы практики на предприятиях сферы сервиса и туризма, предусматривают включение в профессорско-преподавательский состав специалистов, работающих в данной сфере по разным направлениям и специализациям.

Раскрытие потенциала муниципалитетов-догоняющих должно решаться через привлечение местных жителей на вакансии, не требующие специального образования и опыта работы; организацию образовательной среды на самих предприятиях и вовлечение турбизнеса в систему подготовки кадров, анализ образовательных программ, реализуемых средними профессиональными образовательными учреждениями и их адаптацию под требование рынка, в том числе для сферы сервиса и гостеприимства. Так, в целях обеспечения растущей потребности в кадрах на востоке области целесообразно предусмотреть соответствующую подготовку по наиболее востребованным профессиям (повар, пекарь, горничная, официант, администратор) на базе имеющихся мощностей в системе среднего профессионального образования в Черняховске, Гусеве и Советске с привлечением заинтересованных стейкхолдеров. Сопровождать развитие систе-

мы профессионального образования здесь должны мероприятия по профессиональной ориентации школьников, в том числе посредством создания специализированных классов в школах. Это особенно важно с учетом сложившейся на востоке области повышенной безработицы, в том числе в соседних и близко расположенных муниципальных образованиях.

Потребность в неквалифицированной рабочей силе должна решаться посредством переоснащения и оборудования объектов в сфере туризма новой техникой и технологиями (искусственный интеллект, «умный дом», автоматизация процессов). Это касается позиций подсобных и кухонных рабочих, работников сервиса доставки, такси.

Проблема теневой занятости в сфере туризма может быть решена посредством реализации мер, направленных на формирование позитивного отношения к легальной занятости и негативного — к теневой, через информирование, поощрение добросовестных работодателей (доступ к налоговым льготам, субсидиям, иной финансовой поддержке, освобождение от проверок) и наказание лиц, осуществляющих предпринимательскую и трудовую деятельность без соответствующего оформления (ощутимые по размеру штрафы как для работников, так и для работодателей). При этом комплекс мер должен распространяться на все виды экономической деятельности. Специфическими мерами для сферы туризма могут стать: 1) ограничение арендаторам доступа к агрегаторам (онлайн-площадкам) информации об индивидуальных средствах размещения (Авито, Суточно.РУ, Островок.РУ) без оформления официального трудового статуса; 2) повышение престижа профессии (официант, повар); 3) обеспечение мер стимулирования добросовестных работодателей (работающих «в белую») в сфере туризма и гостеприимства (например, конкурс профессионального мастерства «Талант гостеприимства» и др.; финансовые меры поддержки).

Проведенный анализ рынка труда в сфере туризма в Калининградской области с учетом пространственной организации туристско-рекреационной деятельности позволяет сделать следующие выводы: 1) рынок труда сформирован и имеет определенную емкость (12,5 тыс. чел. официально занятых в туризме); 2) в сфере сервиса и туризма применяются гибкие формы трудоустройства, особенно для линейного персонала (сезонная занятость, неполная занятость, привлечение студентов); 3) наблюдается «текучка кадров» в рамках направления «Калининград — Приморская зона» в высокий сезон и обратно в низкий сезон; 4) в связи с концентрацией предприятий индустрии гостеприимства в Калининграде и Приморской зоне, высококвалифицированные кадры сосредоточены на данной территории, на востоке области и других периферийных районах работают специалисты более низкой квалификации, в оказание туристско-рекреационных услуг вовлекается местное население и специалисты, не имеющие профильное образование, профессиональную подготовку которых обеспечивает руководство предприятий.

В связи с тем, что на территории Калининградской области продолжается рост туристического потока, запланирована реализация крупномасштабного проекта по созданию нового курорта «Белая Дюна» в рамках федерального проекта «Пять морей и озеро Байкал», а также ряд региональных проектов в сфере туризма. Оценка кадрового дефицита по данным Федеральной туристической схемы макротерритории «Русская Балтика» составляет 2500—2700 чел. разного уровня квалификации. В связи с этим необходимо продумать комплексную программу подготовки кадров в сфере сервиса и туризма, включающую увеличение набора абитуриентов по данному направлению в вузы региона, колледжах, организацию и проведение курсов профессиональной подготовки и переподготов-

ки на базе образовательных учреждений в соответствии оценкой потребности кадров для реализации новых проектов в сфере туризма, включением турбизнеса в процесс подготовки кадров на предприятиях индустрии гостеприимства с дальнейшим трудоустройством соискателей вакансий, обеспечение органами государственной власти благоприятной миграционной политики с целью привлечения кадров в данную сферу.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-17-20027, <https://rscf.ru/project/25-17-20027/> и гранта Правительства Калининградской области (Соглашение № 03-С/2025 от 18.04.2025). Проект выполнен в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

1. Лялина, А. В., Гуменюк, И. С., Плотникова, А. П. 2025, Внутренняя миграция в Калининградской области: новые и старые тенденции, *Экономика региона*, т. 21, № 2, с. 514—529, EDN: VVBPNJ, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-2-18>
2. Кропинова, Е. Г., Митрофанова, А. В. 2022, Актуализация подходов к районированию и зонированию туристских территорий для целей пространственного планирования и проектирования туристской деятельности, *Географический вестник*, № 4 (63), с. 135—148, EDN: BXLASJ, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-4-135-148>
3. Плотникова, А. П. 2025, Пространственные особенности размещения трудового потенциала Калининградской области, *Географический вестник*, № 2 (73), с. 17—30, EDN: AFMONY, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2025-2-17-30>
4. Ibrahim, D., Eid, N., Khalil, R. 2020, The Impact of Obstacles to Implementing Electronic Management Programs on The Development of Workers in Tourism Companies, *Journal of Association of Arab Universities for Tourism and Hospitality*, vol. 19, № 1, p. 208—223, <https://doi.org/10.21608/jaauth.2020.43621.1075>
5. Hojeghan, S. B., Esfangareh, A. N. 2011, Digital economy and tourism impacts, influences and challenges, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, № 19, p. 308—316, <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.05.136>
6. Akeh, L. B. 2021, Emerging Dynamics in Tourism Industry Workforce Mobility in Southern Cross River State, Nigeria, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 12, № 6, p. 56, <https://doi.org/10.36941/mjss-2021-0056>
7. Baum, T., Mooney, S. K. K., Robinson, R. N. S., Solnet, D. 2020, COVID-19's impact on the hospitality workforce — new crisis or amplification of the norm?, *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, vol. 32, № 9, p. 2813—2829, <https://doi.org/10.1108/ijchm-04-2020-0314>
8. Hampton, M. P., Jeyacheya, J., Lee, D. 2017, The political economy of dive tourism: precarity at the periphery in Malaysia, *Tourism Geographies*, vol. 20, № 1, p. 107—126, <https://doi.org/10.1080/14616688.2017.1357141>
9. Hemmington, N., Neill, L. 2021, Hospitality business longevity under COVID-19: The impact of COVID-19 on New Zealand's hospitality industry, *Tourism and Hospitality Research*, vol. 22, № 1, p. 102—114, <https://doi.org/10.1177/1467358421993875>
10. Martins, A., Riordan, T., Dolnicar, S. 2020, A post-COVID-19 model of tourism and hospitality workforce resilience, <https://doi.org/10.31235/osf.io/4quga>
11. Gan, J.-E., Lim, J. P. S., Poon, W. C., Thuraishelvam, S. 2023, Rights awareness and COVID-19 tourism job losses: perspectives from Malaysia, *Current Issues in Tourism*, vol. 27, № 2, p. 171—177, <https://doi.org/10.1080/13683500.2023.2203851LI>
12. Li, J. 2005, Research into the Development of Tourism Economy and the Cultivation of Tourism Talents in Chongqing, *Journal of Chongqing Vocational & Technical Institute*, vol. 14, № 2, p. 78—80, URL: <https://www.lens.org/lens/scholar/article/179-355-245-595-175/main> (дата обращения: 12.08.2025).

13. Abd El-Karim, A. 2019, Effect of Talent Management Strategies on Improving the Organizational loyalty to Egyptian Hotel workers, *Journal of Association of Arab Universities for Tourism and Hospitality*, vol. 17, № 1, p. 138—148, <https://doi.org/10.21608/jaauth.2019.76474>
14. Корнеевец, В. В., Семенова, Л. В., Яковенко, Н. В. 2023, Моделирование социальной ответственности гостиничного бизнеса как фактора устойчивого развития туристской дестинации Калининградской области, *Юг России: экология, развитие*, т. 18, № 3, с. 201—209, EDN: OJNJC�, <https://doi.org/10.18470/1992-10982023-3-201-209>
15. Wang, H. 2023, Research on the Current Situation and Countermeasures of Tourism Employment in Lishui City under the All-region Tourism, *Pacific International Journal*, vol. 6, № 1, p. 42—48, <https://doi.org/10.55014/pij.v6i1.304>
16. Fajar, N., Haning, M. T., Yunus, M. 2024, Pengembangan Kapasitas (Capacity Building) Sumber Daya Manusia Desa Wisata Di Desa Pao Kecamatan Tombolo Pao Kabupaten Gowa, *Kolaborasi : Jurnal Administrasi Publik*, vol. 9, № 3, p. 347—357, <https://doi.org/10.26618/kjap.v9i3.11843>
17. Thi Dang, T. D. 2023, Factors affecting local people's participation in tourism activities, *VNUHCM Journal of Economics — Law and Management*, vol. 7, № 4, p. 4878—4886, <https://doi.org/10.32508/stdjelm.v7i4.1281>
18. Анохин, А. Ю., Долгушина, Э. А. 2023, Трансформация туристического рынка и потребительского поведения в условиях экономической и политической нестабильности, *Региональные ресурсы и современные тренды развития туризма: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции*, Кострома, 1—2 декабря 2023 года, Кострома, Костромской государственный университет, с. 101—107, EDN: BLXNWG
19. Андрейченко, Е. В., Мухина, И. И. 2022, Рынок труда туризма и индустрии гостеприимства: кризис или новые возможности, *Актуальные вопросы современной экономики*, № 10, с. 166—182, EDN: DYZQJL, <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.13.16.015>
20. Мухина, И. И., Андрейченко, Е. В. 2024, Предложения работодателей в условиях кадрового дефицита: динамика востребованных вакансий, *Социальные новации и социальные науки*, № 2 (15), с. 116—135, EDN: FRMKZA, <https://doi.org/10.31249/snsn/2024.02.07>
21. Томакова, И. А., Федорова, А. Р., Бредихин, В. В. 2023, Региональный рынок труда в сфере туризма и гостиничной индустрии в условиях трансформации российской экономики, *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, т. 13, № 6, с. 84—97, EDN: TQVBGC, <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-6-84-97>
22. Аверин, А. Н., Понеделков, А. В., Кумыков, А. М., Канкулова, Л. А. 2025, Национальные проекты «Кадры» и «Туризм и гостеприимство» как инструменты достижения национальных целей Российской Федерации, *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, № 8, с. 13—20, EDN: VCNCBV, <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-8-2>
23. Евграфова, Л. В., Рокотянская, В. В. 2020, Проблемы и перспективы развития подготовки кадров для агротуризма, *Бизнес и дизайн ревью*, № 4 (20), с. 13—24, EDN: JADCJX
24. Спатарь-Козаченко, Т. И., Морозан, О. В., Петриенко, Н. С. 2018, Актуальные проблемы профессиональной подготовки кадров в сфере туризма и гостеприимства в России и за рубежом, *Сервис plus*, т. 12, № 3, с. 44—51, EDN: YTXSHB, <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2018-10305>
25. Савкин, И. Ю. 2024, *Подготовка кадров в сфере агротуризма: теория, практика*, Пенза, 181 с., EDN FMOMSF
26. Емельянова, Л. Л., Лялина, А. В. 2020, Рынок труда эксклавной Калининградской области в условиях пандемии COVID-19, *Балтийский регион*, т. 12, № 4, с. 61—82, EDN: DRMHKM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>
27. Шабляускене, Е. В. 2025, Динамика основных показателей развития туризма Калининградской области как следствие перераспределения туристских потоков в России, *Псковский регионалогический журнал*, т. 21, № 1, с. 157—179, EDN: DYXLFT, <https://doi.org/10.37490/S221979310033138-4>

28. Анохин, А. Ю., Корнеевец, В. С., Костюк, А. П., Кропинова, Е. Г., Митрофанова, А. В., Семенова, Л. В., Хильшер, В. А. 2022, Приоритетные направления развития туризма в Калининградской области, Калининград, 85 с., EDN: WMWJAV

29. Митрофанова, А. В., Сабурин, А. А. 2020, Проблемы и тенденции развития туризма на территории юго-востока Калининградской области, *Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма и сервиса*, Материалы тринадцатой Всероссийской Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, Калининград, 14 мая 2020 года, № 13, с. 106—110, EDN: OZSZA1

30. Духовная, Л. Л., Никольская, Е. Ю., Успенская, М. Е. 2022, Тенденции, проблемы и перспективы развития туризма и гостеприимства в Калининградской области в период трансформации туристских потоков, *Сервис в России и за рубежом*, т. 16, № 1 (98), с. 116—127, EDN: PJOTNI, <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-1-116-127>

31. Волошенко, К. Ю., Лялина, А. В., Иванова, О. П. 2025, Миграция предпринимателей из регионов России в Калининградскую область: возможности и ограничения использования их потенциала, *Регионоведение*, т. 33, № 2 (131), с. 239—256, EDN: QMKACM, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.239-256>

32. Капелюшников, Р. И. 2023, Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов, *Вопросы экономики*, № 8, с. 5—37, EDN: USUZBY, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37>

33. Федоров, Г. М., Киндер, С., Кузнецова, Т. Ю. 2021. О роли географического положения и изменения занятости в динамике сельского расселения, *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 129—146, EDN: ZUCTAJ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>

Об авторах

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, научный сотрудник, Центр социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

Анна Владимировна Митрофанова, кандидат географических наук, доцент, ОНК «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9565-8574>

E-mail: mitrofanova-anaa@mail.ru

Елена Геннадиевна Кропинова, доктор географических наук, профессор, ОНК «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

E-mail: kropinova3@mail.ru

Ангелина Петровна Плотникова, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5502-8866>

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

SPATIAL CHARACTERISTICS OF THE TOURISM SECTOR LABOUR MARKET IN THE KALININGRAD REGION

A. V. Lialina

A. V. Mitrofanova

E. G. Kropinova

A. P. Plotnikova

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 04 September 2025

Accepted 21 October 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-8

© Lialina, A. V., Mitrofanova, A. V., Kropinova, E. G.,
Plotnikova, A. P., 2025

Under mounting demographic pressures, restrictions on recruiting foreign labour, and an economy-wide wage race, competition for workers in the tourism sector has intensified considerably. This pressure is further exacerbated by the rapid growth of domestic tourism and the incorporation of new territories into the tourism landscape. These challenges are fully characteristic of the Kaliningrad region; however, efforts to address workforce shortages have become significantly more complex since 2022, owing to the heightened structural costs associated with the region's exclave status. The objective of this study is to identify and evaluate spatial disparities in the development of the tourism labour market in the Kaliningrad region and, on this basis, to propose measures aimed at strengthening human-resource capacity. The empirical basis of this study is drawn from statistical data from Rosstat and its regional office (Kaliningradstat) concerning tourism development in the region. In addition, the analysis uses data from the Ministry of Social Policy of the Kaliningrad region on labour force demand, as well as information from the SPARK-Interfax database on accommodation and food-service enterprises, disaggregated by municipality. General scientific, statistical, and cartographic methods were employed to process and interpret the data. The findings indicate that the spatial evolution of the regional labour market reflects a gradual eastward shift in tourism activities and increasing engagement in the near and distant suburbs of the regional centre — areas that had previously been less affected by tourism development. At the same time, this expansion is driven primarily by the growth of the food-service sector, while the involvement of the working-age population in formal employment in the accommodation sector remains limited. Enhancing human-resource potential in these areas requires adapting the vocational training system in cooperation with representatives of the tourism industry and improving mechanisms supporting labour mobility.

Keywords:

labour market, tourism, labour shortage, job vacancies, spatial disparities, Kaliningrad oblast

Funding. *The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 25-17-20027, <https://rscf.ru/en/project/25-17-20027/> and by the Government of the Kaliningrad region (Agreement № 03-C/2025 dated 18.04.2025). The project is implemented at the Immanuel Kant Baltic Federal University.*

To cite this article: Lialina, A. V., Mitrofanova, A. V., Kropinova, E. G., Plotnikova, A. P. 2025, Spatial characteristics of the tourism sector labour market in the Kaliningrad region, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 160–183.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-8

References

1. Lialina, A. V., Gumenyuk, I. S., Plotnikova, A. P. 2025, Internal Migration in Kaliningrad Oblast: New and Old Tendencies, *Economy of Regions*, vol. 21, № 2, p. 514—529, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-2-18>
2. Kropinova, E. G., Mitrofanova, A. V. 2022, Updated approaches to zoning and division into tourist districts for the purposes of spatial planning and design of tourist activities, *Geographical Bulletin*, № 4, p. 135—148, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-4-135-148>
3. Plotnikova, A. P. 2025, Spatial Features of the labor potential distribution in the Kaliningrad region, *Geographical Bulletin*, № 2, p. 17—30, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2025-2-17-30>
4. Ibrahim, D., Eid, N., Khalil, R. 2020, The Impact of Obstacles to Implementing Electronic Management Programs on The Development of Workers in Tourism Companies, *Journal of Association of Arab Universities for Tourism and Hospitality*, vol. 19, № 1, p. 208—223, <https://doi.org/10.21608/jaauth.2020.43621.1075>
5. Hojehghan, S. B., Esfangareh, A. N. 2011, Digital economy and tourism impacts, influences and challenges, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, № 19, p. 308—316, <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.05.136>
6. Akeh, L. B. 2021, Emerging Dynamics in Tourism Industry Workforce Mobility in Southern Cross River State, Nigeria, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 12, № 6, p. 56, <https://doi.org/10.36941/mjss-2021-0056>
7. Baum, T., Mooney, S. K. K., Robinson, R. N. S., Solnet, D. 2020, COVID-19's impact on the hospitality workforce — new crisis or amplification of the norm?, *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, vol. 32, № 9, p. 2813—2829, <https://doi.org/10.1108/ijchm-04-2020-0314>
8. Hampton, M. P., Jeyacheya, J., Lee, D. 2017, The political economy of dive tourism: precarity at the periphery in Malaysia, *Tourism Geographies*, vol. 20, № 1, p. 107—126, <https://doi.org/10.1080/14616688.2017.1357141>
9. Hemmington, N., Neill, L. 2021, Hospitality business longevity under COVID-19: The impact of COVID-19 on New Zealand's hospitality industry, *Tourism and Hospitality Research*, vol. 22, № 1, p. 102—114, <https://doi.org/10.1177/1467358421993875>
10. Martins, A., Riordan, T., Dolnicar, S. 2020, *A post-COVID-19 model of tourism and hospitality workforce resilience*, <https://doi.org/10.31235/osf.io/4quga>
11. Gan, J. E., Lim, J. P. S., Poon, W. C., Thuraivelvam, S. 2023, Rights awareness and COVID-19 tourism job losses: perspectives from Malaysia, *Current Issues in Tourism*, № 27 (2), p. 171—177, <https://doi.org/10.1080/13683500.2023.2203851>
12. Li, J. 2005, Research into the Development of Tourism Economy and the Cultivation of Tourism Talents in Chongqing, *Journal of Chongqing Vocational & Technical Institute*, vol. 14, № 2, p. 78—80, URL: <https://www.lens.org/lens/scholar/article/179-355-245-595-175/main> (accessed 12.08.2025).
13. Abd El-Karim, A. 2019, Effect of Talent Management Strategies on Improving the Organizational loyalty to Egyptian Hotel workers, *Journal of Association of Arab Universities for Tourism and Hospitality*, vol. 17, iss. 1, p. 138—148, <https://doi.org/10.21608/jaauth.2019.76474>
14. Korneevets, V. S., Semenova, L. V., Yakovenko, N. V. 2023, Modeling the social responsibility of the hospitality industry as a factor of sustainable development of a travel destination of the Kaliningrad region, Russia, *South of Russia: ecology, development*, vol. 18, № 3, p. 201—209 (in Russ.), <https://doi.org/10.18470/1992-10982023-3-201-209>
15. Wang, H. 2023, Research on the Current Situation and Countermeasures of Tourism Employment in Lishui City under the All-region Tourism, *Pacific International Journal*, vol. 6, № 1, p. 42—48, <https://doi.org/10.55014/pij.v6i1.304>
16. Fajar, N., Haning, M. T., Yunus, M. 2024, Pengembangan Kapasitas (Capacity Building) Sumber Daya Manusia Desa Wisata Di Desa Pao Kecamatan Tombolo Pao Kabupaten Gowa, *Kolaborasi : Jurnal Administrasi Publik*, vol. 9, № 3, p. 347—357, <https://doi.org/10.26618/kjap.v9i3.11843>
17. Thi Dang, T. D. 2023, Factors affecting local people's participation in tourism activities, *VNUHCM Journal of Economics — Law and Management*, vol. 7, № 4, p. 4878—4886, <https://doi.org/10.32508/stdjelm.v7i4.1281>

18. Anokhin, A. Yu., Dolgushina, E. A. 2023, Transformation of the tourism market and consumer behavior in conditions of economic and political instability, *Regional resources and modern trends in tourism development: Proceedings of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference*, Kostroma, December 1—2, 2023, Kostroma, Kostroma State University, p. 101—107 (in Russ.).
19. Andreychenko, E. V., Mukhina, I. I. 2022, Tourism And hospitality industry's labor of market: crisis or new opportunities, *Topical issues of the modern economy*, № 10, p. 166—182. <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.13.16.015>
20. Andreichenko, E. V., Mukhina, I. I. 2024, Employers' proposals in conditions of personnel shortage: dynamics of in-demand professions, *Social Novelties and Social Sciences*, № 2, p. 116—135, <https://doi.org/10.31249/snsn/2024.02.07>
21. Tomakova, I. A., Fedorova, A. R., Bredikhin, V. V. 2024, The Regional Labor Market in the Field of Tourism and the Hotel Industry in the Context of the Transformation of the Russian Economy, *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, vol. 13, № 6, p. 84—97, <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-6-84-97>
22. Averin, A. N., Ponedelkov, A. V., Kumykov, A. M., Kankulova, L. A. 2025, National projects «Human resources» and «Tourism and hospitality» as tools for achieving the national goals of the Russian Federation, *Humanities, social and economic sciences, and public sciences*, № 8, p. 13—20 (in Russ.), <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-8-2>
23. Evgrafova, L. V., Rokotyanskaya, V. V. 2020, Problems and prospects of development of training for agrotourism, *Business and Design Review*, № 4 (20), p. 13—24 (in Russ.).
24. Spatar'-Kozachenko, T. I., Morozan, O. V., Petrienko, N. S. 2018, Current problems of staff training in the sphere of tourism and hospitality in Russia and abroad, *Service plus*, vol. 12, № 3, p. 44—51 (in Russ.), <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2018-10305>
25. Savkin, I. Yu. 2024, *Training personnel in the field of agritourism: theory and practice*, Penza, 181 p. (in Russ.).
26. Yemelyanova, L. L., Lyalina, A. V. 2020, The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19, *Baltic Region*, vol. 12, № 4, p. 61—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>
27. Shablyauskene, E. 2025, Dynamics of the main indicators of tourism development in the Kaliningrad region as a consequence of the redistribution of tourist flows in Russia, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 21, № 1, p. 157—159, <https://doi.org/10.37490/s221979310033138-4>
28. Anokhin, A. Yu., Korneevets, V. S., Kostyuk, A. P., Kropinova, E. G., Mitrofanova, A. V., Semenova, L. V., Khilsher, V. A. 2022, Priority directions of tourism development in the Kaliningrad region, Kaliningrad, 85 p.
29. Mitrofanova, A., Saburina, A. 2020, Problems and trends of tourism development in the territory of the South-East of the Kaliningrad region, *Tourism and recreational potential and features of tourism and service development*, Proceedings of the Thirteenth All-Russian International Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduates, Kaliningrad, May 14, 2020, № 13, p. 106—110 (in Russ.).
30. Dukhovnaya, L. L., Nikolskaya, E. Yu., Uspenskaya, M. E. 2022, Tourism and hospitality in the Kaliningrad region: trends, problems and development prospects in the transformation of tourist flows, *Service in Russia and abroad*, vol. 16, № 1, p. 116—127, <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-1-116-127>
31. Voloshenko, K. Yu., Lialina, A. V., Ivanova, O. P. 2025, Entrepreneurial Migration in the Kaliningrad Region: Exploring Potential and Constraining Factor, *Russian Journal of Regional Studies*, vol. 33, № 2, p. 239—256, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.239-256>
32. Kapeliushnikov, R. I. 2023, The Russian labor market: A statistical portrait on the crises background, *Voprosy Ekonomiki*, № 8, p. 5—37, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37>
33. Fedorov, G. M., Kinder, S., Kuznetsova, T. Yu. 2021, The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends, *Baltic Region*, vol. 13, № 4, p. 129—146, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>

The authors

Dr **Anna V. Lialina**, Research Associate, Centre for Regional Socio-Economic Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

Dr **Anna V. Mitrofanova**, Associate Professor, Institute of Management and Territorial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: mitrofanova-anna@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9565-8574>

Prof **Elena G. Kropinova**, Institute of Management and Territorial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

E-mail: EKropinova@kantiana.ru

Angelina P. Plotnikova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5502-8866>

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что
— работа не была опубликована ранее в другом журнале;
— не находится на рассмотрении в другом журнале;
— все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) приставочные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2025
Volume 17
N° 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2025.
188 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2025

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Perti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia

CONTENTS

Geopolitics and international relations

Sutyryn, V. V. Geopolitics of small steps: German political foundations in Belarus in 2014—20204

Stryukovatyy, V. V., Mezhevich, N. M., Zverev, Yu. M. The Baltic region as a ‘grey zone’: balancing on the brink of armed conflict.....26

Pavlova, M. S., Timofeev, P. P. The Nancy treaty: friendship without commitment?49

Popov, D. I. The image of Russia in Finland’s historical politics amid NATO accession: a case study of president Sauli Niinistö’s speeches68

Goeconomics

Izotov, D. A. Russia’s foreign trade in raw materials and industrial goods: the impact of integration agreements and sanctions84

Novikova, A. A., Azhinov, D. G. Scientific and technological development of Russian regions: a typological analysis, 2012—2024107

Development of border regions

Nikonova, G. N. Dynamics of the territorial structure of agricultural land use in the Leningrad region.....136

Lialina, A. V., Mitrofanova, A. V., Kropinova, E. G., Plotnikova, A. P. Spatial characteristics of the tourism sector labour market in the Kaliningrad region160

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2025

Том 17

№ 4

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 12.12.2025 г.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 16,5
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ 142
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

